

Л. ГОРЯНОВ
ОЖИВШИЕ
ЛЕГЕНДЫ

История советского футбола хранит немало имен выдающихся мастеров кожаного мяча. К сожалению, многие из них неизвестны молодому любителю спорта. Восполнить этот пробел поможет книга известного спортивного журналиста.

О лучших из лучших, о создателях отечественной школы футбола живо и увлекательно рассказывает Леонид Горянов.

Леонид Борисович Горянов

Ожившие легенды

Легенда первая, из которой вы узнаете о том, как рождаются легенды и почему автор решил написать эту книгу

На Ленинград падал дождь. Потоки воды низвергались с холодного, серого, сразу приблизившегося к земле неба – тучи висели так низко, что, казалось, вот-вот собьют адмиралтейскую иглу. С Финского залива порывами налетал ветер, и тогда дождевики становились острыми, как иглы, больно кололи лицо. Но погода никого не удивляла и не

расстраивала: на дворе стоял октябрь, а такое случалось на берегах Невы и в разгар лета. Огромный город-красавец спокойно выполнял все, что нужно было совершить в этот день. Он не откладывал ни работу, ни развлечения.

На стадионе имени Сергея Мироновича Кирова шел матч на первенство страны по футболу. Вода заливала пустые трибуны. Только кое-где чернели жиденькие, сжавшиеся кучки зрителей. Среди одной из них пристроился и я.

Впрочем, оговорюсь сразу: люди, сидевшие вокруг меня, были далеко не просто зрителями, а точнее, далеко не простыми зрителями. Каждый из них – в свое время – не раз выступал на зеленых полях этого города и не раз защищал его футбольную славу на стадионах страны и мира. Они называли друг друга, как и в былые годы, по именам, хотя многие из этих «Васек», «Николаев», «Аполлонов» были уже дедушками и даже прадедушками. Они сидели тесно прижавшись друг к другу, и окажись в ту минуту рядом большой художник, человек, наделенный даром воображения, он бы написал чудесную картину – «Живая история». Да они и в самом деле олицетворяли историю нашего футбола от первых дней его рождения, и их биографии, их дела и подвиги были неотделимы от него.

Но прошлое было позади, а впереди – настоящее, то, ради чего они пришли сюда: играл «Зенит», единственная команда, представляющая город на Неве в высшей группе класса «А». Стояла осень тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года – печальная футбольная осень. «Зенит» проигрывал матч за матчем, состязание за состязанием.

Те, что сидели вокруг меня, пришли посмотреть на чудо. Но чуда не было. Счет открыли гости, а хозяева там, на поле, вели себя так, словно суть игры как раз и состояла в том, чтобы пропустить мяч в свои ворота и ни в коем случае не поразить чужие. И тогда один из тех, кто героически подставлял свою круглую, как мяч, голову под струи холодного дождя, подумал вслух:

– Эх, рассказать бы им про Кольку Детлова, сразу б заиграли иначе...

Я подсел к произнесшему эту фразу поближе и услышал одну из самых красивых, поэтичных и мужественных легенд, которые когда-либо встречал в истории спорта. Она была короткой, но яркой, как вспышка молнии.

Когда-то на заре нашего футбола на родине его – в Петербурге – среди пионеров этой игры оказались целые русские семьи. Братья Ивановы и Евдокимовы, Горелкины и Филипповы, семь братьев Колотушкиных, пять Лагуновых... Среди них достойное место занимала династия Детловых. Все они были по тем временам мастерами своего дела, а старший – Николай – неизменно входил в состав сборной Петербурга. В одном из номеров журнала «К спорту» я нашел заметку, посвященную лично ему (что в те далекие годы было сущей редкостью). «Детлов, – писал автор заметки, – человек неугомонный, настойчивый. О нем можно с полным правом сказать, что он вкладывает в игру всю свою душу».

Не раз оправдывал он эти слова на футбольном поле. Его любили товарищи, любили зрители. Они говорили о Детлове:

– У него еще все впереди. Этот человек может стать футболистом, какого еще не знала Россия.

28 июля 1914 года Николай Детлов сыграл очередной матч за свой клуб, сыграл великолепно, с присущей ему артистичностью, и сами товарищи, те, что сражались рядом, Устроили Николаю овацию. Расставаясь, жали друг другу руки, говорили:

– До новых встреч!

А через два дня началась первая мировая война, и русский футболист Николай Детлов стал русским солдатом. Где-то под Ригой в одном из первых сражений немецкая шрапнель свалила его наземь. На какое-то мгновение в последний раз ослепительной голубизной сверкнуло небо, яркой зеленой полоской поманил встававший у горизонта лес, и вдруг все вокруг оделось страшной чернотой: Николай ослеп.

Целый год провалялся он в госпиталях, исколесил страну в санитарных вагонах, слышал голоса сотен врачей и сестер милосердия. Только поздней весной 1915 года вернулся домой. А через пять месяцев слепой солдат стал руководителем футбольного клуба на Выборгской стороне. Он ездил со своими командами по городу, и, говорят, они не знали в те дни поражений. Ребята говорили друг другу:

– Стыдно будет ему (они кивали в сторону Детлова) смотреть в глаза.

Эти слова отнюдь не были пошлой шуткой. Ребята видели, что их «хозяин» сердцем чувствует игру, что он както необъяснимо умеет понять, что произошло на зеленом поле, и забывали о его слепоте.

Отшумела революция, по-новому зажил город на Неве. И Детлов опять рвался в гущу событий, в кипение спортивных страстей. Он пишет статьи для газеты ленинградской комсомолии – «Смены», выступает в спортивном издании «Спартак». И всюду твердит одно: «Спорт немислим без горения, без подлинной страсти». Он добровольно, совершенно безвозмездно выступал перед рабочими командами на заводах и фабриках Выборгской стороны, в школах, в жилищных управлениях. Рассказы ветерана были полны любви к прошлому и веры в настоящее.

Когда наладилась футбольная жизнь города, Николай Детлов не пропускал ни одного сколько-нибудь значительного матча. Он приходил на стадион, садился рядом со своими товарищами, и они – прославленные в прошлом асы футбольных просторов – поочередно рассказывали ему о том, что происходит на зеленом поле. А во время пауз он наклонялся, приставлял ладонь к уху и слушал звон мяча, крики зрителей, трели судейских сирен – все, что составляет звуковую ткань поединка, его неумирающую музыку. Он знал фамилии всех более или менее известных ленинградских футболистов, их игровые почерки, их сильные и слабые стороны и удивлял своими познаниями многих зрячих.

Так жил Николай Детлов – человек, сумевший многое увидеть и без глаз, сохранивший для себя счастье быть в дорогом, близком для него мире – мире вечной молодости, мире спорта.

Потом началась война – вторая за его недолгую жизнь. Город-музей, город-творец, город – гимн человеческому гению становился городом-фронтом. Николаю Детлову предложили уехать в глубину России.

– Нет, это не для меня. И больше по такому поводу не вызывайте, – сказал он.

И остался в артели, где работал все долгие годы от одной мировой войны до другой. По-своему, как мог, помогал нашей армии. Голодал, как все. Мерз, как все. Страдал, как все. И удивлялся тому, что все еще жив.

– Видно, закалка спортивная спасает, – говорил он, точно извиняясь перед кем-то.

В Ленинграде наступила блокадная весна сорок второго года. Одна из самых страшных и героических страниц в истории города на Неве, в истории нашего народа. Уже десятки раз враги объявляли Ленинград уничтоженным, потерявшим способность к сопротивлению, а он сражался и наносил удары, работал, строил танки и корабли, создавал новые симфонии и поэмы, ставил спектакли... Все это Давалось нелегко.

Сто двадцать пять блокадных грамм С огнем и кровью пополам...

Эти слова, принадлежащие перу и сердцу Ольги Берггольц, объясняют все. Но чем яростней наседали враг, чем трудней становилось городу, тем все больше новых доказательств своего бессмертия предъявлял он врагу. Одним из них был футбольный матч, сыгранный 6 мая 1942 года на стадионе имени В. И. Ленина между мастерами ленинградского «Динамо» и Балтийского флотского экипажа.

Ровно в полдень судья всесоюзной категории Николай Харитонович Усов, известный в стране рефери, вызвал команды на поле. Футболисты выстроились в центре и, повернувшись лицом к трибунам, поднятием рук приветствовали немногочисленных зрителей, каждый из которых был, несомненно, героем. Среди них оказался и Николай Детлов.

– Ну-ка, скажи, кто у динамовцев вышел, – попросил он своего провожатого, молодого рабочего с Металлического Леонида Сычева.

– Набутов, Московцев, Орешкин, Сычев, Дмитрий Федоров, Валентин Федоров, Сазонов, Шурик Федоров, Алов, Викторов, Архангельский, – перечислял парень.

– Молодцы. Такой состав и в мирное время мог бы переломить любую силу. Ну ты мне рассказывай, ничего не опускай.

– Хорошо, дядя Коля!

И вот игра началась. Словно почуяв что-то недоброе, словно желая во что бы то ни стало помешать ей, этой игре, враг начал жестокий артиллерийский обстрел. Тяжелые снаряды рвались неподалеку от стадиона, некоторые даже залетали на запасное, тренировочное, поле и рвались там с раздирающим душу треском.

– Нервничают немцы, Ленька, – потирал от удовольствия руки Детлов, – страшатся нас, ленинградцев. И не зря. Скоро им хребет сломаем. Ну да ладно, говори, чего там происходит.

Они сидели на освещенной солнцем трибуне, на девяносто минут забыв о голоде, о блокаде, о проклятых гитлеровцах, и жили страстями, бушевавшими на футбольном поле.

– Ну как там дела, Ленька? – волновался Детлов. – Эх, табачку бы раздобыть сейчас...

– Дела неважные, дядя Коля. Ребята еле ноги передвигают... Какой там футбол нежрамши?!

– Ничего, Ленька, разбегаются... Не такие у нас парни, чтобы не разбегаться...

Прошло минут десять, футболисты и впрямь словно забыли о голодной зиме, о том, что давно уже не знали тренировки. Откуда-то нашлись силы, даже азарт, – и дело пошло повеселее. Пришлось Николаю Усову и штрафные назначать, и замечания делать за нарушение правил, и споры прерывать, и успокаивать наиболее горячие головы.

Вот уже пошли голы (динамовцы провели в ворота соперников шесть мячей и пропустили в свои один), и, как обычно бывает в таких

случаях, защитники моряков при каждой неудаче укоризненно смотрели на вратаря, а вратарь, в свою очередь, смотрел на игроков обороны. Словом, матч был как матч. И в этой кажущейся обыденности заключалось все его особое величие.

Было ровно тринадцать часов сорок пять минут, когда судья дал свисток и соперники попарно, обнявшись, пошли в раздевалку. Не было никаких особых оваций – у людей, сидевших на трибунах, просто не хватало сил для этого. Но каждый – и тот, кто участвовал в этом матче, и тот, кто оказался его свидетелем, – чувствовал себя необычайно счастливым, чувствовал, что совершил большое и важное дело.

– Все, – поднялся и размял затекшие ноги Ленька, – пошли, дядя Коля.

– Ты иди, сынок, – ответил ему Детлов, – а я еще побуду здесь немного. Посижу...

– Я тоже останусь. Вам плохо стало, а? – встревожилось, встрепенулось мальчишечье сердце.

– Иди, Лень, иди... Мне одному тут побыть хочется... Понимаешь – одному...

И было в его голосе что-то такое, какие-то такие, новые для Леньки, нотки, что он согласно замотал головой.

– Хорошо, дядь Коль, хорошо. Я пойду.

Но он не ушел, а лишь перебрался на противоположную трибуну – развороченную снарядами, растасканную на дрова – и притаился. Любил он этого неугомонного старика. Не посмел оставить одного.

Стадион быстро опустел. Где-то сравнительно далеко, примерно у Кировского завода, тяжело ухали снаряды. Потом от Ораниенбаума ветер донес сухую пулеметную дробь. А здесь было тихо, ласково грело и нежило солнышко, и только обрывки газет двигались и шуршали на асфальте, как мыши в подполье.

Николай Детлов долго сидел один, подперев голову руками. Потом встал и, осторожно переступая ногами, стал спускаться вниз – ряд за рядом, ряд за рядом. Вот он уже подобрался к штакетнику, перелез через него и ступил на газон футбольного поля – зеленого, яркого, несмотря ни на что. И он пошел по этому полю – от ворот до ворот – неторопливым шагом, низко склонив голову. О чем он думал в те минуты? Может быть, вспоминал свою такую далекую и такую недолгую молодость? Может, рисовал в своем воображении давно отшумевшие футбольные сражения и видел себя вновь крепким и здоровым, подхваченным! горячим ветром атак? Может быть, прикидывал, сколько ног оставили здесь, на этой земле, свои отпечатки, и шептал фамилии людей, дорогих его памяти и сердцу? Кто сможет отгадать эту загадку...

Он подошел к воротам, потрогал рукой сетку, которую позабыли снять, и снова зашагал к противоположной штрафной площадке.

Было удивительно тихо. Даже ветер смолк. И вдруг, со страшным свистом, со все нарастающим скрежетом упал с голубого неба и звонко разорвался где-то совсем рядом артиллерийский снаряд. Было слышно, как просвистели, ввинчиваясь в воздух, тяжелые осколки. Почти сейчас же еще один снаряд упал на землю, другой, третий – и каждый разрыв неотвратимо, все ближе и ближе, подвигался к стадиону.

– Дядя Коля! – в ужасе закричал Ленька и спрыгнул со своего места, чтобы спрятаться за бетонным пояском трибуны. Но Детлов словно не слышал ни крика своего поводыря, ни тяжелого артиллерийского грохота. Он все так же спокойно и твердо шел от центра поля к штрафной площадке. Он уже почти достиг ее, когда совсем недалеко вздыбилась, поднялась кверху черным фонтаном земля и оглушительно лопнул воздух. Детлов упал сразу лицом на траву, вытянув руки вперед, точно сбитый недозволенным приемом во время очередной атаки. Когда его подняли, на лице погибшего увидели застывшую улыбку. Как будто он был доволен, что жизнь оборвалась именно здесь – на поле, где кипела и будет кипеть игра, которой он отдал все, что имел.

...Вот какую быль, ставшую легендой, услышал я однажды на сиротливо пустом ленинградском стадионе. Она взволновала меня своим невыдуманным лиризмом, своей суровой правдой – правдой о великой

любви к футболу, о великой верности ему. Я был потрясен, несколько раз приезжал на стадион имени В. И. Ленина и подолгу смотрел с пустых трибун на квадрат зеленого поля, как будто оно могло что-то добавить, что-то договорить, что-то вспомнить... В раздумьях о Николае Детлове, о его судьбе прошли долгие дни. И только потом, много времени спустя, я вспомнил обстоятельства, при которых познакомился с этой легендой. Вспомнил фразу, которую бросил тогда рассказчик: «Эх, рассказать бы им про Кольку Детлова, сразу б заиграли иначе...». И я подумал: действительно, сколько в нашем прошлом, в нашем далеком и близком вчера, историй, событий, легенд, которые, вытащи мы их на свет, отряхни от пыли, придай прошлый аромат и блеск, могли бы и должны были стать огромной воспитательной силой, факелом, зажигающим молодые сердца. Но, увы, как редко в наши бурные, динамичные дни мы оглядываемся назад.

Когда-то, в ином издании, я уже писал с тревогой и болью: «...история нашего футбола, нашего спорта вообще оставит потомкам мало живых показаний». Это особенно относится к предвоенному периоду – самому трудному и самому романтичному. Объяснить, почему этот период часто встает перед нами безмолвными «белыми пятнами», конечно, не трудно: специальная, спортивная, печать была еще тогда маломощной, общеполитические газеты и журналы «не трогали» физкультуру, спортсмены не вели дневников, не посылали друг другу писем, не помышляли о мемуарах – одни из скромности, другие попросту из-за того, что не успели в горячке революции, гражданской войны, ударных строек овладеть достаточными знаниями, «тайнами» литературной речи, а помочь им часто было некому.

Да, объяснить, почему мало литературы, мало сведений о тех безвозвратно ушедших, но бесконечно дорогих для нашего народа годах, нетрудно. Куда сложнее ответить на вопрос, почему так медленно, так инертно, так скудно заполняются «белые пятна». А время не ждет. Время неумолимо вырывает из наших рядов живых свидетелей прожитого. Недавно на одной из встреч ветеранов футбола, состоявшейся в стенах редакции журнала «Спортивная жизнь России», один из них с горечью говорил:

– Мы теперь встречаемся на похоронах товарищей и вспоминаем былое, идя за очередным гробом...

А как бы хотелось, чтобы вспоминали они о былом на страницах газет и журналов, писали по заказам издательств, передавали журналистам и писателям сокровенные клады своей памяти.

Прошлое... Былое... В них заключены неисчерпаемые моральные и материальные силы. Древние римляне не зря обожествляли Януса. У Януса было два лица не потому, что он был двуликий, как часто говорят. Нет, он был мудрым: одно его лицо было обращено к прошлому, другое – к будущему. И это позволяло ему всегда оставаться сильным.

А сколько бы силы прибавило нашей молодежи знание пути, пройденного отцами и дедами! Увы, сейчас нередко встретишь людей, которым в поединке двух прославленных футбольных команд, в захватывающем состязании баскетболистов или боксеров видятся только желанные два очка, только победа «своих» – и баста. Как бы хотелось, чтобы перед ними, как азбука спорта, встали рассказы о тех днях, когда наши первые посланцы отправлялись за кордон как полпреды в красных футболках. Когда они, несмотря на вой и неистовство буржуазии, вздымали алые знамена над чужими, враждебными стадионами и завоевывали сердца миллионов верой в Родину, любовью к ней. О тех днях, когда лучшие люди России боролись за то, чтобы открыть к спорту путь рабочему люду.

Прошлое должно нас привлекать и потому, что оно дало отечественному спорту Целую плеяду поистине блистательных мастеров, людей удивительно талантливых, которых только обстоятельства, только ограниченность наших международных связей не сделали мировыми знаменитостями. Несколько лет назад один из читателей – москвич Алексей

Иванович Приходько – принес мне стокгольмскую газету «Политикен» за 1923 год, в которой рассказывалось о нашей сборной, впервые посетившей Швецию. В заметке, любезно переведенной Алексеем Ивановичем, говорилось: «Мы увидели в их команде (т. е. в сборной РСФСР. – Л. Г.) немало ярких талантов, но, признаемся,

настоящим откровением, настоящим чудом явилась игра вратаря Соколова. Любая профессиональная команда Европы, любой клуб на материке и даже в Англии посчитал бы за честь иметь в своем составе такого игрока». Увы, в ту пору мы не могли принимать участие в официальных состязаниях европейского и мирового масштаба. Иначе задолго до Льва Яшина мир узнал бы – не сомневаюсь! – и отдал должное и другому вратарскому гению – Николаю Соколову. Но мы-то сами как долго не вспоминали в послевоенные годы этого замечательного мастера, вдохновенного труженика, пламенного патриота. А ведь его жизнь – честная, красивая, яркая – прекрасный пример для молодых, для всех. Десятки фамилий, десятки спортивных подвигов преданы по нашей неряшливости забвению. Они ждут своих рассказчиков.

Мы должны постараться воскресить в памяти и сердцах нынешнего поколения каждую из них. Мы должны оживить содеянное ими, оживить историю, принести вчерашнее в сегодняшней день.

Задача это, конечно, трудная. Картины, написанные художниками, висят в музеях – можно пойти и посмотреть Врубеля и Левитана, Рембрандта и Федотова, Репина и Сурикова, Веласкеса и Шишкина... Посмотреть и решить, кто тебе больше по душе. Можно зайти в библиотеку и взять томик Пушкина или Евтушенко, почитать «довоенного» Симонова, взять билет в кинотеатр повторного фильма и провести полтора часа наедине с забытой лентой. Можно, наконец, даже услышать запись Шаляпина и Собинова, Москвина и Качалова... А матчи, которые прошумели до нас, игроки, которых мы не застали, остаются часто всего лишь легендой – не больше.

Да, мы часто утверждаем, что даже самые прекрасные, самые удивительные состязания умирают – их не воскресишь. Недавно мне довелось присутствовать на торжествах, посвященных юбилею фильма «Вратарь». Лента пролежала в архиве тридцать лет, но мальчишки конца шестидесятых годов увидели Кандидова таким, каким видели его мы – мальчишки довоенной поры. И так же, как тогда, шел матч против «Черных буйволов». Но никогда уже не увидать ни моему сыну, ни его сверстникам, как забивал шесть голов «Спартак» в расколдованные

ворота басков, как неотразимый удар Всеволода Боброва лишил московских динамовцев звания чемпиона. Мы знаем и можем в любую минуту подтвердить свои знания в том, что Сергей Есенин был великолепным поэтом, великим лириком. Но мы можем только верить на слово, что его современник Федор Селин был подлинным поэтом футбольного поля.

И все же творческий труд, истинный талант и вдохновение спортсменов не исчезают; они могут быть на время незримыми, как вода, уходящая под землю. Но где-то, когда-то они вырываются наружу, орошая почву, на которой растут, действуют, изумляют наш взор уже новые таланты, новое поколение советского спорта. Я смотрю в Лужниках матч нашей сборной против национальной команды Венгрии. Кругом восхищаются: «Вот это да!», «Такого еще не бывало!» – а я вспоминаю штурм, на который пошли московские динамовцы против «Арсенала» в незабываемом сорок пятом, и ничью, вырванную у югославов в пятьдесят втором при счете 5:1 в их пользу. Я сижу в гуще молодежи и вдруг слышу восторженный возглас:

– Во ударил, как Федотов!

Оглядываюсь. Передо мной парнишка, родившийся тогда, когда Григорий Иванович уже перестал выступать.

Смотрю на Яшина и вспоминаю Соколова, Жмелькова, Акимова, Хомича... Смотрю на Стрельцова и вспоминаю Пономарева, Пайчадзе, Симоняна... Часто слышу я эти имена на стадионах, на товарищеских встречах. И тогда кажется, что они еще в строю и их мастерство, их страсть, их вдохновение помогают нам в битвах мировых и европейских чемпионатов, в олимпийских сражениях, в споре за кубки...

Свой рассказ я начал с легенды о Николае Детлове – с легенды о великой любви к футболу, о верности ему. Летопись этой увлекательнейшей и популярнейшей из игр хранит немало примеров такой верности. Часто она проявлялась не у отдельных людей, а у целых семей. У нас, в России, есть футбольные семьи, футбольные фамилии, без которых невозможно представить историю и понять ее. О некоторых мы знаем достаточно полно, например о Старостиных, оказавшихся к

счастью, не только выдающимися мастерами футбола, но и его бытоописателями. О других, увы, не знаем почти ничего или знаем очень мало.

На протяжении ряда лет автор этих строк работает над тем, чтобы ликвидировать этот пробел. Книга «Ожившие легенды» – это книга о знаменитых футбольных фамилиях, о людях с горячими сердцами, о неумирающих спортивных подвигах и бессмертной спортивной славе. Это книга о дорогих мне легендах, о близких мне героях советского спорта, и я с понятным волнением отдаю ее на суд читателей.

Легенда вторая, в которой пойдет речь о шести братьях, каждый из которых оставил свой след в истории русского футбола

Одну из своих недавних статей, посвященных семидесятилетию любимой игры, Василий Павлович Бутусов озаглавил романтично: «Мы были Колумбами русского футбола». Эти слова он относил к своему поколению, к тем многочисленным – известным и неизвестным – героям отечественного спорта, которые приняли и полюбили футбол тогда, когда был он еще не признанным кумиром в царстве игр, а эдакой спортивной Золушкой, ютившейся в прямом и переносном смысле слова на задворках царской России.

Говоря обо всех, Василий Павлович вместе с тем, конечно, относил к числу наших футбольных Колумбов и знаменитую спортивную свою фамилию. Но здесь он явно поскромничал. В истории отечественного футбола этой одной из самых удивительных и поистине легендарных семей отведено было судьбой особое место. С ней связан целый исторический период, охватывающий несколько десятков лет и знаменующий собой этапные события.

– Достаточно изучить биографию Бутусовых, чтобы считать себя истинным знатоком истории нашего футбола, – сказал один из ораторов на торжественном ужине, посвященном пятидесятилетию одного из династии Бутусовых – несравненного Михаила Павловича. В этой шутке значительная доля правды. И мы еще не раз убедимся в справедливости такого утверждения. Мы еще не раз убедимся, что знаем об этой семье слишком мало и не воздали ей должного до конца. Заранее оговорюсь,

что данным очерком автор не ставит перед собой задачу исправить положение. Нет, мне хочется лишь более или менее четко систематизировать все, что нужно сказать об этих людях в первую очередь. Я тешу себя мыслью, что когда-нибудь появится у нас большая интересная книга о Бутусовых – книга, которая будет учить молодежь и читаться «взахлеб».

А пока я предлагаю вашему вниманию лишь краткое жизнеописание людей, одно имя которых еще так недавно приводило в трепет всех, кто любит футбол, кому дорога его судьба.

Детство

Как-то в одной из статей, принадлежащих перу замечательного футболиста и публициста Андрея Петровича Старостина, я прочел горестные слова о том, что вот, дескать, никогда не узнать нам имени первого русского футболиста – где теперь, мол, найдешь его след.

След этот нужно было искать в Петербурге – городе, подарившем Родине много спортивных чудес, в том числе и главное наше «чудо» – современный футбол. Официальной датой его рождения принято считать 13 сентября 1898 года, когда во дворе 1-го Кадетского корпуса состоялся первый в истории города и России матч между командами «Спорт» и «Кружок спорта». Но эта дата не отличается абсолютной точностью. Еще за несколько лет до этого на зеленых лужайках близ города и даже на одном из городских ипподромов зазвенел туго накачанный мяч, возвещая о начале эры футбола – игры, пришедшей к нам издалека, но сразу же любимейшейся русскому человеку.

Когда Россия родила свой футбол, Кириллу Бутусову было уже восемнадцать лет, Константину – четырнадцать, Василию – шесть, Александру – два, только что появился на свет Павел. Эти ребята были рядом с футболом и с ним росли. Им не приходилось изучать его историю по книгам – она шла рядом, увлекала за собой, заставляя забыть обо всем на свете. Она смотрела им в глаза, видела их, и они видели ее – такой, как она есть, без выдумываний и прикрас, без ярких и темных красок.

Не случайно поэтому, что именно Василий Павлович Бутусов, когда я прочел ему начало статьи Андрея Старостина, улыбнулся и сказал:

– Первые русские футболисты? Ну, знаете, это не вопрос. Я их знал лично. Видел не раз на футбольном поле.

Да, родоначальниками футбола в Петербурге были жившие в то время в столице России иностранцы, заполнившие административные корпуса ее заводов и фабрик: англичане, шотландцы, чуть позже – немецкие колонисты.

Это правда. Но несомненная правда состоит и в том, что почти одновременно с иностранцами, глядя на них, широко, повсеместно заиграли в футбол и русские парни – гимназисты, мастеровые... Конечно, у них не было еще своих площадок, не было формы, не было нужной организации, и они гоняли мяч где попало и как попало, ничуть не считаясь с тем, что организовавшие свои клубы иностранцы называют их «чужаками» и «дикими».

Но даже в этих исключительно трудных условиях стала проявляться спортивная талантливость русского человека. Однажды англичане, входившие в клуб «Невка» (организованный при Невской ниточной мануфактуре), увидели игру двух «диких» команд и... обомлели. Их поразили мастерство, выносливость, азарт двух удивительно похожих друг на друга парней.

– Кто такие? – спросил на ломаном русском языке капитан англичан у стоявших вдоль площадки зрителей.

– Рабочие... Евангуловы фамилия им.

– Евангуловы... Иес... Хорошо.

А через несколько дней произошло «чудо»: чопорные, надменные англичане, кажется, пуще смертного греха боявшиеся нарушить свое единство, сами и весьма торжественно пригласили в линию нападения понравившихся им братьев. «Секрет» такого решения разгадывался просто: шел тысяча девятьсот первый год, в Петербурге решено было организовать первый в истории этого города чемпионат по футболу, и

хозяева «Невки» сочли неблагоразумным отказываться от игроков, которые на голову выше их всех.

И вот уже журнал «Спорт», выходявший тогда в столице, пишет: «Много оживления вносит в игру команды «Невки» Мишкэ, как его называют англичане, – Михаил Евангулов. Фамилия, действительно странно звучащая среди исключительно английских фамилий других игроков».

Так Михаил и Богдан Евангуловы стали первыми русскими спортсменами, внесенными в официальную летопись отечественного футбола. Василий Павлович Бутусов много рассказывал мне о них.

– Это были очень большие для своего времени мастера, – вспоминал он. – О них говорили с восхищением. Михаил играл на краю, он обладал исключительно быстрым бегом – буквально никто не мог его догнать. Ему часто выдавали мяч на прорыв, он догонял его и стремительно несся вперед, и почти всегда его рывок заканчивался голом. Богдан действовал в центре, он был степеннее своего брата, но обладал очень сильным и точным ударом, не раз поражал чужие ворота издали. Одним словом, видные были игроки.

Недавно я получил, совершенно неожиданно для себя, документальное подтверждение этим словам. В Государственной публичной библиотеке имени В. И. Ленина мне удалось разыскать ежегодник Петроградской футбол-лиги, в котором были приведены данные о всех чемпионах города на Неве. Я прочел здесь: «1901 г. Играли клубы: «Виктория», «Невка», «Невский» – по 1 команде. «Невка» – 6 очков, «Невский» – 3, «Виктория» – 3. Победе «Невки» во многом способствовало высокое искусство братьев Евангуловых».

Я рассказал все это, во-первых, потому, что судьба первых русских людей, официально признанных мастерами кожаного мяча, интересна сама по себе, а во-вторых, чтобы еще раз показать, что нет и в самом деле ни одной черты, ни одной страницы в истории нашего футбола, которая прошла бы мимо Бутусовых.

Несколько самых общих слов об этой семье. Родители их – Павел Кириллович и Прасковья Михайловна – потомственные крестьяне из Мышкинского уезда Ярославской губернии. Спасаясь от унижительной темноты и бедности русской деревни, Павел Бутусов еще мальчишкой сбежал в Петербург и здесь, после долгих унижений и мытарств, устроился в магазин канцелярских принадлежностей. Сначала был мальчиком на побегушках, потом разносчиком товаров и, наконец, продавцом. В шестнадцать лет женился в родной деревне и вывез в город Прасковью Михайловну. Здесь, в Петербурге, зажили они в мире и согласии, подарив миру десятерых детей – шестерых сыновей и четырех дочек. Павел Кириллович, человек от природы чрезвычайно одаренный, но, увы, не сумевший получить должного образования, изо всех сил старался дать его своим детям.

– Доедать не буду, а всех вас выучу, – часто говаривал он. С гордостью смотрел, как долгие зимние вечера проводит ребятня за книгами. Жизнь казалась спокойной, благообразной. А потом, как ураган, ворвался в нее футбол. Мать то и дело вздыхала, охала, не успевая чинить мальчуганам одежду, заставляя их сушить и чистить обувь. А отец радовался:

– Пусть играют. Глядишь, и станут знаменитыми спортсменами. На весь мир прославят нашу фамилию.

Шутил. А как в воду глядел. Семья Бутусовых и впрямь стала знаменитой футбольной семьей.

Вечный капитан

Начиная о ней рассказ, пожалуй, надо сразу же и решительно отказаться от хронологического принципа. Василий Павлович, или, как называли его в детстве, Васек, третий по старшинству среди братьев, но футбол в семье пошел от него. Четырнадцатилетним гимназистом познакомился он впервые с диковинной и непонятной тогда игрой. Давно это было, а помнит все до мельчайших деталей. Учился во 2-м реальном. Был у него закадычный друг – Мишка Филин. Кончились уроки, он и говорит:

– Пойдем посмотрим, как мяч гоняют.

– Какой мяч? Не слышал.

– А я видел. Интересно. Пойдем?

– Ну, пойдем...

Шел тысяча девятьсот шестой год. Сами того не зная, ребята попали на матч, решавший судьбу чемпионата города, – встречались два очень популярных в то время клуба – «Невский» и «Виктория». Игра сразу увлекла, Василий, как говорится, полюбил ее с первого взгляда и – навсегда. Русская лапта, которой до этого увлекались в их семье, сразу отошла на второй план. Вместе с Мишкой Филиным они вызубрили правила, облюбовали площадку у школы, купили вскладчину мяч и – начали. Сначала играли один на один, потом вдвоем стали играть против других мальчишек.

И тут выяснилось, что нет среди сверстников равных Ваське Бутусову. Почти в каждом состязании забивал он «свои» голы. О нем заговорили все любители игры. А через сезон последовало официальное приглашение от руководителей «Виктории». И пятнадцатилетний футболист – самый молодой в то время в Петербурге – стал выступать в линии нападения второй команды знаменитого тогда клуба. До сих пор, хотя прошло уже больше шести десятков лет, хранит наш герой его эмблему как драгоценную память.

Но судьба недолго связывала его с коллективом, взявшим себе столь победное имя. Семья переехала в Удельную. Сейчас ленинградцы знают это место как один из новых районов города, с веселым шумом уличного движения, с неизменной суетой, а в ту пору это была тихая, далекая и уютная окраина с маленькими домиками, с зелеными лужайками, с манящими лесными просеками. Неподалеку расположилось футбольное поле тоже успевшего стать знаменитым клуба «Коломяги», И читатель, вероятно, уже решил про себя, что молодой и способный Василий Бутусов немедленно перешел сюда. Что ж, может быть, так оно и было бы, если бы ни одно «но». Хорошее «но».

Я уже говорил, что «открыл» футбол для Бутусовых Василий. Но постепенно им заразилась вся семья. Старшие братья – Кирилл и Константин – уже считали неудобным гонять мяч, но с большой охотой взяли на себя организаторские функции.

– Создадим свой клуб, – сказал Кирилл Павлович.

Идея всем понравилась. Нашли место, средства, привлекли к делу таких же энтузиастов, какими были сами, повесили необходимые объявления, призывавшие «сплотиться вокруг нового кружка всех, кто по-настоящему любит футбол и чувствует его пользу».

Закипела работа. И вот уже в чемпионате Петербурга; по классу «Б» участвует никому не известная команда «Удельная». Новичок проявляет необычную прыть и делите в своей группе первое-третье места, набрав вместе с «Коломягами» и «Павловском» по 13 очков с прекрасным соотношением забитых и пропущенных мячей – 21:4! Семнадцать голов в чужие ворота влетели после метких ударов Василия Бутусова – центрального нападающего и капитанам «Удельной». Этот успех обеспечил ей переход в следующем сезоне в разряд сильнейших команд.

«С большой радостью отмечаем, – читаем мы в журнале «Спорт» за 1910 год, – что в нынешнем сезоне среди сильнейших команд (т. е. группы «А» – Л. Г.) появились два новых, чрезвычайно интересных, клуба – «Удельная» и «Коломяги». Наличие в их среде некоторых очень способных игроков, несомненно, придает нынешнему соревнованию еще большую остроту и большой интерес».

Действительно, дебютировав в высшей группе городской лиги, «Удельная» сразу же во весь голос заявила о себе, заняв третье, призовое, место. А в 1911 году, объединившись с футболистами «Надежды», удельненцы расширили свой клуб, дав ему новое название – «Унитас». Председателем клуба стал Кирилл Павлович Бутусов. Он, как я уже говорил, родился слишком рано для того, чтобы стать футболистом, но снискал себе громкую и, безусловно, вполне заслуженную славу прекрасного администратора и организатора. Его поистине удивительная энергия и горячая, бескорыстная любовь к футболу служили долгие годы примером. Основав клуб в апреле 1911 года, он добился того, что уже в

следующем сезоне клуб стал официальным чемпионом Петербурга и снискал себе всеобщее восхищение. Он сумел через два сезона построить для своего клуба превосходное игровое поле со скамейками для зрителей и удобными раздевалками для спортсменов. Этот уютный стадиончик в Удельном парке, у пруда, знал и любил весь город, и спортсмены всех клубов охотно соглашались на нем играть.

Но эти хозяйственные успехи были отнюдь не единственной добродетелью владыки «Унитаса». Кирилл Павлович прежде всего памятен ветеранам тем, что ввел в своем клубе наиболее демократические (по сравнению с другими) порядки. В «Унитас» принимали с десятирублевым членским взносом (для сравнения укажем, что в Павловско-Терлевском кружке любителей спорта, где почетным председателем являлся «сам» Великий Князь Борис Владимирович, членский взнос составлял 25 руб.), среди игроков и посетителей было много студентов и даже рабочей молодежи, что по тем временам выглядело чуть ли не «чудом».

Кирилл Павлович Бутусов, начав заниматься футболом, по его же выражению, «с тем, чтобы не отставать от братцев», постепенно вырос в большого общественного деятеля, был избран заместителем (или, как тогда говорили, «товарищем») председателя Петроградской футбол-лиги и членом Всероссийского футбольного союза. Он был одним из тех, кто словом и делом помогал налаживать международные связи отечественного спорта, кто добивался и добился поездки сборной команды России на Олимпийские игры 1912 года в Стокгольме.

Итак, Кирилл Павлович стал администратором и полновластным руководителем клуба «Унитас». А центральным нападающим первой команды этого клуба играл его брат Василий, слава о способностях которого шла по городу. Конечно, он был далеко не одинокой «звездой» на унитасовском небосклоне. С любовью произносили петербуржцы имена вратаря Потапова, центрального полузащитника Хромова, форвардов братьев Ивановых, защитника Латанина...

Жили футболисты дружно. Подавляющее большинство игроков клуба «Унитас» увлекались театром, музыкой, искусством. Василий Павлович Бутусов недавно с гордостью вспоминал известного в те

времена защитника (игравшего, правда, в клубе «Спорт») Павла Яковлевича Курзнера. Он поступил в консерваторию, блестяще окончил ее и долгое время пел на сцене Кировского театра, снимался в кино. Это был знаменитый бас, и футболисты всегда искренне гордились, что он вышел из их среды, был и остался их товарищем.

Большой любовью и всеобщим уважением пользовалась футбольно-музыкальная семья Колотушкиных, блестяще зарекомендовавших себя в клубе «Меркур». Модест Иванович и Александр Иванович славились не только четкой игрой на зеленом поле, но и красивыми голосами, великолепной игрой на рояле. Дома у Колотушкиных был создан свой маленький семейный оркестр. И нередко после какого-нибудь матча или тренировки они приглашали к себе товарищей по команде и соперников. И начинался концерт, который всегда был желанным отдыхом и развлечением для всех этих людей.

Был свой домашний оркестр и в семье Бутусовых. Только здесь, в отличие от Колотушкиных, где увлекались западной классикой, горячо любили русскую песню, свою, народную, музыку. И эту любовь знаменитые братья пронесли через всю жизнь. Александр Павлович, например, стал профессиональным дирижером. В годы революции он создал в Удельной, несмотря на огромные трудности, большой великорусский оркестр, который несколько лет с успехом выступал на фронтах гражданской войны, перед революционными солдатами и матросами. Сам Александр великолепно играл на домбре, этот же инструмент предпочитал и Михаил, к слову сказать, тоже владевший им превосходно. Василий играл на басовой домбре, Павел взял себе в подруги секунду-балалайку, а сестры – Мария, Екатерина, Анна и Вера – обладали сильными, чистыми голосами. В семье часто устраивались концерты, и тогда чуть ли не вся Удельная прислушивалась, как летит, вырвавшись в раскрытые окна, словно птица, милая сердцу душевная песня.

– Мне думается, – говорил однажды Василий Павлович Бутусов, – что эта повседневная связь с искусством воспитывала нас эстетически в широком смысле, заставляла и на свою игру в футбол смотреть как на искусство, неизменно совершенствоваться в ней.

Действительно ли искусство способствовало тому или просто серьезные тренировки, но Василий Бутусов все больше и больше вырастал в игрока высокого класса. В своем клубе «Унитас» юноша стал лидером атак. Начиная с десятого года не было ни одного матча, когда Василий ушел с поля хотя бы без одного гола. Был он чрезвычайно быстр – ничего не стоило ему выйти на продольный пас, догнать вырвавшийся вперед мяч или обогнать игрока. Он отлично овладел техникой, считался мастером обводки и прямо-таки виртуозно играл головой. Но, конечно, больше всего в Василии Бутусове подкупало его высокое мастерство удара по воротам. Он поражал цель мгновенно, из любого положения, совершенно не тратя времени на обработку мяча.

«Каждому защитнику, коему доводится выступать против «Унитаса», – читаем мы в «Спорте», – выпадает труднейшая роль противоборствовать воистину неудержимом) Василию Бутусову».

Рядом с ним играли тоже большие умельцы. Сам Василий Павлович и теперь с большой теплотой и нежностью вспоминает о своих товарищах, замечательных мастерах мяча, Эндрю (который особенно часто выводил на завершающий удар своего центрфорварда), Воргине, Яковлеве, Борейше, Соколове, братьях Ивановых, Детлове, Иконникове, Хромове.

– Разумеется, – говорит ветеран, – у каждого из них был свой стиль, но всех роднила горячая, бескорыстная любовь к футболу. Они были его верными рыцарями.

Наступил тысяча девятьсот двенадцатый год, оставивший в жизни Бутусова, как, впрочем, в жизни всей футбольной России, неизгладимый след. Над страной повеяли олимпийские ветры. Ожидание предстоящих встреч с сильнейшими сборными мира наполняло сердца всех истинных спортсменов радостью предстартового волнения.

Чем ближе подходила дата Олимпийских игр, тем все острее, ожесточеннее шли среди спортивной общественности споры о составе русской команды. Для определения его решено было провести матч между сборными двух столиц. Он состоялся 13 мая в Петербурге при

огромном по тем временам стечении зрителей – около полутора тысяч человек.

Поначалу в счете повели москвичи, забившие два мяча, но затем футболисты города на Неве начали бурный натиск на соперника. Счет к концу игры стал 2:2, причем один из этих мячей влетел в сетку гостей после неотразимого удара Бутусова. «Можно с уверенностью сказать, – писал некий Г. Ф-ский, – что наиболее верным кандидатом в ту команду, которую мы собираемся послать в Стокгольм, является молодой форвард из «Унитаса» Бутусов, игру которого уже успели оценить не только наши зрители, но и сами господа московские футболисты».

Решению сложной и щепетильной задачи определения состава сборной был посвящен специальный совет руководителей Московской и Петербургской лиг. На нем, как это указано в ежегоднике Петроградской лиги, два футболиста получили абсолютное большинство голосов – вратарь москвич Фаворский и центральный нападающий Василий Бутусов. И Бутусов действительно не только утверждается центральным нападающим первой в истории России сборной команды по футболу, но и единодушно избирается ее капитаном. В этом несомненное и наиболее яркое выражение авторитета, которым он пользовался среди футбольных «звезд» своей страны, признание его огромного игрового таланта.

В сборную вместе с Бутусовым вошли его товарищи по клубу «Унитас» – Хромов, Яковлев, Соколов, остальных призвали из других команд, всего девять петербуржцев и восемь москвичей.

Все понимали, что будет очень трудно: ведь команда, отправляющаяся на труднейший турнир, по существу, имела всего одну тренировку, а точнее, одну тренировочную игру против сборной, составленной из игроков, не попавших в олимпийский состав. (Ее выиграли олимпийцы с минимальным счетом 5:4, причем вновь в этой встрече особо отличился Василий Бутусов.)

В Стокгольм пароход «Бирма» с олимпийской командой России на борту пришел за два дня до открытия Олимпиады. Город был празднично разукрашен. На площадях играли маленькие оркестры. Флаги разных

стран и наций украшали фасады зданий. На улицах слышалась разноплеменная речь, повсюду царила праздничная атмосфера.

Но за красивым внешним обликом, за праздничной суетой русские футболисты почувствовали убивающий холодок невнимания. Для них, как и для других членов нашей делегации, не оказалось даже мест в гостиницах. Люди вынуждены были жить на пароходе. «Бирму» загнали к одному из самых дальних причалов, и добираться до стадиона приходилось часами. А главное, команде было самым решительным образом отказано в тренировках.

Здесь, конечно, особая забота легла на капитана. Бутусов понимал: надо дать ребятам возможность размяться, сбросить напряжение, попробовать силенки. Он пошел бродить по району, примыкающему к гавани, и совершенно неожиданно нашел чудесный пустырь – ровный участок, поросший травой. И – как тут ни подивиться русской сметке – в короткий срок были найдены нужные инструменты, траву скосили – и вот уже закипела игра.

Наконец наступило 17 июня – день первого официального выступления сборной России на Олимпийских играх. Утром игроки высыпали на палубу «Бирмы» – началось обсуждение плана игры. У команды никакого тренера тогда еще не было, и роль его взял на себя, естественно, капитан.

– Давайте смелее атаковать, чаще бить по воротам, по возможности больше передвигаться. Учтите, соперник ни в чем не сильнее нас. Не надо его бояться. Давайте думать только о победе.

И вот одиннадцать посланцев России выбегают на поле. Команда одета в оранжевые рубашки с российским гербом на груди, в синие брючки. Василий Бутусов приветствует соперников – сборную Финляндии, жмет руку судьё.

– Ну, братцы, с богом, – говорит он своим товарищам и делает первый удар по мячу.

Поначалу все шло, как задумали: атаки одна за другой следовали на ворота финнов. Бутусов старался изо всех сил, очень часто брал на себя

инициативу и увлекал других. Но мучала несыгранность: игроки плохо знали друг друга, а следовательно, плохо и понимали.

Воспользовавшись этим, соперники все чаще стали сами переходить в наступление, и на тридцать четвертой минуте их правый инсайд Виберс ударом с трех шагов открыл счет.

Неудача не только не сломила россиян, но, казалось, придала им новые силы, разбудила ярость. Дважды стремительно, обходя одного защитника за другим, прорывается к чужим воротам Бутусов, но оба раза, увы, мяч после его сильнейших ударов попадает в штангу. Но центральный форвард не сдается, неудержимо рвется вперед, ни одной минуты не стоит на месте. И эта удивительная настойчивость, искрометная энергия в конце концов вознаграждается: получив от М. Смирнова отличный пас «вразрез», Бутусов бросается вперед, успевает к мячу раньше финского защитника и с ходу неотразимо бьет. Мяч влетает в правый верхний угол ворот. Это был первый и последний гол, забитый русскими футболистами на Стокгольмской олимпиаде. Как известно, встречу с Финляндией Россия все-таки проиграла (1:2), а в утешительной игре Германия разгромила русскую команду (0: 16).

О причинах столь неудачного дебюта уже писалось и говорилось немало. Скажу лишь одно: и финская, и немецкая, и шведская печать во всех своих выступлениях, несмотря на очень крупный проигрыш Германии, дала высокую и весьма лестную оценку индивидуальному искусству наших парней.

«Игра Финляндии с Россией, – писала одна из шведских газет, – получилась более интересной, чем ожидали... В русской команде, несмотря на ее проигрыш, мы увидели | немалое число игроков заметных, интересных. Среди них вратарь и прежде всего автор гола центрфорвард Бутусов»...

Вернувшись на Родину, первый капитан нашей первой олимпийской сборной продолжал верой и правдой служить футболу.

До 1917 года включительно Василий Павлович неизменно выступает за свой родной и близкий клуб «Унитас» (он сохранил к нему верность и

сыновье чувство до сих пор. Совсем недавно показывал мне нагрудные значки, которые носили члены клуба, чудом – иначе не скажешь – сохранившуюся футболку, десятки фотографий, дипломов, призов).

После Великой Октябрьской социалистической революции олимпийский капитан одним из первых принимает участие в работе по зарождению Красного спорта. Он возглавляет команду Выборгского района Петрограда, затем переходит в «Пищевик», где до 1929 года выступал за первую команду в линии атаки, плечом к плечу со своим юным братом Михаилом, о котором у нас еще разговор впереди.

Постепенно начали сказываться прожитые годы. Но Василий сдавался медленно и неохотно: он еще долго выступал на зеленых полях Ленинграда – сначала во второй, потом в третьей командах «Пищевика», а закончил свои выступления в команде «старичков» ленинградского «Динамо».

Тогда ему было 42 года.

Но расставания с любимой игрой не получилось и не могло получиться: сердце давно было отдано ей. Инженер-экономист Василий Павлович Бутусов стал «по совместительству» футбольным рефери. Собственно говоря, дружбу со свистком он начал давно – с 1912 года и не прерывал ее на протяжении тридцати лет. Одним из первых в нашей стране он получил звание судьи всесоюзной категории, более десяти лет возглавлял ленинградскую коллегия судей и даже именовался главным судьей Ленинграда по футболу. В активе Василия Павловича судейство в сотнях междугородных и международных матчей, финального поединка Всесоюзной спартакиады 1928 года, а также многих других турниров самого крупного масштаба.

Недавно ленинградские товарищи, узнав, что я работаю над книгой о знаменитых футбольных фамилиях, прислали мне несколько редчайших документов. Среди них – подлинник приказа Комитета по делам физкультуры и спорта при Ленгорисполкоме, датированного 1939 годом. В нем говорится: «В связи с сорокалетием Василия Павловича Бутусова и отмечая его очень большие заслуги перед отечественным спортом как выдающегося футболиста и судьи по

футболу, прекрасного воспитателя молодежи, неутомимого борца за подлинно социалистическую физическую культуру, объявить тов. Бутусову В. П. благодарность и наградить ценным именованным подарком...».

Зимой 1968 года в стенах редакции журнала «Спортивная жизнь России» произошла встреча ветеранов отечественного футбола. На эту встречу из Ленинграда специально, не посчитавшись со временем и грузом прожитых лет, приехал и сам Василий Павлович. Бодрый. Веселый. Жизнерадостный.

Как были рады встрече с ним старые друзья – представители гвардии русского спорта! Они обнимали Василия Павловича, крепко жали руку, говорили, счастливо улыбаясь:

– Здравствуй, дорогой капитан!

– Сколько лет и зим, капитан!

Да, для них он остался (как останется и для всех нас) вечным вожаком, вечным нашим первым олимпийским капитаном.

Одна неизвестная страница

Вся жизнь, спортивная слава, спортивные подвиги; семьи Бутусовых тесно связаны с городом на Неве. Но есть в их коллективной биографии одна малоизвестная для широкой публики страница, действие которой происходит; сравнительно далеко от Ленинграда. А действующее лицо – Павел Павлович Бутусов.

Следуя примеру Константина, Александра и, конечно, в первую очередь своего горячо любимого Василия, Павел с ранних лет пристрастился к спорту. Еще в 1910 году двенадцатилетним мальчишкой был он принят в только что организованную детскую команду при «Унитасе». И сразу же начинает выделяться не только среди всех своих сверстников, но и даже среди некоторых взрослых членов клуба, с которыми часто встречался во время тренировочных игр.

Не так давно я получил из Ленинграда письмо от офицера запаса, военного моряка Евгения Степановича Маркова, которому довелось когда-то провести один или два сезона в одной команде с Павлом Бутусовым.

«Павел с первых же встреч поразил мое воображение, во-первых, удивительной для нашего возраста техникой обращения с мячом, во-вторых, какой-то подкупающей неутомимостью. Он играл часами и продолжал играть, когда мы, остальные мальчишки, буквально без сил валялись на траву», – вспоминает Евгений Степанович.

Такой неутомимости есть свое объяснение. По совету Кирилла Павловича Павел с самого раннего возраста, попутно с игрой в футбол, стал серьезно заниматься гимнастикой и легкой атлетикой.

– Вы погубите ребенка, – говорили Кириллу Павловичу знакомые и незнакомые люди, наблюдая за тем, как Павел висит на турнике, делает шпагат, прыгает через коня или несется сломя голову по беговой дорожке, но Павел, несмотря на все время повышавшиеся нагрузки, не доставлял удовольствия прорицателям и не гибнул. Наоборот, в четырнадцать лет он в порядке исключения, как человек, достигший прекрасного физического развития и высоких спортивных результатов, был принят в третью мужскую команду, а незадолго до революции вместе с Михаилом уже выступал в линии атаки первой клубной команды. В журнале «К спорту» появилась заметка, в которой говорилось буквально следующее: «В знаменитом «Унитасе», рядом с Василием Бутусовым, чья звезда знаменитости возшла уже давно, теперь с не меньшим блеском, но с еще большим задором выступают его юные братья – Павел и Михаил. Все трое доставляют истинное наслаждение всем, кому довелось наблюдать за их игрой».

Прогремела над миром очистительная гроза Великой Октябрьской социалистической революции. Рука врагов была занесена над первым в мире государством рабочих и крестьян. В кольце боевых фронтов находилась молодая Страна Советов.

В эти грозные дни Павел Бутусов оказался на родине своих родителей – в уездном городке Мышкине Ярославской губернии.

Решение созрело немедленно: записаться Добровольцем в Красную Армию. И вот он уже в здании военного комиссариата с заявлением в руках. «Прошу отправить меня в бой за нашу рабоче-крестьянскую власть, за нашу свободу. Обязуюсь быть примерным красноармейцем, точно выполнять все приказы», – написал в этом документе юный гражданин-патриот. Он захватил с собой все необходимые вещи, мечтая об отправке на фронт.

Но добровольцу Бутусову сказали решительно и твердо:

– Останетесь здесь, на месте. Ваши глубокие знания, ваш опыт спортсмена нужны здесь, в тылу.

Как ни сопротивлялся Павел, а решение военкома осталось в силе – представитель знаменитой футбольной семьи был согласно приказу назначен инструктором Всевобуча по допризывной подготовке и спорту.

– Что ж, раз нужно, буду воевать здесь, – сказал самому себе двадцатилетний боец. – Но воевать по-настоящему!

Трудное было время. Разруха, голод, холод железными тисками сжимали молодую страну. Война. Слухи. Неимоверные лишения. Сколько обывателей говорили себе:

– Эх, хоть как-нибудь день бы прожить...

А Павел Бутусов оказался мечтателем, поэтом, романтиком. Он смотрел вперед и видел Родину завтрашнего, дня – цветущую, в лесах новостроек, увлеченную созидательным трудом. Он знал, что ей нужны будут миллионы закаленных сердец, крепких и выносливых рук. Знал, что таких людей способен выковать спорт. И взялся за дело. Взялся с жаром, с нескрываемым энтузиазмом, с огромной решимостью.

Очевидцы говорят, что был у него в ту пору один ответ для тех, кто сомневался в его начинаниях:

– Приходите через месяц (через полгода, через год – смотря по масштабности задуманного) – тогда и поговорим с вами...

В этих словах был весь Бутусов – живой, деятельный любящий увлекать людей не словами, а делами.

Уже в середине 1918 года Павел Бутусов создает Мышкинский спортивно-гимнастический клуб «Гладиатор». По городку в те дни были развешены огромные, от руки написанные объявления, которые призывали: «Если хочешь обзавестись стальной мускулатурой, – иди в «Гладиатор» заниматься физкультурой», «Все – в наш спортивный клуб!» Нужно лишь добавить, что это был один из первых спортивных клубов в стране.

Несмотря на тяжелые условия, городские власти нашли возможным отвести для клуба одно из лучших зданий. Павел Бутусов со своими учениками и активистами разыскали разбросанный по городу, оставшийся в наследство от старого режима инвентарь. В одном месте отыскали несколько уцелевших гимнастических снарядов, в городской пожарной команде нашли и перетащили к себе «шведскую стенку», на каком-то складе, даже не мечтая об этом, увидели новенький комплект оружия и костюмов для фехтования, а старый учитель гимназии Леонард Сергеевич Пронин принес несколько пар боксерских перчаток... В итоге – целое богатство.

Но первые мышкинские физкультурники и их руководитель отнюдь не надеялись на милостивые подарки судьбы. Взялись за дело сами, и вот уже словно по мановению волшебной палочки вырос в чудесном уголке Мышкина на берегу Волги целый спортивный комплекс, где имелись отличное футбольное поле, площадки для игры в баскетбол и теннис, легкоатлетическое ядро – настоящее чудо по тому времени.

И закипела спортивная жизнь. Энергия, сноровка, знание дела, любовь к нему, проявленные Бутусовым, сделали ее яркой, динамичной. Можно без преувеличения сказать, что в ту далекую пору немногие даже крупнейшие города страны могли бы поспорить с маленьким, уютным Мышкином по размаху и качеству физкультурной работы. Одно за другим следовали занятия в многочисленных секциях, интересные соревнования (у Павла Павловича до сих пор сохранилось несколько грамот, подтверждающих победы мышкинцев в состязаниях на первенство губернии), массовые спортивные выступления, праздники

народной физической культуры. Созданная Бутусовым футбольная команда объехала чуть ли не всю Ярославскую губернию, побывала в самом Ярославле и нигде не знала поражений.

В линии нападения этой команды, разумеется, неизменно выступал и сам Павел.

Сейчас уже не восстановишь деталей той большой и полезной работы, которую проделал посланец знаменитой футбольной семьи на земле, где выросли его отец и мать, откуда берет начало их род.

Чудом уцелевший листок плотной бумаги. Навеки вдавлены в него буквы: «Аттестация. Дана сия т. Бутусову П. П. в том, что в бытность свою инструктором Всевобуча с 25 апреля 1919 года по 10 июля 1922 года тов. Бутусов являлся лучшим инструктором спорта Мышкинского уезда. Его стараниями был организован первый спортклуб в г. Мышкине. Тов. Бутусов работал не за страх, а за совесть, с утра до позднего вечера работал на процветание спорта. Им созданы женские и мужские группы, которые являлись по своей технической подготовке отлично организованными.

Тов. Бутусов все устраиваемые состязания, как на первенство города и уезда, а также и междугородные, проводил блестяще. Кроме работы во Всевобуче он являлся одним из лучших спортсменов губернии.

Тов. Бутусов участвовал в состязаниях на первенство Ярославского округа, а также на первенство города Москвы, куда были командированы лучшие силы Ярославской губернии.

Тов. Бутусов пользовался большими симпатиями среди спортсменов, что доказано преподнесенными ему памятным подарками. В политическом отношении тов. Бутусов вел себя как достойный гражданин РСФСР». Этот уникальный в наше время документ скреплен гербовой печатью и подписью начальника губернского Всевобуча. Как он много говорит о нашем герое, о его больших заслугах перед отечественным спортом.

В двадцать втором он демобилизовался и вернулся домой – в родной Ленинград. Кончил институт, стал крупным инженером-экономистом. Я

смотрю его трудовой список и думаю: этот человек не знал и не любил покоя, рвался туда, где интересно и трудно. Восстанавливал крупнейшую в городе мельницу, работал в Эстонии, в Латвии, за участие в строительстве Куйбышевской ГЭС награжден орденом «Знак Почета», а последние годы трудовой жизни – вплоть до шестьдесят восьмого – блестяще трудился на должности начальника планового отдела одного из крупнейших трестов страны.

– На пенсию уходил – не хотели отпускать, – с гордостью говорит о своем младшем брате Василий Павлович.

– Ничего не поделаешь, спортивная закалка дает себя знать, – объясняет тот свое замечательное творческое долголетие.

И в этих словах большая жизненная правда. Павел Павлович ни на минуту не расставался со спортом. До 1928 года он выступал за ленинградский «Пищевик» вместе со своими братьями Василием и Михаилом, и многие вратари города на Неве еще успели «хлебнуть от него горя». Играл в хоккей, слыл очень жестким и уверенным защитником, которого трудно было пройти. Почти двадцать лет его тренерскому стажу по футболу. Опыт, знания, отличную техническую подготовку этот замечательный мастер кожаного мяча передавал и своим землякам, и армейским спортсменам, и динамовцам двух крупных спортивных центров – Краснодара и Ставрополя. И всюду оставлял по себе добрый незабываемый след.

29 мая 1968 года Павел Павлович отмечал свое семидесятилетие. В этот день в Ленинград на проспект Героев в Дом № 34, квартиру 99 пришли многие десятки писем, телеграмм, поздравительных адресов. Прислали ему свой теплый, сердечный привет мышкинский райком ВЛКСМ и райсовет ДСО «Урожай». Послание, отпечатанное типографским способом, кончалось следующими словами: «Примите нашу глубокую признательность и большую благодарность за все, что Вы сделали для развития физической культуры и спорта как в Мышкине, так и во многих других местах нашей великой Родины».

Мы все, дорогой Павел Павлович, присоединяемся к этим словам.

«Скандал» на Королевском стадионе

В феврале 1958 года в Ленинграде мне посчастливилось встретиться с кумиром моего детства – Михаилом Павловичем Бутусовым, самым младшим из шести братьев и, несомненно, самым талантливым, самым ярким представителем знаменитой семьи. Он написал для газеты, в которой я тогда работал, интересную статью, а в часы наших встреч, наших бесед, продолжавшихся в течение нескольких дней, рассказал десятки увлекательнейших историй из своей биографии, которая неразрывно связана с историей нашего футбола.

Он много рассказывал о детстве, но эту главу я позволю себе пропустить: смешно говорить о том, как стал футболистом человек, родившийся и воспитавшийся в такой семье. С шести лет он уже носил чемодан Василия, не пропускал ни одного состязания, видел знаменитый отборочный матч Москва – Ленинград и стоял у самого борта «Бирмы», провожая брата в олимпийский Стокгольм. Потом, у себя дома, он слушал рассказы Василия о часах позора, слушал слова, полные горечи и надежды на будущее.

– Ничего, – убежденно стучал Василий кулаком по столу. – Ничего, за битого двух небитых дают. И мы будем играть не хуже англичан.

Михаил слушал и впитывал в себя эти слова. И мечтал.

И часами наблюдал за тем, как играют взрослые. А потом старался повторить все во время мальчишеских игр.

Однажды увидел его на лужайке Василий Павлович. Дома подозвал и сказал:

– Азарту много. Но нескладен ты, Миша. Ни силенки нет, ни ловкости. Хочешь стать хорошим футболистом – бегай, занимайся гимнастикой, возьми в руки гантели.

Послушался этого совета. С увлечением стал пробовать свои силы в легкой и тяжелой атлетике, на турнике, прыгал через коня, даже взял несколько уроков фехтования. И еще: подобрал себе четверку верных товарищей и стал этой командой выступать регулярно против

мальчишек, вдвое и втрое превышающих по численности его, бутусовскую, дружину. Теперь, чтобы прорваться к импровизированным воротам и забить гол, нужно было обязательно обвести не одного-двух, а минимум пять-шесть юрких, настырных соперников. Ясно, тут уж приходилось действовать и правой, и левой, и выдумывать самые разнообразные финты... Одним словом, именно эти забавы на лесных полянах больше чем что-либо способствовали небывалому росту его мастерства, воспитанию его игровой индивидуальности.

Весной 1914 года Михаилу поручили в «Унитасе» отвезти футболки клуба в город: на стадион, что по Лифляндской улице. Там четвертая команда выступала в официальном матче на первенство города против «Нарвы». Пришло время выходить на поле, а в команде унитасовцев не хватало одного человека.

– Ну-ка, одевайся, мальчуган! – сказал Михаилу капитан. – Будешь хоть под ногами у них путаться.

Самого маленького из Бутусовых поставили на место правого полусреднего, и он забил в этом поединке решающий гол; принесший «Унитасу» победу со счетом 2:1. С этого момента и берет отсчет его футбольная биография. Он переходил из команды в команду и с места на место, побывав защитником, хавом и даже вратарем. Но вот наконец он прочно и навсегда определился как форвард и в 1917 году впервые был введен в состав знаменитой первой команды «Унитаса» и занял свое место в линии атаки рядом с Василием, которого обожал и считал кумиром. Однако через две игры произошло вновь перемещение – Мишу поставили играть центральным полузащитником. Но и с этого места он продолжал неудержимо забивать голы.

– Это же прирожденный форвард, – заговорили о нем в городе.

В 1918 году он уже введен во вторую сборную Петрограда, а на следующий сезон едет в составе первой в Москву, и на поле ЗКС сражается против сборной команды Белокаменной, в которой выступали игроки, от одного упоминания имени которых у него всегда сдавливало дыхание: Канунников, Исаков, Селин... Петроград побеждает, и второй гол в ворота соперников блестящим ударом проводит Михаил Бутусов.

Так пришло к нему признание. Пошли будни, игры за петроградский «Пищевик», за сборную города, в которых мужало и крепло его мастерство, расцветал и шлифовался его колоссальный природный талант. А подлинная, большая и заслуженная слава пришла через четыре года – во время поездки сборной РСФСР в Скандинавию. Об этой поездке Михаил Павлович рассказывал мне с особым чувством, и этот его рассказ, записанный почти со стенографической точностью, я хочу воспроизвести сейчас.

... – 1923 год. Петроград. На перроне Финляндского вокзала толпа: провожают в дальний путь, за границу, сборную Советской России по футболу. Предстоящее путешествие волнует и отъезжающих, и тех, кто остается: ведь ничего подобного еще не было в истории молодого советского спорта.

Вместе с командой, – вспоминал Михаил Павлович, – отправлялся и я. Провожать меня пришла почти вся семья и, конечно, мой учитель и наставник в футболе – брат Василий, которого одиннадцатью годами раньше, в 1912-м, я провожал в столицу Швеции на Олимпийские игры, куда он ехал как капитан сборной России. Теперь мы поменялись ролями.

– Хлебнули мы позора в этом Стокгольме, – говорил на прощанье Василий. – Не дай бог вам такое испытать.

О позоре, выпавшем на долю русской команды летом 1912 года, знала вся Европа.

Во всяком случае, помню хорошо, как на пограничной станции финский офицер, просматривая наши документы, спросил с презрительной улыбкой:

– Неужели у вас есть свои футболисты?

– А почему бы им не быть? – спросил кто-то из наших.

– Да вы и при царе-батюшке играть-то не умели. А уж теперь... – и он махнул рукой, не найдя слов, чтобы достаточно выразительно пояснить, что он думает о нынешней русской команде.

Можно было не вспоминать этого служаку, если бы он был одинок. Увы, так считали многие. И этому, право, не стоит удивляться. Шел всего лишь шестой год Советской власти. Страна была окружена кольцом врагов. Повсюду были страшные следы войны, разрухи, голода. Буржуазные газеты предсказывали крах со дня на день. И вдруг Советы посылают в страны высокоразвитого спорта свою футбольную команду. Запад воспринял это как дерзость. Как нечто совершенно неслыханное.

В шведской столице наряду с проявлением дружбы и симпатии, которые выражал нам трудовой народ, увидели мы истинное лицо хваленной буржуазной демократии. В витринах роскошных магазинов появились портреты, на которых мы были изображены... людоедами. Над портретами пестрели надписи: «Не пускайте их в цивилизованный мир», «Бойкотируйте встречи с большевиками». Многие газеты надрывались, требуя во что бы то ни стало отменить матч со сборной России.

– Не стоит обращать внимания на всю эту свистопляску, – сказал нам один из сотрудников посольства. – Вы должны отлично понимать, что встретите здесь немало врагов. Вы ведь не просто спортсмены. Вы солдаты, приехавшие сюда воевать за Советскую власть. За ее признание. За ее честь, за ее авторитет!

Эти слова врезались в память на всю жизнь. Каждый раз, выходя на международные встречи, я вспоминал их.

Ну, а что касается игры, то она все-таки состоялась. И не где-нибудь, а на Королевском стадионе. На том самом, где так неудачно дебютировали наши старшие товарищи в двенадцатом году.

Видно, желая нас сразу «поставить на место», проучить как следует, отцы города приказали выставить против русских сборную Стокгольма, составленную из лучших игроков. Для того чтобы устроить нас, газеты печатали материалы, в которых нам предсказывали полный разгром.

И вот настал день состязания. Выбегаем из раздевалки навстречу солнцу, ослепительно голубому небу и яркой зелени поля. Трибуны

гудят: пятнадцать тысяч зрителей собрались на стадион. Для того времени это была внушительная цифра.

Мы начали состязание с огромным желанием выиграть, но уже на пятой минуте, после прорыва шведов, мяч влетает в наши ворота. Потом еще и еще: 3:0! В ложах, где сидели буржуа, – откровенная радость. Оттуда доносился издевательский смех. Он просто бесил нас.

Призрак разгрома, похожий на олимпийский, уже витал над нами. Угрюмо, точно после нерадостной, тяжелой работы, возвращались мы к центру. И вдруг один из наших, уже не помню кто, крикнул:

– Да что же мы делаем, братцы?

Это простое, чисто русское «братцы» сразу отрезвило нас. Каждый вдруг подумал: а ведь верно, дальше отступать нельзя. Нужно было добиться перелома в игре.

Наш капитан, неутомимый Павел Батырев, – полузащитник, лучше которого мне лично не доводилось за свою жизнь видеть, – выручил нас в эту труднейшую минуту. Когда мы получили право на штрафной удар, он сильно и точно послал мяч в угол шведских ворот. Гол! Но, увы, соперники до перерыва забили нам четвертый мяч.

Перерыв. Вошли в раздевалку усталые, и в ней сразу воцарилась угнетающая тишина. Тренера тогда у сборной никакого не было, указать на ошибки некому. Мы бросали недоуменные взгляды друг на друга, на московских товарищей, удивляясь, почему играем хуже, чем у себя дома.

Принесли к нам в раздевалку чай с лимоном. Теперь это делается на каждом матче чемпионата страны, а тогда нам показалось это удивительной роскошью. Пить хотелось ужасно. Но я ждал, пока кто-нибудь первым возьмет стакан. Да так и не дождался.

Быстро пролетело время отдыха. Уже у самого выхода обнял меня наш защитник, мой друг и земляк Гостев, и шепнул:

– Миша, попробуй-ка издалека по воротам стрельнуть. Может быть, не выдержит твоих ударов шведский вратарь, а?

Я согласно кивнул. А вскоре опять пошла игра, и вот уже москвич, настоящий виртуоз футбола Павел Канунников, выйдя на удобную позицию, получил мяч и прекрасным ударом забил второй гол. 2:4. Стало чуть полегче.

Прошло еще несколько минут. В какой-то момент, начиная атаку, я вдруг оказался свободным: в непосредственной близости не было ни одного соперника. А до ворот – метров тридцать. Нередко уже за свою жизнь поражал я цели с таких расстояний. Но то было у себя дома, на Родине, а тут – чужой город, чужая страна. И все-таки дай, думаю, попробую. Рванулся, набирая скорость, и ударил. Мяч ворвался в самый верхний угол ворот. Шведский вратарь даже не шелохнулся.

Прошло еще минут десять, снова мне подвернулся счастливый случай, и я опять пробил по воротам изо всех сил метров с сорока. На этот раз шведский вратарь достал мяч в броске, но удержать его не смог, и коричневый шар тихо покатился в пустые ворота. Тут подоспел П. Исаков и добил мяч.

Итак, счет стал 4:4! Удача, как всегда, вдохновила, а вдохновение придало новые силы. Вот уже Павел Канунников, обойдя трех защитников, забивает пятый гол. Через минуту очень выгодный момент упускает П. Исаков. И снова – атаки, атаки, атаки.

Однако к концу мы устали. Сказалось огромное напряжение второго тайма. К тому же ушел, получив травму, Канунников. Одним словом, удержать с таким трудом завоеванное преимущество нам не удалось. Центр нападения шведов – игрок очень сильный, агрессивный – за минуту до финального свистка провел ответный гол. Матч кончился со счетом 5:5.

С каким высокомерием, с каким плохо скрываемым пренебрежением к нам выходили на поле перед матчем игроки сборной Стокгольма. А сейчас, вырвав ничью, они радовались как дети.

Вечером пришли первые газеты. Тон их выступлений был уже совершенно иным. «Русские – игроки мирового класса», – писала одна из них.

В двенадцать мы уезжали в Гётеборг. Несмотря на столь поздний час, нас пришли провожать тысячи людей.

Проводы выдались очень торжественные, нам было адресовано много теплых слов.

Возбужденные, растроганные вошли мы в вагон и... настроение сразу упало. Выяснилось, что спать негде: места только сидячие. А нам на следующий день играть. Вдруг кто-то сказал:

– Ребята, вспомним, как в гражданскую ездили. Вали на пол.

Мы воспользовались этим дельным советом, положили под головы чемоданы вместо подушек и... проснулись уже в Гётеборге.

Город нас удивил: всюду виднелись толпы нарядных людей, на площадях играли оркестры, во весь голос выкрикивали что-то газетчики. Оказалось, что в Гётеборге проходит Всемирная художественная выставка.

– Вас будет смотреть весь мир, – сказал нам сотрудник посольства. – Постарайтесь не ударить в грязь лицом.

Увы, поначалу казалось, что эту просьбу не удастся выполнить: мы проиграли первый тайм 0:3 не таким счетом ушли на перерыв.

– Друзья, что с вами происходит? – не вошел, а скорее, ворвался в раздевалку посол СССР в Швеции товарищ Осинский. – На трибунах дипломаты девяти стран. Богатые со всего света. Что подумают они о России? Во втором тайме вы должны проявить всю свою революционную боевитость и добиться победы.

Эти слова сильно подействовали, и после отдыха мы сражались отчаянно, как говорится, не щадя себя. Сначала П. Григорьев «размочил» счет, а остальные три гола пришлось на мою долю. 4:3!

Ну и шуму наделала эта игра. Нас даже, помнится, стали переводить в самую лучшую гостиницу, да мы уже снова уезжали в другой город. В пути получили газеты, в которых оценивался гётеборгский поединок. «Да! – писал один из обозревателей. – Советские футболисты не чета

прежним русским футболистам. К тому же они очень хитры. В первом тайме они играют не в полную силу, высматривают слабые стороны в игре шведов, а затем делают в своей команде перестановку и во втором тайме добиваются легкой победы».

Ну и хохотали же мы, читая этот теоретический бред. Знал бы автор заметки, как ругал нас за подобную «тактику» товарищ Осинский и каких трудов нам стоило ликвидировать ее последствия.

Замелькали города, стадионы, названия команд. Мы играли через день, и каждый соперник хотел нас сломить, но мы никому не позволяли этого.

Итак, началось все с хихиканья сытых буржуа, а кончилось тем, что вся печать затрубила тревогу: шведскому футболу нанесен неслыханный удар, на карту поставлен его престиж. Буржуазные газеты выступили со статьями, требующими реванша. Против нас собиралась национальная сборная Швеции.

Команду Российской Федерации пригласили в посольство. Товарищ Осинский, ставший неожиданно яростным поклонником футбола, ходил по кабинету, потирал руки, спрашивал:

– Ну как, будем играть?

– Будем, – отвечали мои товарищи, – только пусть дадут нам немного дней для отдыха.

Встреча состоялась через пять дней – 21 августа 1923 года. Мы вышли на разминку за полчаса до начала и увидели, что уже все места заняты. А ведь было воскресенье – день, когда в Швеции все или почти все уезжают за город, на лоно природы. С двух сторон королевской ложи висели государственные флаги Швеции.

– А почему не вывесят наш, советский? – спросили мы у представителя дирекции. – Ведь это положено по всем международным нормам и законам.

– У нас нет разрешения, – последовал ответ.

– Что ж, мы охотно подождем, пока вы его получите, – заявил комсомолец-москвич Петр Артемьев.

Итак, мы ушли в раздевалку, сидели и ждали. Минут через десять к нам вбежал кто-то из официальных представителей и сказал через переводчика:

– Разрешение получено, но во всем городе нет ни одного советского флага. Так что придется подождать до следующего раза.

– Ничего, – «успокоили» мы его, – у нас есть флаг, мы привезли его с собой.

Служащий убежал, по-моему, совсем не обрадовавшись услышанному. Наконец, он вернулся и взял у нас красное полотнище с серпом и молотом. А еще через десять минут в раздевалку ворвался П. Батырев и крикнул:

– Ребята, развевается наш флаг! Развевается!

Мы вышли на поле, и все как один повернулись к королевской ложе. Над ней, пламенея в лучах ослепительного летнего солнца, висел наш флаг. Первый советский флаг, поднятый над зарубежным стадионом. Мы стояли молча и испытывали такое чувство, какое, вероятно, приходит к солдатам, взявшим штурмом неприступную крепость.

Потом начался матч. Это был очень трудный матч. И потому, что соперник был сильный. И потому, что судья – швед Гельбард – оказался весьма необъективным. И, наконец, потому, что играть в таких состязаниях всегда трудно.

Игра шла равная. Но вот неутомимый наш петроградец П. Григорьев, игрок огромной энергии, яркой мысли и отчаянной смелости, пронесся по правому краю, срезал угол, обвел защитника и четко забил в нижний угол. Шведы сквитали гол с пенальти: кто-то из наших защитников случайно, в совершенно спокойной обстановке, когда вблизи не было ни одного шведского игрока, коснулся мяча рукой. Обычно в таких ситуациях одиннадцатиметровым не наказывают. Но Гельбард наказал. И счет стал 1:1.

Почти до конца состязания стояли друг против друга эти единицы. И тогда я решил взять инициативу на себя. Получив мяч около центра поля, пошел вперед. Обвел одного игрока, второго, третьего и, еще не дойдя до штрафной площадки, ударил. Я видел, как прыгнул вратарь, но не достал мяча, и он влетел в правый верхний угол ворот. Судье ничего не оставалось, как засчитать этот гол.

Игра закончилась со счетом 2: 1 в нашу пользу. Нужно ли говорить, какую радость испытывали мы в ту минуту. Довольные прибежали в раздевалку. Вскоре здесь появился товарищ Осинский, вручил нам всем по плитке шоколаду, сказал торжественно:

– Друзья! А ведь правы были буржуазные писаки, называвшие вас в первые дни приезда красными агитаторами. Вы сегодня подтвердили это. На глазах десятков тысяч зрителей вдруг опустился шведский национальный флаг и вместо него взвилось революционное Красное знамя. Это ли не самая наглядная агитация за Советскую власть?! Молодцы, ребята!

Немало радостей доставило нам и следующее утро. Все газеты восторженно писали о нашей команде. Один из обозревателей, свидетель олимпийского позора, случившегося с нашими старшими братьями, писал: «Да полно-те, та ли перед нами Россия?! Прошло какое-то мгновение, если прибегнуть к меркам истории, и перед нами уже не жалкий пигмей, а истинный спортивный великан!».

Но, пожалуй, всех перещеголяла тогда газета «Идроттебладет». Она поместила передовую под претенциозным заголовком – «Скандал». В сущности, она считала, что на Королевском стадионе случилось три скандала: во-первых, скандал, что русские обыграли шведов; во-вторых, скандал, что судья судил плохо; в-третьих, скандал, что был поднят красный флаг. «Что подумает мир?» – многозначительно вопрошала «Идроттебладет».

Что касается нас, то мы, естественно, были счастливы происшедшим «скандалом». Мы были счастливы, что тысячи зрителей, провожая нас после победы, кричали:

– Ура, руссланд!

– Ура, большевик!

Потом мы были в Норвегии, где также победили сборную страны, и в Германии, и в буржуазной Эстонии. Матчи, победы. Но ярче всего помню не это. Я помню изумление Королевского стадиона, возгласы: «Неужели это та же Россия?» Я помню наш гордый, наш алый, молоткастый и серпастый, флаг над лучшим стадионом Европы. И рабочие руки, сжатые в кулак. И крики:

Ура, руссланд!

Голы и годы

Вот и вся история, рассказанная в свое время Михаилом Павловичем. Я не случайно привел ее дословно, не случайно именно с нее начал рассказ об одном из самых ярких представителей семьи Бутусовых, ставшем потом и остающимся до сих пор одной из самых ярких «звезд» отечественного футбола за всю его семидесятилетнюю историю.

В рассказе, приведенном выше и записанном мною со слов, очень ярко, очень рельефно проступает одна из примечательнейших черт игрового характера Бутусова: его высокий патриотизм, свойственное ему чувство огромной ответственности перед Родиной, спортивного честолюбия и неугасимой страстности.

«Дорогой Василий! – писал он из Стокгольма своему брату. – Не могу удержаться, чтобы не черкнуть тебе, именно тебе, испытавшему в этом городе горечь обидной неудачи. Перед нами чужая страна, много интересного, порой удивительного, но сейчас нас ничего не интересует кроме одного: надо победить. Надо во что бы то ни стало достойно представить свою – нашу с тобой – Россию!»

Эту свою мечту в той памятной поездке Михаилу Бутусову и его друзьям удалось осуществить полностью. Но значение турне для самого Бутусова не исчерпывается лишь этим. До лета 1923 года он был игроком сборной Ленинграда, известным в своем городе спортсменом – не

больше. Поездка в составе сборной России сразу выдвинула его на место бесспорного лидера советского футбола, мастера с европейским именем.

Передо мной отчет руководителя делегации, совершившей поездку в Скандинавию. Я цитирую дословно: «Во всех играх, – говорится в этом документе, – выше всяких похвал был центрфорвард петроградец Михаил Бутусов Из 85 голей, побывавших в чужих воротах, им лично сделано 32, а многие другие вбиты с его подач. Но, главное, – Бутусов всех заражал своей горячностью, был всегда бодрым. В нескольких играх (первая и последняя в Стокгольме, а также выступление против сборной Гётеборга, только его мастерство и воля выручали нашу команду».

Фигуре Бутусова уделила очень много внимания в дни иностранная печать. Один из известнейших в то время в Европе спортивных журналистов – Свен Боррисен – писал после матча в Гётеборге: «У русских, к нашему удивлению, оказалась прекрасная команда, которая пришлась увы, не по зубам нашим сильнейшим клубам. И неудивительно – среди гостей прямо-таки засилие отличных футболистов. Но даже среди них резко выделяется центровой Бутусов. Его бег, его техника и, наконец, его огромной силы удар производят прямо-таки ошеломляющее впечатление. За последнее время у нас в Гётеборге, как известно выступали сильные английские, норвежские, французские и финские клубы. Но можно с уверенностью сказать, что ни в одном из них не было игрока, равного по классу этому удивительному русскому».

Такую же высокую оценку игре нашего героя дали тогда газеты Норвегии, Эстонии, а чуть позже – Германии. Одна из берлинских журналисток, слышавшая в тот период видной специалисткой по театру – Роза Бейль, – побывала на встрече русских и немецких футболистов. Она написала свой знаменитый репортаж «Великий артист на стадионе», в котором говорилось: «Состязание для меня перестало существовать. Я смотрела на огромного широкоплечего русского, сначала показавшегося мне неуклюжим, а потом удивившего своей неукротимостью, силой порыва и умением. Ему пыталась помешать вся немецкая команда, но он, подобно Гулливеру среди лилипутов, не обращал никакого внимания на тех, кто пытался преградить ему путь, и забивал, забивал, забивал в

ворота свои «ужасные», свои на редкость красивые голы. Он – , великий артист своего дела».

Казалось бы, что можно еще добавить к этим словам?! Но на самом деле жизнь Михаила Бутусова требует еще многих слов, многих пояснений, она в то же время дает бесчисленное множество примеров, один из которых ярче другого.

Через год, впервые в истории отечественного спорта, была создана сборная команда СССР по футболу. 16 ноября 1924 года в Москве, на поле ЗКС, в присутствии огромного по тем временам количества зрителей она дебютировала против сборной Турции. Атаку за атакой повела наша линия нападения. И вот наконец первый гол. Первый, исторический в своем роде гол, забитый сборной Советского Союза в ворота соперников. Его автором стал Михаил Бутусов. Он же забил в ворота гостей второй мяч, а третий с его изумительного по точности паса – Алексей Шпаковский.

«Команда Советского Союза, – читаем мы в «Красном спорте», – хотя очень многие опасались за ее сыгранность, провела состязание хорошо, дружно, показала высокий класс. Безукоризненно действовал в защите Ежов, в полузащите Филиппов и Привалов. В нападении отлично играл тряхнувший стариной Бутусов». Ему тогда едва исполнилось 24 года, но имя его настолько прочно вошло в русский футбол, что многим он вдруг стал казаться «стариком».

Еще более высоко и восторженно оценили нашего центрального нападающего гости. Вратарь Недин в интервью, данном корреспонденту «Известий спорта», заявил:

– Мы возвращаемся с Олимпийских игр, где видели все сильнейшие команды. Могу вас заверить, что любая бы из них считала для себя большой радостью заполучить такого игрока, как Бутусов.

В мае 1925 года советские футболисты – сборная страны – нанесли ответный визит турецким спортсменам, впервые выступив на стадионах этой соседней с нами страны. Даже для того, чтобы описать здесь игру, мастерство, старательность Михаила Павловича, вероятно, нужна

специальная книга. Вот что писала о нем турецкая газет?: «Среди замечательных русских игроков особенным мастерством выделяются трое – Исаков, Селин и Бутусов. У каждого из них свои достоинства, но Бутусов все-таки оставляет самое сильное впечатление. Он неподражаем в том, в чем, собственно говоря, и состоит смысл футбола – в забивании голов».

Действительно, я не знаю в истории нашего отечественного футбола игрока, у которого была бы большая результативность. Рекордсменом наших внутренних чемпионатов является Александр Пономарев. У меня глубокое уважение к этому действительно выдающемуся нападающему, но если бы внимательно посчитать голы, забитые Михаилом Павловичем в чемпионатах Ленинграда, в междугородных и международных встречах, то, уверен, рекорд Пономарева остался бы далеко позади. Ведь только в 1923 году, встречаясь с командами Финляндии, Швеции, Норвегии, Эстонии, Германии, знаменитый питерец провел в чужие ворота более пятидесяти (!) голов. Было исключением, чудом, если он уходил с поля не забив хоть одного гола. Да полно – случалось ли такое! Вероятно, статистики сумеют найти такой исключительный матч, может быть, даже и не один. Но сколько я ни читал отчетов о его игре, сколько ни смотрел матчей с его участием, сколько ни слушал рассказов очевидцев, везде два слова – «Бутусов» и «гол» – стояли рядом.

Так было и в Турции в двадцать пятом году. Первый матч против сборной Ангары и Смирны команда СССР выигрывает довольно легко – 6:1. Два гола из шести – на лицевом счете Бутусова. Причем один из них был редким по красоте. Газета «Красный спорт» так описала его: «За минуту до конца Бутусов после красивой комбинации с Исаковым забивает сильнейшим ударом под самую штангу шестой и последний гол». Во втором матче против национальной сборной Турции счет был 2:1. Второй, решающий, гол забил тогда не кто иной, как наш с вами герой. Мы еще вернемся чуть попозже к этому голу.

И вот, наконец, третий и последний матч – против сборной Константинополя, под флагом которой выступала все та же сборная страны. Испив чашу двух горьких неудач, хозяева на этот раз жаждали реванша. Встреча проходила на крупнейшем поле города – «Таксим»,

поместившемся во дворе полуразрушенного здания бывшего кавалерийского училища. Оно представляло из себя настоящий военный плац с очень твердым грунтом и многочисленными камнями, выступающими наружу. На скамьях собралось более четырех тысяч человек, что для Константинополя тех лет означало рекордное количество зрителей. Судить встречу турки пригласили английского судью Елея. И, конечно, накануне матча они дали печатные заверения, что на этот раз победят.

Поначалу казалось, что так и будет: одна атака хозяев накатывается за другой. Но вот следует стремительная контратака наших ребят, Исаков выбрасывает мяч Бутусову, тот с ходу бьет и... мяч со страшным свистом летит вперед, ударяется о штангу и рикошетом влетает в сетку... «Русские, – писала на следующий день константинопольская газета, – на одиннадцатой минуте забили небывалый по красоте гол, сделанный их кумиром Бутусовым, но судья Елей по непонятным причинам не засчитал этого мяча».

Все же на тридцать пятой минуте наша сборная после комбинации Бутусов – Григорьев – Исаков добилась успеха и ушла на перерыв при счете 1:0. Но, отдохнув, турки усилили натиск, и к двадцать шестой минуте счет стал 2: 1 в их пользу.

Почувяв запах победы, возможность взять желанный реванш, хозяева поля стали играть с удесятеренной яростью. Их защита и голкипер Ульви – игрок международного класса, признанный многими авторитетами, – творили чудеса. Ульви, например, не боясь жесткого грунта, совершил три великолепных по красоте и отваге броска, вытащив два «безнадежных» мяча от Бутусова и один от Исакова.

Казалось, какая-то колдовская сила закрыла от наших нападающих чужие ворота. Стрелка часов побежала последний круг: до конца состязания оставалась ровно минута. Уже никто не сомневался в его исходе. И вдруг в двух метрах от штрафной мяч получает Бутусов, с лета бьет, и его точный удар делает счет ничейным – 2:2. А через несколько дней в повторном матче против сборной Константинополя (3:0) Михаил Павлович забивает в ворота хозяев поля первый и третий мяч.

Итак, турне дало нашей команде три победы и одну ничью с общим соотношением забитых и пропущенных мячей 13:4. Шесть голов из тринадцати забил Бутусов. Кто еще в истории нашего футбола может похвастать такой результативностью в играх за сборную?! Нет и не было такого игрока.

Если внимательно изучить биографию этого выдающегося футболиста, мы обнаружим одно совершенно исключительное качество: из огромного числа забивавшихся им голов многие оказывались решающими, приносившими команде, за которую он выступал, желанную победу или ничью.

Сила, мощь и точность бутусовских ударов превратились в легенду. В двадцатые и тридцатые годы буквально все мальчишки страны (и не только мальчишки) рассказывали друг другу о том, что у Михаила Павловича на правую ногу надета черная повязка, запрещающая производить ею удар. Говорили, что у него на совести жизнь одного вратаря, отправленного на тот свет «шютом» ленинградца.

Естественно, все это было фантазией восхищенных любителей футбола, одной из легенд, то и дело возникавших вокруг этого имени. Но легенды, как известно, не рождаются на пустом месте, они всегда имеют какую-то первооснову. И вот однажды в беседе с Михаилом Павловичем я узнал происхождение этой.

– Появлением славы «футбольного убийцы», – начал он смеясь, – я обязан одесситам. А было дело так. В мае 1925 года я в составе сборной выехал в Турцию. Шел поединок с национальной командой этой страны. Обе стороны упорно дрались за победу, счет был, кажется, ничейным, публика неистовствовала. Напряжение было огромным.

В один из острых моментов мячом завладел советский полузащитник П, Филиппов, а я в этот момент находился метрах в двенадцати от ворот. Филиппов притянул на себя одного из турецких защитников и дал мне пас. Все подумали, что я буду стремиться освободиться от опеки (рядом стоял «сторож») или сделаю передачу. Но я решил провести свой «коронный» удар по воротам. Без предварительной обработки мяча, в продолжении его полета, я явно

неожиданно для всех развернулся и очень сильно (почувствовал, что прием вышел) пробил по воротам. Турецкий вратарь не ожидал такого оборота дела, мяч попал ему в живот, сбил с ног, и страж ворот вместе с мячом оказался в сетке. На трибунах поднялся невообразимый шум, к пострадавшему бросился врач, но вскоре выяснилось, что все в порядке. Турецкий голкипер снова занял свое место, игра продолжалась.

Дней через десять прибыли в Одессу. Здесь был назначен товарищеский матч между сборной СССР и командой одесской губернии. Я получил травму и играть не собирался. Местные спортсмены, среди которых было много моих добрых друзей, стали выражать неудовольствие, приставать к руководству сборной с просьбами, чтобы меня непременно включили в состав. Чтобы отделаться от приставаний, кто-то из наших (кажется, это был Федор Селин) отвел одного из просильщиков в сторону, сказал заговорщицким тоном:

– Перестань канючить. Неприятности у Бутусова. Нельзя его ставить.

– Какие неприятности?

– Вратаря турецкого убил!

– Как убил?

– Да так, не рассчитал удар, выстрелил с близкой дистанции и... хана.

Гость наш не стал слушать дальше и выскочил из номера гостиницы. А на следующий день «хохма» уже бежала по Одессе, ну а потом, конечно, не стала здесь задерживаться и пошла гулять по стране...

В этой смешной и забавной истории, рассказанной мне в свое время Михаилом Павловичем, есть свое «рациональное зерно». Конечно, он никого не убивал, не было у него на ноге никаких повязок, но его неудержимые удары на самом деле вызывали страх у вратарей, заставляли нервничать, проявлять повышенную настороженность. «Великий бомбардир Михаил Бутусов» – называла его одна из турецких

газет. Его имя с уважением и гордостью произносили и повторяли на стадионах Швеции, Норвегии, Австрии, Германии, Эстонии, Финляндии.

Двенадцать лет непрерывно защищал он цвета национальной сборной, был бессменным лидером ее атаки и часто – капитаном (таким образом, семья Бутусовых дала двух капитанов сборной нашей страны). Это достижение, которым можно лишь гордиться и которым могут похвастать далеко не многие из послевоенного поколения футболистов, хотя с пятьдесят второго сборная стала постоянно и активно действующей единицей.

Совсем недавно меня попросили выступить в одной из московских школ, рассказать ребятам о пути, пройденном русским футболом за семьдесят лет его существования. Естественно, в своей беседе я с гордостью, с любовью говорил о Бутусовых.

– Вы их так хвалите, – сказал вдруг один старшеклассник, а в мире их совсем не знают. Яшина знают. Стрельцова знают. А Бутусова не знали и не знают.

Милый мой юный друг! Во-первых, если ты прочтешь эти строки, то узнаешь, что имя Бутусова произносили с любовью на многих языках мира и многие газеты посвящали ему восторженные слова. Не вина, а беда Бутусова и его выдающихся сверстников, что в ту пору мы не играли в чемпионатах мира и Европы, не имели такого изобилия международных встреч. Случись такое тогда, и слава Михаила Бутусова была бы поистине мировой. Я уверен в этом. Совершенно уверен.

До сих пор речь шла о Бутусове как об игроке национальной сборной. Но величие этого спортсмена как раз в том и состоит, что он был всегда одинаков – и в самом сложном, самом ответственном международном состязании, и в рядовом, ничего, по существу, не решающем матче на первенство Ленинграда. Ему органически чужда была «тянучая», бесстрастная игра, он, как актер на сцене, выйдя на поле, немедленно входил в роль, увлекался и горел до самого финального свистка. Северянин с южным темпераментом, он был всегда в гуще событий, он никогда не хотел, не мог смириться и не смирялся с мыслью, что команда, где он играет, может проиграть.

Помню, летом тридцать четвертого года, приехав погостить в Ленинград, я отправился на календарный матч «Динамо» – завод им. Энгельса. Честно говоря, думал, что буду единственным зрителем, а на самом деле с трудом попал на трибуну. Втискиваясь на свое место, спросил у соседа:

– И чего столько народу собралось? Ведь заводские проиграют.

– Конечно. Никто в этом не сомневается. Люди пришли Бутусова посмотреть. Понимаешь, Бутусов играет.

Да, я понимал это и тем более понял это с особой силой тогда, когда состязание окончилось. Ах, как играл Михаил Павлович! Он и сейчас стоит у меня перед глазами – неутомимый, яростный, сердито покрикивающий на партнеров, рвущийся в бой, не останавливающийся ни на минуту. Позвольте, я коротко воспроизведу тот матч, а вы сами поймете, что его нельзя забыть.

Прошло всего пятнадцать минут, а счет уже был 2:0 в пользу... заводских футболистов, проявивших удивительную энергию, активность. На трибунах загудели, ожидая сенсации.

Словно сразу стремясь убедить нас в том, что ее не будет, все чаще и чаще стал выходить к чужим воротам Михаил Бутусов. На тридцатой минуте, принимая верховую подачу, он выпрыгивает выше всех толпящихся в штрафной площади и сильным, точным ударом головой забивает первый ответный гол. Через пять минут с его редкой по точности подачи динамовцы уравнивают счет.

Ну, а после перерыва их преимущество уже было бесспорным. Увлекаемые своим лидером, его азартом, его вдохновением, они буквально рвутся вперед. Пробуют бить по воротам, и бьют все, но... На пятидесятой минуте Бутусов делает рывок, а затем, демонстрируя верх ловкости и расчета, вбил с поворота, находясь спиной к воротам, третий мяч. Через четверть часа он же, несмотря на то что теперь уже взят в плотное окружение защитников, каким-то чудом ускользает от своих сторожей и метров с двадцати сильнейшим ударом под штангу делает счет 4:2.

– Ура Бутусову!

– Михалыч, давай еще! – кричит восторженно стадион.

Да, теперь уже динамовцы полные хозяева положения, все понимают, что матч ими выигран, что заводские ребята сникли. Все это знают, и лишь один Бутусов ничего не хочет знать. Он забивает еще два великолепных гола – последний за десять минут до конца. Пять голов из шести! Пять голов в трудном, напряженном поединке с заводской защитой, где все – мастера спорта, опытные, умелые футболисты!

Нет, еще раз мне хочется сказать, что мы как-то недооцениваем этого футболиста, точнее, как-то очень скоро забыли о нем, мало вспоминаем, мало учим на его примере молодежь. А был он удивительным и ясным талантом, талантом огромным. Помнится, кто-то из шахматистов наших назвал его Алехиным футбольных полей. Это сравнение мне очень понравилось. Как тот в царстве квадратов доски, этот в царстве сплошного зеленого квадрата всегда творил, рвался в атаку – не работал, не играл, а жил футболом. Футбол был частью его, а он – частью футбола.

Перелистайте подшивки газет и журналов от первых после Великой Октябрьской революции лет до конца тридцатых годов – вы убедитесь, что Бутусов два десятилетия оставался мастером самого высокого класса, солистом, исполняющим свою басовую партию с неизменным успехом. А мы – те, кому довелось его видеть в деле, – навсегда сохраним в душе чувство трепетного наслаждения, которое испытывали при виде его игры. Можно ли найти кого-либо из представителей последующих поколений центральных нападающих, кто бы мог сравниться с ним по виртуозности, результативности, организаторской мудрости, – не знаю. Даже великий Григорий Федотов не может в моем сознании затмить его. Если бы меня лично попросили составить символическую сборную страны за всю семидесятилетнюю историю русского футбола, я бы не задумываясь поставил в центр Михаила Бутусова. И можно было не сомневаться, что эта сборная никогда не уйдет с поля не забив своего гола!

Будучи признанным лидером не только ленинградского, но и всего советского футбола на протяжении многих лет, Михаил, по-моему, забывал об этом на поле. Никогда не были присущи ему иждивенческие настроения: в каждый матч он вкладывал все силы без остатка. В те далекие годы, когда нападающие и значительно ниже его классом редко возвращались на свою половину поля (подчиняясь строгому разграничению функций), Бутусов очень часто, очень охотно и активно принимал участие в оборонительных действиях команды, а часто прямо-таки руководил действиями защиты. В этом отношении, как истинный гений, он намного опередил свое время и, шагнув на три десятилетия вперед, стал уже тогда прообразом нападающего сегодняшнего дня – универсального игрока, не знающего покоя на футбольном поле.

«Без филигранной техники не может быть великого футболиста», – написал в своей книге знаменитый английский форвард Стенли Метьюз – человек, бесспорно, имеющий право на такие оценки. Техника Михаила Павловича была отточенной до предела и при этом весьма своеобразной. Бутусова многие современники называли «жонглером»: мяч, казалось, прилипал к нему, послушно вертелся и на земле, и на метровой высоте. Бутусов с удивительной легкостью, и в самом деле граничившей с жонглированием, подбрасывал мяч с колена на голову и обратно, в работе с мячом у него неизменно участвовали все части тела – голова, грудь, плечо, бедро. Ну и, конечно, совершенно непревзойденной была техника его ударов по воротам. Он никогда не тратил времени на обработку мяча, легко и свободно «ловил» его и на земле, и в воздухе и будучи совершенно свободным, и окруженным плотным кольцом защитников. И всегда мяч, посланный им, шел точно в цель – Бутусов очень редко «мазал», для него это было исключением. Не в легендах, а в жизни сплошь и рядом он забивал голы с двадцати, тридцати, а порой и с сорока метров. Вратари знали эту особенность его дарования, всегда были предельно внимательны и... и все же пропускали бутусовские мячи. Сила и точность его удара, право же, были неподражаемы.

Два слова я скажу о его хоккейном даровании. Оно было не менее ярким и разнообразным. Как и в футболе, Михаил Павлович и на льду оставался центральным нападающим и неподражаемым бомбардиром. Я

позволю себе привести выдержку из статьи, посвященной итогам чемпионата

Ленинграда по хоккею с мячом 1936 года. Лучшей командой города тогда вновь стало «Динамо» со своим бессменным лидером и капитаном – Бутусовым. И вот что писал обозреватель в газете «Спартак»: «Как никогда, в динамовской команде в течение всего сезона выпукло демонстрировалось значение центрнападения. На этом месте у «Динамо» играет Михаил Бутусов, который забивал большинство мячей и был душой всего нападения. Центровые во всех командах гораздо моложе и подвижнее Бутусова, но все они уступают ему в хладнокровии перед воротами, в технике удара, в искусстве выбора места и распасовке мяча. У Бутусова играет вся пятерка нападающих, играет блестяще (хотя каждый игрок из этой пятерки, взятый отдельно, слабее любого нападающего другой команды), и в этом состоит величайшее искусство дирижера, каким являлся всегда и является сегодня Михаил Бутусов».

О хоккейных подвигах этого человека я больше говорить не буду – пришлось бы всю книгу отводить их описанию. А цитату из «Спартака», признаюсь, я привел с умыслом – все, что в ней сказано, в полной мере относится и к Бутусову-футболисту. На зеленом поле он так же ярко и неизменно проявлял свой организаторский, свой дирижерский талант, умел сплотить свою линию и заставить играть ее вдвое, втрое сильнее, чем, казалось, она может.

Интересна еще одна деталь его биографии. В середине тридцатых годов все или почти все обозреватели, рецензируя выступления Михаила Бутусова, неизменно отмечали, что «он играет, как в лучшие годы». Тогда нашему герою уже было под сорок (он родился в 1900 году). Более четверти века – если считать с официальных выступлений в детской команде «Унитаса» – провел он на футбольных полях (чем, вероятно, может похвастаться редкий футболист), двенадцать лет бессменно играл за сборную страны, семнадцать лет за сборную своего города, до последнего момента оставаясь великолепным бойцом, спортсменом номер один.

Ну как, говоря об этом качестве нашего героя, не вспомнить 1935 год, исторический матч сборных команд Ленинграда и Праги –

последний международный матч, в котором участвовал Михаил Бутусов, и первую его встречу с профессиональной командой, одной из лучших в Европе. Счет матча был 2:2, причем сборная Ленинграда поначалу проигрывала, но два великолепных удара Бутусова, нанесенных с дальней дистанции, вывели ее вперед. Только за сорок пять секунд до конца встречи гостям удалось уравнять результат.

Эту великолепную игру друзья называли «лебединой песней» Бутусова, а мячи, забитые им одному из лучших вратарей Европы – Тихому, – бессмертными памятниками его искусства. «Эти мячи, – читаем мы в статье, посвященной 25-летию спортивной деятельности Бутусова, – редкие по силе и точности, навсегда сохранит история советского футбола».

Сам Михаил Павлович тоже считал этот матч, забитые в нем голы своей большой творческой удачей. В одной из своих статей он дал подробный, так сказать, технический и психологический анализ совершенному, и я не могу удержаться от искушения привести этот его рассказ здесь.

«Я понял, – вспоминал Бутусов, – что Тихий – игрок экстра-класса, что просто так ему мяч не забить: несколько моих мячей он взял прямо-таки в великолепных бросках, вызвав гул восхищения на трибунах. Тогда решил попробовать то, что мне не раз удавалось в прошлом: резкий и сильный удар издалека с неожиданным поворотом на сто восемьдесят градусов. Вскоре необходимое для этого положение создалось: я получил справа передачу, стоя спиной к воротам соперников, сделал шаг вперед, пропустил мяч сзади себя и, не останавливая мяча, что есть силы левой ногой ударил по воротам. Тихий даже не шелохнулся – настолько неожиданным был для него этот удар. А если бы он и пытался его перехватить, вряд ли из этого что-нибудь получилось – мяч влетел в самый угол ворот. Ровно через четыре минуты возникла аналогичная ситуация, и я не преминул воспользоваться ею. Тихий был уже начеку, но все же гол влетел в его ворота. После матча знаменитый чешский вратарь разыскал меня в раздевалке, пожал руку и сказал: «Ваши удары неотразимы. Таких я еще не видел». Не скрою, было очень приятно слушать подобные слова». Нужно сказать, что знаменитый чех, второй

после Планички вратарь страны, еще раз засвидетельствовал свое почтение Бутусову и преклонение перед его талантом в книге «Откровения», вышедшей в Праге незадолго до начала второй мировой войны и пользовавшейся в стране большой популярностью. Эту книгу, подаренную мне одним чешским другом в мае 1945 года, я любовно храню в своей библиотеке. В ней есть такие слова: «В Ленинграде меня поразили центрфорвард Бутусов. Если бы я встретил его в начале своей карьеры, то, честное слово, переменял бы свое амплуа. Играть против нападающего, обладающего таким точным и страшным ударом, бессмысленно. В течение пяти минут он забил нам два гола почти с центра поля, причем в одном случае я даже не увидел мяча, а во втором не мог и думать о том, чтобы его достать. Замечательный футболист. Выдающиеся удары!».

Снова Стокгольм

Матч со сборной Праги, сыгранный летом 1935 года, был назван, как я уже говорил, «лебединой песней» знаменитого центра нападения, но еще несколько лет он продолжал выступать на зеленых и ледовых полях, принося победу своей команде и доставляя истинное наслаждение зрителям.

В тридцать четвертом году одному из первых среди советских футболистов ему было присвоено почетное звание «Заслуженный мастер спорта СССР». А через два года общественность Ленинграда широко и торжественно отметила двадцатипятилетний юбилей его служения спорту. Я видел огромную, красиво оформленную папку, преподнесенную в тот день Бутусову. На ней горели тисненными золотом слова: «С 1929 по 1935 год сборная Ленинграда играла блестяще, и в этом огромная доля заслуги ее капитана и лучшего игрока – Ваша заслуга, дорогой Михаил Павлович». Трудно, очень трудно переоценить справедливость этих слов. Уход Бутусова из линии нападения сразу отбросил ленинградцев назад. Без него в последние предвоенные годы игра футболистов города на Неве сразу как-то потускнела, потеряла свой победный оттенок, который, увы, так и не приобретен ими до сих пор.

Закончив выступать (он как-то сказал мне: «Чувствовал, что могу еще играть и играть, но боялся превратиться в середнячка, опозорить

свое имя посредственной игрой»), Михаил Павлович, естественно, не мог расстаться и не расстался с футболом. Свой богатейший опыт мастера он стал передавать футбольной молодежи, работая тренером мастеров ленинградского «Динамо» и сборной города. Он сумел воспитать новых виртуозов футбола, среди которых люди, которыми по праву гордится советский футбол: заслуженные мастера спорта Валентин Федоров, Николай Дементьев, мастер спорта Виктор Набутов и многие, многие другие.

Совершенно недавно – зимой нынешнего года – один из неразлучных друзей Михаила Павловича, известный в прошлом футболист, привез мне несколько вырезок газетных статей, написанных Бутусовым для различных печатных органов. Среди них находилась чудом сохранившаяся докладная записка, написанная им на имя руководителей ленинградского «Динамо». Ее содержание я привожу дословно: «По вашему указанию еще раз просмотрел игру юношеских команд. О выдвижении кого-либо в состав взрослых коллективов говорить преждевременно за исключением одного – В. Боброва, проживающего в Сестрорецке. Мне сказали, что он уже выступал за динамовские хоккейные команды – и неплохо. Что касается футбола, у него очень большие задатки, и может получиться настоящий игрок, причем высокого класса. Считаю, что его нужно забрать на сборы». На этой докладной стоит чья-то резолюция: «Зачислить в команду мастеров». И дата: «Апрель 1941 года». Через месяц Всеволод Бобров действительно был зачислен в состав футбольной команды мастеров ленинградского «Динамо» и готовился к поездке на юг. Но... команду отозвали, а вскоре началась война. Однако документ от этого не теряет своей силы: он лишь наводит ясность в вопросе о том, кому принадлежит честь открытия этого яркого футбольного дарования. И еще – он говорит об удивительной спортивной прозорливости Михаила Бутусова.

По-видимому, это дарование Михаила Павловича ленинградцы также знали и очень ценили. Когда памятным летом 1937 года к нам в страну приехали баски и стало известно, что после Москвы они выступят в Ленинграде, городской комитет по делам физкультуры назначил Михаила Павловича тренером сборной и послал его в столицу специально за тем, чтобы посмотреть игру гостей.

«Команда басков представляет собой очень сильный, отлично слаженный коллектив. С таким нам, пожалуй, еще встречаться не приходилось. В нем подавляющее число футболистов – игроки международного класса», – писал Михаил Павлович в газете «Спартак». Тренер сборной города подробно разобрал технические и тактические возможности соперника и заявил: «Играть против них трудно – греха таить нечего. Но нами будет сделано все, чтобы в соперничестве с командой, успевшей уже победить московские «Локомотив» и «Динамо», выступить хорошо и достойно защитить честь не только ленинградского, но и всего советского футбола».

Как известно, эта задача была решена: острый, увлекательный, полный драматизма поединок закончился вничью – 2:2! И вот передо мной рецензия, принадлежащая перу первого вратаря страны, заслуженного мастера спорта Николая Евграфовича Соколова. «Последнее время, – писал он, – нам явно не везло, и спортивный, а точнее футбольный, престиж нашего города стал, увы, катастрофически падать. Но на матч с басками Ленинграду вновь после большого перерыва удалось создать и выставить на поле сильную, боеспособную пятерку нападения. Это прежде всего большая заслуга тренера команды Михаила Бутусова, проделавшего в короткий срок большую и полезную работу».

Нельзя пройти мимо еще одной стороны деятельности Михаила Павловича, правда, менее активной и, может быть, еще менее заметной, но чрезвычайно важной – его журналистских, публицистических выступлений. Он появлялся в качестве автора на страницах многих – газет и журналов, написал серию воспоминаний, выпустил несколько брошюр, среди которых «Дни моей жизни», «Футбол в СССР» и другие.

«Каждый вид спорта, – заявил он в одной из своих работ, – по-своему привлекателен и интересен, но все же наибольшее количество зрителей и почитателей имеет, конечно, футбол.

Причиной такой популярности футбола является исключительный интерес к борьбе, происходящей на поле, полной разнообразия и красоты применяемых технических приемов, остроумных тактических замыслов, неповторимых игровых ситуаций, быстроты смены их. Интерес к

футболу усиливается еще и тем, что борьба в нем происходит и индивидуальная и коллективная.

Футбол не любит безвольных и малодушных. Не любит лентяев, не любит посредственностей. Только тот, кто всего себя без остатка отдает совершенствованию в любимой игре, кто, выходя на поле, забывает обо всем, кроме того, что нужно действовать, нужно сражаться, нужно побеждать, нужно быть умелым и красивым, – только тот имеет право называть себя футболистом».

ти замечательные слова прежде всего относятся к самому Михаилу Павловичу. Для него футбол действительно стал частью жизни, частью его самого. И он дал футболу многое, оставил в истории этой игры, вот уже семьдесят лет шагающей по нашей земле, неизгладимый след.

Он на всю жизнь породнился с футболом, и нет ничего удивительного в том, что летом 1958 года знаменитый советский бомбардир оказался в Стокгольме – там, где собрались лучшие команды планеты, где на очередном чемпионате мира по футболу дебютировала наша сборная.

Михаил Павлович приехал на этот раз в качестве туриста. Но прежде всего, конечно, он отправился на Королевский стадион. Молча прошел на его гранитные трибуны, подошел к штaketнику, отделяющему бетонное кольцо дорожки от зеленого поля. Долго, очень долго смотрел на этот бархатистый ковер, напомнивший ему о далекой молодости, о минутах, часах, днях, когда узнал он на деле, как выглядит настоящее человеческое счастье.

Вечерело, когда он вышел на освещенную, шумную, взволнованную улицу. Мимо него стремительно неслась чужая и непонятная жизнь. Газетчики выкрикивали имена людей, которые завтра вступят в великий спортивный бой. Жильмар, Гарринча, Кеван, Буцек, Хамрин... Стало немного грустно. Он подумал о дне, когда отцы сегодняшних мальчишек кидали в толпу его имя. «Теперь о тебе уже никто не вспомнит, старина», – бросил он самому себе и направился в гостиницу.

Портье сказал, что уже второй час его ждет какой-то господин. Это был репортер известной на весь мир спортивной газеты. Удивительно подтянутый, элегантный, с виду лет сорок – не больше.

– Я писал о вас, господин Бутусов, ровно тридцать пять лет назад. Мой отец писал о вашем брате. Вот смотрите (он достал вырезки). Теперь я хочу написать о вас снова. Сказал – и щелкнул затвором фотоаппарата.

На следующий день Михаил Павлович увидел себя смотрящим с газетной полосы. Под портретом стояла небольшая подпись. Он попросил перевести ему значение слов. «Брат этого человека был капитаном первой русской команды, выступавшей в Стокгольме в 1912 году. Сам он был капитаном первой советской команды, приехавшей в Стокгольм в 1923 году и удивившей тогда спортивный мир. Это заслуженный мастер спорта Советского Союза Бутусов. В России эта фамилия высокочтима в футбольных кругах».

Спортивная Россия действительно высоко чтит и навсегда сохранит в своем сердце Бутусовых – гордых Колумбов отечественного футбола, его живую историю, его немеркнущую славу.

Легенда третья, в которой вы встретитесь со старейшим футболистом страны, с удивительным человеком, не знавшим, что значит уйти с поля без гола

Вот уже почти десять лет моя журналистская работа неразрывно связана с журналом «Спортивная жизнь России». Разумеется, нет ничего удивительного в том, что именно в стенах этой редакции сделал я многие интересные открытия, встретился с фактами, с людьми, которые помогли мне увидеть новые для себя страницы истории отечественного спорта.

Сейчас я расскажу о случае, который все мы, работники журнала, в свое время остро переживали, и который, в конце концов, привел меня к человеку интересной спортивной судьбы.

В начале 1968 года, идя навстречу семидесятилетию русского футбола, журнал провел встречу ветеранов этой игры – тех, кто был ее пионерами у нас в стране. На призыв, к нашей огромной радости,

откликнулись многие: даже из Ленинграда приехала делегация «гвардейцев». За праздничный, шумный стол уселось несколько десятков человек.

Председателем этого необычного, очень волнительного собрания мы единодушно решили назначить Василия Павловича Бутусова.

– Как первого капитана первой нашей олимпийской команды и старейшего футболиста страны, – объявил я.

Знаменитый капитан попытался что-то возразить, но церемония была уже продумана, решение объявлено... Встреча подходила к концу, когда Василий Павлович затащил меня в какой-то угол и сказал, заметно волнуясь:

– Понимаете, произошла досадная ошибка. Старейший футболист вовсе не я. Здесь был Сысоев. Сам Сысоев. Валька может обидеться.

– Какой Сысоев? Почему обидеться? – развел я руками.

– Как, вы не знаете Сысоева? Да это же целая страница – и еще какая интересная – нашей российской футбольной жизни.

– Да где же он?

Только что ушел. Устал, вероятно. Ведь ему уже за восемьдесят. Но вы обязательно познакомьтесь с ним. Не человек – легенда.

– Непременно познакомлюсь! – воскликнул я с жаром. И вот уже наведены необходимые адресные справки, мы созваниваемся по телефону и договариваемся с Валентином Васильевичем о встрече.

* * *

Еще раз проверяю записанный в блокноте адрес: «Спартаковская, дом 4, квартира 3». Да, это здесь. Нажимаю кнопку звонка. Дверь открывает худощавый, собранный, или, как у нас говорят, подтянутый, энергичный мужчина. Живые, блестящие, удивительно приветливые глаза. Прикидываю возраст: лет пятьдесят пять-шестьдесят – не больше. А может быть, и меньше. Смущает только белоснежная седина на голове.

– Можно пройти к Сысоеву? – спрашиваю его. Мужчина весело, даже озорно улыбнулся и, взяв меня под руку, любезно провел по коридору в комнату – просторную комнату, залитую солнечным светом.

– Сысоев живет здесь, – сказал он нарочито медленно, – а я и есть он самый.

– Вы? – искренне и, вероятно, вовсе нехотая удивился я. А впрочем, чего ж тут странного: идя на встречу с ветераном футбола, которому уже пошел девятый десяток лет, я, естественно, ожидал увидеть несколько иного человека. Ведь время не щадит никого. И, видно, не веря в то, что есть люди, умеющие убегать от времени, я переспросил еще раз:

– Вы тот самый Сысоев, что играл за сборную Москвы и России на заре века?

– Совершенно верно, – последовал ответ. – Тот самый. А что, собственно, вас привело в замешательство? Не похож? Или вы думали, что я уже старая развалина и не могу без посторонней помощи слезть с печки?

Ему, вероятно, было весело, интересно наблюдать мою растерянность, мое недоумение. Ему, наверно, в то же время доставляло удовольствие чувствовать, что выглядит куда моложе своих лет, что он по-прежнему бодр, здоров и может вести себя на равных с любым. Он хлопотал возле буфета, суетился, доставал и клал на стол один альбом за другим, находил старые газеты и журналы, которые я, по его словам, обязательно должен был прочесть.

В комнате мы были не одни: у стола, подобострастно поглядывая на хозяина и счастливо повизгивая, бегала Галька – отменная, породистая собачка, у которой шея и грудь были закрыты большими золотыми медалями. Хозяин был, видимо, очень привязан к этому существу, то и дело трогал ее по аккуратно разглаженной спинке и приговаривал:

– Не волнуйся, Галька, скоро мы с тобой гулять пойдем. Скоро...

Внезапно прервав эти обещания, он снова резко повернулся ко мне и объяснил:

– Не примите эту собачку за чудачества бездельника пенсионера. Да, я люблю животных, но Галька для меня гораздо больше, чем атрибут быта. Она мой тренер.

– Тренер? – посмотрел я на него более чем выразительно.

– Тренер, – невозмутимо продолжал Валентин Васильевич. – Понимаете, и сейчас я очень люблю и могу побегать. Но делать это в моем возрасте одному небезопасно. Вон ведь и вы удивляетесь. А другие и вовсе за ненормального примут.

Я сделал движение, желая как-то сгладить впечатление, которое произвел в первые минуты знакомства, но Сысоев не остановился:

– Нет, давайте называть вещи своими именами. Хотя физкультура у нас все больше входит в быт, вид восьмидесятилетнего старика, продвигающегося трусцой по улицам центра, на любого навеет мысль о неполадках с разумом. Ну, вот я и не желаю дразнить людское воображение. Но тогда, значит, надо отказаться от любимого занятия?

Он смотрит на меня весело и лукаво, я на него – непонимающе.

Валентин Васильевич чувствует, что дал мне непосильную задачу, потирает от радости руки и объясняет:

– Вот тут-то и приходит на помощь Галька. Выходим. Я отпускаю поводок свободно, Галька пускается бегом, я за ней. Так мы продвигаемся по парку, что у нас на Разгуляе, километра два-три – делаем несколько кругов. Отдохнем – и второй круг бежим. Вот так-то.

Я представил себе картину этих прогулок и радостно улыбнулся: поистине счастлив человек, у которого такая старость. А потом, в ходе нашей беседы, затянувшейся на весь день, я узнал многое о его не менее радостной молодости.

...Детство Вали Сысоева совпало с рождением и детством нашего футбола. С этой игрой связаны самые далекие и вместе с тем самые дорогие воспоминания, лучшие годы, золотая, кажущаяся теперь уже призрачной, молодость.

В семье было семь детей: четыре брата и три сестры. Трое из братьев стали футболистами: старший – Владимир, средний – он, Валентин, и младший – Сергей.

Помнится, все началось в 1908 году, на даче в Расторгуеве, где семья Сысовых жила летом. Соседскому парнишке Виктору Кудинову знакомый англичанин подарил футбольный мяч. И в общих словах объяснил правила.

– Обязательно научись, мой милый, играть в эту игру, – сказал англичанин, передавая подарок. – И товарищей своих тоже научи. Не пожалеете никогда об этом.

Как только вышел Кудинов на лужайку, присоединились к нему трое Сысовых. Виктор объяснил правила, которые помнил приблизительно, и закипели сражения. Сначала играли два на два, потом к этим пионерам присоединились парни с соседних дач и улиц. Игра пришлась всем по душе, схватки кипели с утра до темноты. К концу лета в Расторгуеве уже значилось несколько команд (составы которых, правда, менялись ежедневно). Появились свои знаменитости. И среди них неизменно первым был сильный, прекрасно сложенный, быстрый и ловкий студент Валентин Сысов. Шел ему тогда двадцать второй год (родился он в 1887-м), но играл юноша с детским азартом, с неугомонностью отчаянной, с какой-то непостижимой жадностью.

– Что с тобой? – спрашивали родители. – Ты книги забросил, товарищей прежних забыл.

– Люблю футбол, – неизменно отвечал Валентин, – люблю эту игру. Выдумали ее англичане, а по духу она – наша, русская.

Зиму он тосковал, а весной донесся до юноши слух, что на Кузнецкой улице, в Замоскворечье, англичанин Бенц организует клуб спорта. Он так и был назван – Замоскворецкий клуб спорта.

Валентин Сысов помнит, как пришел сюда первый раз – попытать счастья. Хозяин, шестидесятилетний, сохранивший блестящую спортивную форму мужчина, осмотрел его критически.

– Играл когда-нибудь?

– Целый год играл.

– Приходи вечером, будем тебя пробовать.

На зеленой лужайке у завода Гопнера (где теперь расположен завод Владимира Ильича и высится памятник вождю) состоялась эта проба. Девять англичан во главе с шестидесятилетним Бенцем (изумившим Сысоева своей подвижностью и выносливостью) играли против девяти русских. У иностранцев было куда больше опыта, сноровки, они отлично знали друг друга и поэтому довольно легко расправились со своими соперниками. И все же счет не остался «сухим» – два гола влетели в ворота, защищавшиеся искусным «мистером Джойсем», как называли его товарищи. Оба гола английскому вратарю сделал Валентин Сысоев. После матча, когда в окружении мальчишек команда тут же, на поле, переодевалась, подошел мистер Бенц. Он поманил Сысоева и сказал, будто рублем подарил:

– Вы способный юноша. Вы будете играть в моем клубе.

К началу сезона команда была укомплектована. В нее вошли пять англичан и шесть русских – два брата Филатовых, Антонов, Лебедев, Николаев и Валентин Сысоев. Так родилась ЗКС – футбольная дружина, которой впоследствии суждено было занять видное место в спортивной жизни Москвы и России. Придумали и изготовили специальную форму: рубашки двухцветные – половина черная, половина красная.

– Поле у нас было открытое, – вспоминает о первых днях существования родного клуба Валентин Васильевич, – и все у нас было в ту пору открытым. Собрались точно в назначенное время, а соперников выбирали – кого бог пошлет. Играл и с мальчишками, и с заводскими ребятами, и со смешанными коллективами... Главное было для нас – играть как можно дольше. Не связанные никакими заданиями и обязательствами, мы – каждый по своему – уделяли время повышению индивидуальной техники, хотели отличиться друг перед другом и не жалели для этого ни сил, ни времени.

Прошел еще год. ЗКС, имевший уже на своем счету несколько громких побед, справил новоселье – ему отвели отличный участок на Большой Калужской улице, прямо против Нескучного сада. Сначала площадка была песчаной, мягкой, неудобной: ноги проваливались. Что делать?

Спасибо помогли родители одного из игроков – Элисона. Люди с немалыми средствами, они покрыли площадку чудесным дерном, а потом, постепенно, сделали одной из лучших в Москве – огородили забором, поставили скамейки для зрителей, устроили раздевалки.

Хорошая база, крепкий костяк игроков, вошедших в клуб при его создании, отлично способствовали укреплению и расширению ЗКС. В клубе, в течение одного только сезона, организовалось целых пять команд – дружных и очень ровных по силе. В первой играл Валентин Сысоев, во второй – его брат Владимир, в третьей – самый младший, Сергей.

Может быть, молодого человека шестидесятых годов нашего века заинтересует, как шла футбольная жизнь лучших команд нашего города в ту пору. Послушайте, что рассказывает о ней Валентин Васильевич.

– Каждый вечер, после работы, мы собирались на тренировки. Собственно говоря, это были обыкновенные двусторонние игры – то против своих же партнеров по клубу, то против откуда-нибудь нагрянувших гостей. Так проходили два первых летних месяца. А с первого воскресенья августа и до середины ноября была страдная пора чемпионата столицы.

Конечно, не было тогда еще и в помине никаких тренеров. Учились технике у англичан, тактику нащупывали сами. Противников своих видели только в дни поединков с ними (каждый вечер был занят игрой у себя на поле). Форма покупалась за свои деньги, все поездки – за свой счет. Клуб давал нам поле, мяч (и то это благо пришло в году одиннадцатом) да в перерыве официальных матчей – чай с лимоном. Вот и все. Но для нас самым большим благом была сама игра, радость постоянной, ни на минуту не прекращающейся, спортивной борьбы...

Так рассказывает ветеран. Но я, пожалуй, добавлю, что не меньшим благом для этих пионеров русского футбола, для этих юношей, чья молодость проходила в начале века, являлась любовь людей, видевших их мастерство и горячо приветствовавших его.

Замоскворецкий клуб спорта очень быстро выдвинулся в число ведущих футбольных коллективов огромного города. Здесь выступало много игроков, входивших в сборную команду Москвы, – Николаев, Житарев, Сысоев, Филатов, Воздвиженский, Никитин, два брата Романовых, Варенцов, Бабыкин. Двое из них – Валентин Сысоев и Житарев – были включены в состав сборной России с момента ее создания.

Если бы можно было сегодня восстановить обстановку тех лет, если бы какой-нибудь кудесник помог нам вернуться на стадионы старой Москвы – Москвы десятых и двадцатых годов нашего века, – мы бы непременно услышали, как несется с «трибун» (тогда их заменяло несколько рядов скамеек) восторженное:

– Bravo, Сысоев!

– Прекрасно, Сысоев!

Действительно, в ту пору этот человек пользовался колоссальной популярностью среди московских зрителей.

И этой популярности было, естественно, свое объяснение. Играя на месте правого полусреднего нападающего, Валентин Сысоев поражал и обвораживал всех не только своей довольно высокой по тем временам техникой, но и подкупающей агрессивностью, хорошей спортивной злостью, постоянной заряженностью на удар и необыкновенной результативностью.

Возьмите журнал «К спорту» за 1914 год. Среди многочисленных футбольных отчетов вы там непременно встретите и не оставите без внимания заметку под заглавием «Удивительный рекорд». В ней говорится, что форвард ЗКС Валентин Сысоев, выступая в официальных играх на первенство Московской лиги, установил редкое достижение: ни разу не ушел с поля не забив в ворота соперника хотя бы одного гола.

Заметка кончается словами приветствия в адрес рекордсмена и пожеланием ему и впредь действовать так же успешно на благо своего клуба.

О мастерстве Валентина Сысоева, о его атакующем таланте, о его боевитости очень ярко свидетельствует заметка в журнале «К спорту», бесхитростно озаглавленная «Унион» – ЗКС 3:4». Вот ее очень лаконичный текст:

«Вчера ЗКС играл против «Униона» на своем поле (как известно, первые команды по решению МФЛ играют только на трех полях – ЗКС, СКС и ОЛЛС). Первую половину хозяевам пришлось играть и против ветра, и против солнца. Сберегая, видно, силы ко второй половине, они нападали не особенно энергично, за что и поплатились: пропустили в свои ворота два гола.

После перерыва игра пошла интересней и живее. Казалось, унионовцы в первые сорок пять минут выложили все, что могли. Но не тут-то было: прошло совсем немного времени, и они провели еще один гол. Счет 3:0 оставался почти до самого конца, хотя ЗКС прилагал много старания. Никто уже не сомневался в исходе игры, когда за десять минут до окончания Сысоев В. прорвался и «размочил» счет. Потом случилось невероятное: в оставшиеся девять минут Сысоев, игра которого была вообще выше всяких похвал, провел еще три гола, и ЗКС выиграл 4: 3. Публика, не в силах сдержать свой восторг, долго не прекращала оваций, а некоторые даже выбежали на поле».

Со дня, когда был сыгран этот, ничего не решавший, в сущности, матч, прошла половина столетия – пять десятков долгих, необыкновенных лет. Но и сегодня не может не дрогнуть сердце истинного любителя спорта, услышавшего о подобном. Но и сегодня ни один человек, знающий толк в спорте, не может не отдать дань уважения и восхищения форварду, сумевшему забить за десять минут напряженного поединка четыре гола и спасти свою команду от неминуемого поражения. – Да, это великий мастер! – говорю я о таком человеке. И каждый, несомненно, присоединится ко мне.

Помнится его современникам и другой матч – матч осени 1911 года. В гости к москвичам приехала одна из сильнейших петербургских команд – «Унитас». Первое выступление спортсменов с берегов Невы против КСО – знаменитых в ту пору морозовцев – заканчивается вничью – 3:3. Борьба была на редкость острой, иногда даже откровенно грубой.

«Московская публика, – писала одна из газет, – увидела поединок равных. Все теперь считают, что следовало переставить порядок игр. Назначенная на сегодня игра «Унитас» – ЗКС вряд ли может представить интерес». Иными словами, автор корреспонденции давал понять, что там, где морозовцы сделали ничью, замоскворецким футболистам надеяться не на что. Но ЗКС опроверг эти печальные прогнозы, победив с весьма убедительным счетом – 4:1. «Автором всех четырех голов в ворота «Унитаса», – читаем мы все в той же газете, – стал В. Сысоев, настоящий герой закончившейся игры».

В то время далекого детства нашего футбола не появилось у нас своего Константина Есенина – страстного любителя статистики, берущего на учет все важнейшие мелочи, которые, собранные вместе, позволяют нам увидеть подлинное лицо каждого сезона, каждого коллектива, каждого игрока. Но кое-какие сведения все же дошли до наших дней. В архиве Валентина Васильевича я нашел несколько отпечатанных типографским способом страниц – нечто сходное с современной программкой, – на которых ЗКС подводил итоги своего выступления среди первых команд класса «А» на Кубок Фульда. Пропустив вперед морозовцев (16 очков), замоскворецкие футболисты заняли второе место (14 очков), выиграв шесть матчей, два сведя к ничьей и один проиграв. Общее соотношение забитых и пропущенных мячей – 40: 17. Из четырех десятков голов, «сделанных» ЗКС, 27 пришлось на долю Валентина Сысоева. Конечно, в ту пору форвардам было легче, свободнее, чем сегодня. Но ведь легко было всем, а забивал Сысоев и ему подобные – подлинные мастера футбола своего времени. С гордостью вспоминает он и сегодня, что не было ни одной календарной игры на первенство Москвы, в которой – вот вам неповторимый рекорд нашего футбола – он бы не забил хоть один гол. Если случалось, что команда забивала всего один гол – это неизменно был гол Валентина Сысоева.

Между прочим, так бывало не только во внутренних матчах, но и в междугородных и даже международных. Вот несколько примеров.

В 1912 году в сентябре в Москву приехала из Германии команда «Хольштейн» из города Киля. Она провела три матча – против морозовцев, сборной Москвы, составленной только из русских игроков, и со «всею Москвой», включавшей футболистов англичан. Нужно сказать, что тогда наши команды – и клубные, и сборные – еще значительно уступали западным и проигрывали им с крупным счетом. Тут дело было не столько в разнице мастерства, сколько в отсутствии у нас опыта подготовки к международным матчам и проведения их. Так было и на этот раз: немецкая команда, посетившая до этого Англию, Францию и Бельгию, навела настоящую дрожь на москвичей. Все три матча были проиграны, два из них с «сухим» счетом. Только сборная Москвы провела в ворота гостей один гол. Его забил сильнейшим ударом с двадцати метров Валентин Сысоев.

1913 год. К нам в страну приезжает национальная команда Норвегии. 14 сентября она встречается со сборной России. Вот короткий отчет об этом состязании: «Сразу игра начинается жаркая, – сообщает корреспондент, – изобилующая многими интересными моментами. Сперва нападает Россия и частенько обстреливает норвежские ворота. Однако голкипер Амодт на высоте своего призвания и хорошо берет не только «шуты» издалека, но работает удачно и в толкучке. В середине первой половины интересный момент: Денисов хорошим пасом посылает мяч в центр. Житарев с ходу бьет его в пяти шагах от гола полувоздушным ударом. Однако Амодт отбивает этот, казалось бы, неминуемый гол.

На тридцать второй минуте правый инсайд норвежцев прекрасным ударом забивает издалека сбоку мяч в ворота России. Однако русским удается сквитаться, воспользовавшись штрафным ударом с защитой из-за «стенки». Бьет удар Сысоев, и мяч, задевая бека Бёркхольма, проходит в ворота иностранных гостей...»

Уже много лет спустя, после Великой Отечественной войны, один из участников этого поединка – знаменитый Житарев – рассказывал:

– В том состязании Валентин Сысоев, как и вообще всегда, был неутомим. Помню, во время перерыва мы, форварды, разводили руками, сетовали, что у норвежцев «непробиваемый» голкипер. Говорили: «Такому не забьешь». А Валя нас всех уверял: «Нет, забьем. Обязательно!». И сам же это доказал. Его удар был исключительным по силе. Такие не берутся...

Высокое мастерство, неизменная агрессивность, всегда сочетавшиеся с большой культурой игры, сделали этого футболиста одним из популярнейших в стране. Единодушно был он – тогда военный – назначен в олимпийскую сборную России, отправляющуюся в Стокгольм. Но генерал, командир дивизии, на рапорте, в котором излагалась просьба об отпуске Сысоеву, написал резолюцию в аракчеевском стиле: «Пусть играют те, кому делать нечего. А у солдата – служба». Этот же службист помешал Сысоеву участвовать в поездке в Швецию и Норвегию летом 1914 года. Но у себя на родине Сысоев, как правило, выходил защищать цвета сборных Москвы и России.

Очень хочется мне рассказать читателям и вот какую историю. В 1913 году журнал «К спорту» решил провести среди своих читателей, специалистов футбола, руководителей клубов анкету, в которой просил каждого назвать свой состав «символической» сборной древней русской столицы (как видим, такое изобретение спортивной журналистики, как анкета, уже отпраздновало свое пятидесятилетие). Результаты этого своеобразного референдума были изучены и опубликованы. Выяснилось, что среди «избранных» Валентин Сысоев стоял на втором месте по числу голосов. В сообщении об этом говорилось: «Гроза голкиперов Сысоев со своей головой украсит истинно сильнейшую команду Москвы».

По-видимому, тут следует объяснить выражение «со своей головой». Оно имело двойной смысл. Во-первых, по тем временам – и об этом неоднократно свидетельствовали современники – он считался непревзойденным тактиком. Конечно, не случайной была высокая, прямо-таки феноменальная, его результативность: он умел, как мы Сейчас говорим, умело «открываться», выбирать место, интересно и всегда выгодно «предлагал себя» партнерам. В то же время и его

передачи оказывались очень острыми, продуманными, он часто бывал фактически соавтором забитого гола. Ну, а во-вторых, в его техническом арсенале игра головой – в прямом смысле – занимала достойное место и именно ударом головой во время борьбы на штрафной площадке он часто решал исход схватки в пользу своей команды.

В 1914 году Валентин Сысоев, которому тогда исполнилось 27 лет, ушел на фронт и уже навсегда распрощался с футболом как игрок. Как сейчас, помнит он жаркий июльский день, когда в составе своей команды – ЗКС – выбежал на поле против «Униона». Это был очередной матч на первенство Москвы, и, честно говоря, Валентин не думал, что для него эта игра станет «лебединой песней». Сражался, как всегда, – с увлечением, нескрываемым задором, завидной спортивной злостью. Уже в самом начале состязания он с дистанции 25 метров послал такой мяч в сетку чужих ворот, который потом обозреватель назвал «голом, вызывающим восхищение и настоящую эстетическую радость». А когда прозвучал финальный свисток, друзья по команде горячо поздравили Сысоева с очередным успехом: счет был 6:2 в их пользу, и из шести голов пять пришлось на долю Сысоева. «Он, бесспорно, выдающийся форвард», – говорится о нашем герое в том же отчете. Да, он был действительно выдающимся мастером атаки своего времени, и пусть останется таким в памяти не только своих современников, но и всех потомков – всех, кто любил, любит и будет любить футбол.

Итак, июльский матч против «Униона» оказался для Сысоева последним в жизни – началась война, а потом уже сказались годы. Но фамилия Сысоевых продолжала горделиво звучать на зеленых полях. Старшего брата заменил в «боевом» строю младший – Сергей. Он, правда, поменял амплуа, стал защитником, но в мастерстве в какой-то мере поддержал славу брата. До 1928 года он неизменно входил в сборную Москвы и много раз принимал участие в междугородных и международных матчах.

«У наших друзей из сборной Москвы, – писал после очередного матча между футболистами двух столиц Михаил Бутусов, – я очень хочу выделить защитника Сергея Сысоева, быстрый, энергичный, отчаянно смелый, он разрушал многие комбинации, начатые нами. При этом мы

все с особой благодарностью отмечаем, что, не давая спуску чужим форвардам, он никогда не переходит рубежей корректности, спортивной честности»...

Интересно отметить, что, долгие годы по праву считаясь одним из самых лучших защитников Москвы, Сергей в своем клубе ЗКС на протяжении многих лет выступал за вторую команду, так как в первой действовала годами наигранная, прекрасно слаженная оборонительная пара: Рущинский (задний бек) и Петр Попов.

В этих условиях всю раскрылись удивительные моральные качества Сергея Сысоева. Некоторые деятели из других команд, мечтавшие приобрести такого выдающегося, надежного мастера, играли на этом обстоятельстве, пытались вызвать у Сергея Васильевича обиду.

– Для меня честь моего клуба, имя моего клуба дороже всего, – отвечал он неизменно. – А где поставят играть, не все ли равно.

Так и выступал неизменно в одной и той же, второй, клубной команде, на одном и том же месте. И тем примечательнее, тем значительнее тот факт, что именно во второй команде заметили его большое индивидуальное мастерство и на десятилетие ввели в сборную столицы.

Спортсмены старшего поколения – те, кому довелось узнать Сергея Сысоева лично, неизменно вспоминают не только его игровую стремительность, не только очень высокую технику, но и такие замечательные качества, как уважительность к людям, высокая культура, большой энтузиазм.

Еще продолжая выступать на зеленых полях как игрок ЗКС и сборной, Сергей Васильевич начал вести большую педагогическую работу. Его, например, можно сегодня по праву назвать одним из отцов советского баскетбола. В начале двадцатых годов в Москве об этой игре знали очень мало. Сергей Васильевич сделал сам и совместно с товарищами несколько переводов книг по методике тренировки и правилам игры. Ему принадлежит и множество других печатных трудов, в том числе работы по теории и практике футбола.

Недавно я разговаривался с профессором Владимиром Михайловичем Дьячковым, нашим знаменитым «высотником», заслуженным мастером спорта, заслуженным тренером страны. Как всегда бывает при встречах, мы начали делиться творческими планами – тем, чем жили в момент свидания. Я сказал, что заканчиваю книгу о футбольных фамилиях, назвал среди своих будущих героев и Сысоевых.

– Сергея Васильевича я знал отлично, – воскликнул воспитатель Брумеля. – Он был одним из моих первых педагогов в институте физкультуры. Хорошая память сохранилась о нем.

Хорошая память! Имя Сергея Сысоева помнят сотни, а может быть, и тысячи нынешних тренеров, преподавателей, руководителей, боевых организаторов советского физкультурного движения, которым он передал свою горячую любовь к спорту и дал путевку в жизнь, указал правильный путь, по которому надо идти.

В начале тридцатых годов, когда вся страна была объята пафосом созидания, когда к напряженной творческой жизни потянулись самые отдаленные уголки нашей страны, Сергей Васильевич сам, по собственной инициативе, по велению сердца, оставил родную Москву и поехал в Таджикистан.

– В столице и без меня специалистов много, – говорил он провожающим на вокзале, – а там – целина. Хочу работать там, где мои знания нужнее всего.

Приехав на место, он с азартом молодого человека (хотя ему уже перевалило за сорок) принялся за дело, организовал первую в республике детскую футбольную школу, строил большие планы... Но тяжелая, продолжительная болезнь преждевременно вырвала его из жизни. 12 мая 1932 года Сергея не стало.

* * *

За окном – поздний московский вечер. Дело идет к полуночи, а мы никак не можем наговориться с моим удивительным собеседником...

Валентин Васильевич Сысоев, несмотря на то что ему пошел девятый десяток, обладает редкой памятью, и его рассказ – плавный, увлекательный, изобилующий интересными деталями – льется без конца.

Потом мы переходим к современным темам, и он обнаруживает удивительную осведомленность во всех «тонкостях» нашей футбольной жизни. Он с большим знанием дела говорит о сборной, о лучших наших клубах, восхищается монолитностью киевского «Динамо», с любовью называет имена Льва Яшина, Эдуарда Стрельцова, неувядающего Галимзяна Хусаинова и многих, многих других... Он знает их, этих чудесных ребят. И я хочу, чтобы они тоже знали его, знали простую русскую фамилию – Сысоевы, – записанную жизнью в летопись нашего футбола.

Легенда четвертая, которая прозвучала неожиданно для самого автора и помогла ему узнать много нового о своем старом знакомом

Я знаю этого человека на протяжении многих лет, мы добрые знакомые, и, хотя он значительно старше меня по возрасту и по опыту, мы называем друг друга коллегами, товарищами по профессии. Мы часами сидели в редакции, спорили о статьях, искали и находили интересные темы и, найдя их, радовались как дети.

Знаю я об этом человеке и то, что в дни своей юности был он дружен со многими знаменитыми русскими богатырями, что трудно найти у нас в стране другого такого человека, который бы так глубоко знал историю тяжелоатлетического спорта. Наконец, я уважаю этого человека за то, что он воспитал своего сына выдающимся волейболистом, ставшим одним из самых ярких бомбардиров за всю историю этой игры у нас, капитаном команды ЦСКА и сборной команды Советского Союза, открывшей в далеком Токио список олимпийских чемпионов.

Вы, конечно, уже догадались, дорогой читатель, что речь идет о Борисе Михайловиче Чеснокове. Если вы любите спорт, если регулярно читаете наши спортивные газеты и журналы, то непременно видели эту фамилию. Она стояла под очерками об Иване Поддубном и Георге Гаккеншмидте, Иване Заикине и Иване Лебедеве, о докторе Краевском и

многих других людях, вознесших своими спортивными успехами славу сынов России.

– Хороший знаток истории, – говорили мы в своем кругу о Борисе Михайловиче, того не подразумевая, что сам он – часть этой истории, ее пионер, ее, если хотите, герой.

Но все бы это, может быть, и осталось для меня (и для многих других) вечной тайной, если бы не счастливый случай.

Однажды, когда шло очередное заседание нашего «Клуба интересных встреч», в котором приняли участие многие известные в прошлом футболисты, как-то зашел разговор о тех, кто дал путевку в жизнь этим прекрасным мастерам, кто заразил их жаждой игры, вечной любовью к ней.

– Моим футбольным учителем был Борис Михайлович

Чесноков, – сказал знаменитый и по сей день Павел Александрович Канунников.

– И моим тоже, – подтвердил Петр Тимофеевич Артемьев.

– И моим, – раздавалось со всех сторон.

Я не верил своим ушам. Я до последнего мгновения думал, что речь идет о ком-то другом, об однофамильце и двойном тезке моего знакомого. И когда собрание кончилось, когда гости стали расходиться, я подошел к одному из них, чтобы разрешить свои сомнения.

– Да, да, – улыбнулся мой собеседник, – речь идет именно о вашем авторе. Сейчас уже многие позабыли, что было сделано им. А вы пошевелите историю, поройтесь в его биографии – такое узнаете...

Я послушался доброго совета, стал «рыться», встречаться с очевидцами, ворошить старые подшивки и не пожалел об этом. Передо мной в новом свете, интересная и удивительная, встала еще одна жизнь, отданная спорту, отданная людям. Передо мной прошла история еще одной семьи, неразрывно связанной с историей нашего футбола. О ней сейчас и пойдет речь.

У железнодорожного служащего Михаила Николаевича Чеснокова было четверо сыновей – Владимир, Борис, Иван, Сергей, – и у каждого из братьев был свой родной город – город, где он родился. В этом не было ничего удивительного: судьба семьи транспортника бросала их с одного места в другое.

Второй сын – Борис – появился на свет в Павловском Посаде, заштатном, тихом, похожем на село городишке тогдашней Московской губернии.

Когда Борису исполнилось семь лет, семья переехала в Нижний Новгород – отец, начавший свою карьеру со станционного телеграфиста, дослужился до начальника перевалочной Бурнавской пристани.

После тишины глубокой провинции – шум и простор одного из крупнейших торговых и промышленных центров России, города на Волге, столицы разудалых ярмарок. Но ни это все поразило маленького, тщедушного на вид, не вышедшего, как говорят, ростом человека.

Здесь в один из первых установившихся зимних воскресных дней увидел он неповторимую, на всю жизнь запавшую в память и сердце картину кулачных боев." Лед сковал великую реку, ослепительный снег покрыл ее берега. И вот выстроились с двух сторон две живые черные стенки и молча стали сходиться. И было в этом движении столько решимости и отваги, столько молодецкой удали, открытого благородства, столько невысказанной, рвущейся наружу силы, что у Бориса захватило дух и он крепко прижался к ноге отца.

– Ну что, испугался? – спросил Михаил Николаевич и погладил сына по головке.

– Нет, папенька.

– Ну хорошо, хорошо. Смотри, как наши сейчас ударят...

Михаил Николаевич, человек по природе своей удивительно мирный, кулачные бои любил невероятно. У него даже были свои

любимцы бойцы, люди могучие, которыми он любовался, которым втайне помогал.

После Нижнего Новгорода – город Ковров. Здесь кулачные бои носили еще более ожесточенный характер: городские сражались против Мызы – пригорода на другом берегу Клязьмы. На льду реки разыгрывались самые настоящие сражения.

Нижний и Ковров оставили в памяти ребенка яркие и волнующие картины, разожгли в его маленьком сердце великое пламя азарта, жажды деятельности, глубокое преклонение перед силой и ловкостью.

Прошло несколько месяцев – снова смена декораций: на этот раз маленькая станция, точнее разъезд, – Новки. Они запомнились мальчишке тем, что ежедневно приходилось делать в поезде два конца по двадцать верст – в школу и обратно. И здесь впервые вошла в его жизнь физкультура. Нет, речь, конечно, идет не о каких-то плановых занятиях, уроках по расписанию – тогда об этом и не мечтали. Просто здесь очень любили исконно русские игры – лапту, городки и «чижик». В летние каникулы мальчишки сражались с утра и до позднего вечера, никогда не уставая и лишь меняя для разнообразия одну игру на другую.

Страсть к лапте, пришедшая к Борьке Чеснокову в Новках, выросла до фанатизма в подмосковном Бирюлеве. Он уже был владельцем целого склада черных, плотных мячей для лапты, научился выделывать прекрасные биты из сосновых и еловых кругляшей. Но, главное, он научился играть так ловко, так искусно, что не было ему равных в местечке.

– Ну и «маленький», – удивленно качали головой все, кому доводилось увидеть, как сноровисто действует Борис, как не отстают от него братья. «Маленьким» его окрестили за очень низкий рост, который, впрочем, не мешал ему обыгрывать всех местных великанов.

В Бирюлеве одна против другой стояли две товарные конторы – одна от Курской дороги, другая от Павелецкой. После рабочего дня служащие, устав от долгого прозябания в помещении, охотно наблюдали за играми молодежи. А потом и сами начали пробовать силенки. Прошло

немного времени, и вот уже весь городок оказался охваченным городошной «эпидемией», яростно и самозабвенно сражался в лапту. Контора против конторы, линия (так здесь назывались улицы) против линии. Во всех состязаниях «сборная Чесноковых» выступала самостоятельно и неизменно одерживала победы. Что же касается Бориса, то о нем по всей округе рассказывали чудеса.

– Ловкий бесенок, – отзывались о нем повсюду. – Ни за что не перехитришь.

Да, именно бесенком – всегда неугомонным, непоседливым, обожающим движение – сделали Борю Чеснокова детские игры.

Вскоре он надел форму 4-й московской гимназии, помещавшейся у Покровских ворот. В этом великом городе спорт поворачивался к нему все новыми гранями: вместе с товарищами он на Чистых прудах точил на льду свои бегаша и пристраивался в кильватер легендарному Николаю Струнникову, проводившему здесь свои тренировки.

– Бывало, подпустит нас на близкое расстояние, – рассказывал мне как-то Борис Михайлович, – а потом включит скорость и... только мы его, как говорится, и видели.

Потом пришло увлечение профессиональной борьбой. Собственно говоря, первая бацилла «борцовской болезни» поразила Чеснокова еще в Бирюлеве. Там в бараках жили ремонтные рабочие – в подавляющем своем большинстве молодые ребята, – и в свободное время они часто устраивали борцовские турниры. Бориса никогда нельзя было оторвать от созерцания их поединков.

И все-таки там, в Бирюлеве, мальчик видел любительские картинки, а здесь, в Москве, отец, вняв его настоятельным просьбам, взял мальчишку в цирк. В цирк, где все третье отделение было отведено «встречам знаменитых чемпионов французской борьбы».

И вот перед его глазами арена. Гремит бравурный марш, показывают свое искусство эксцентрики, воздушные акробаты, клоуны, но Борька совершенно не реагирует на все это. Он ждет. Он поломал себе от нетерпения ногти, впиваясь ими в бархат барьера. И вот наконец:

– Начинаем парад-але!

Распахивается занавес, скрывающий от зрителей проход за кулисы, и на освещенную, сверкающую арену один за другим выходят настоящие богатыри. Вот нескрываемый кумир Борьки Чеснокова – нежный, элегантный красавец с неповторимым торсом Карл Микул, вот настоящий, со сверкающими белками негр, которого объявляют «Том Сойер», вот гордость русского спорта, король гирь Петр Крылов, вот непобедимый и неповторимый Александр Вильям Муор Знаменский... Гремит оркестр, гремят аплодисменты, и колотится от небывалого счастья и волнения восхищенное увиденным сердце гимназиста. Он не может усидеть на своем месте – вскакивает, перевешивается через барьер, и отец то и дело вынужден дергать его за рукав:

– Да сядь ты, пожалуйста, на место...

Побывали в цирке и другие мальчишки. Нужно ли после этого говорить, что через недельку-другую началась в 4-й гимназии повальная эпидемия борьбы. Особенно доставалось Борьке: был он небольшого роста, очень щупленький на вид, и каждому хотелось проверить на нем свою ловкость и силу, каждый считал, что именно здесь-то гарантирована победа. Но «маленький» показывал такие чудеса стойкости, такую ловкость, что вскоре только самые-самые отчаянные головы решались на поединки с ним. Поединки эти были острыми, и по вечерам мать со вздохом и причитаниями пришивала к форменному костюму новую серию пуговиц и тщетно старалась снять с него следы желтой краски, покрывавшей все коридоры и классы гимназии.

Но на завтра все начиналось сызнова. Однажды в схватку с Борькой вступил его тезка – Шагурин, сын известного домовладельца, парень рослый, признанный силач, велосипедист и конькобежец. Казалось, исход поединка не мог вызывать сомнения, но Чесноков отчаянно сопротивлялся, и матч, за которым наблюдала почти вся гимназия, затягивался.

Зазвенел звонок, оповещавший о конце большой перемены. Толпа зрителей постепенно редела. Наконец, и самые отчаянные головы разбежались по классам – дисциплина в гимназии была жестокая.

– Давай перерыв сделаем, – с трудом переводя дыхание, предложил «маленький».

Но Шагурин – общепризнанный «гроза ковра» – расвирепел. Он усиливал натиск, желая во что бы то ни стало вернуться в класс победителем. Он отчаянно наступал, забыв о всякой осторожности. И тут, изловчившись, собрав все свои силы, Борис маленький идеально точно провел свой любимый прием тур-де-бра, и тело Бориса большого гулко шлепнулось на пол коридора. Наступила тишина. Где-то уже был в разгаре урок по химии: до слуха доносились отдельные фразы: «аш два о», «натрий хлор».

... И вдруг над головой раздались хлопки, а потом, путая русский с французским, кто-то воскликнул:

– Брафо, Брафо! Такой маленький, но все же побеждает... Колоссаль!

Ребята вскочили на ноги. Перед ними стоял гроза всей гимназии их педагог мсье Жано. Он взял Чеснокова за руку, поднял ее, как это делали судьи в цирке, и так ввел в класс.

С этого дня Борис Чесноков стал всеобщим героем, а уроки французского языка начинались его сообщением о том, как закончился очередной чемпионат в цирке (он туда продолжал ходить регулярно), кто кого и на какой минуте положил...

Победа над Шагуриным, а потом еще несколько удачных выступлений в чемпионате гимназии окрылили Чеснокова, и однажды – это было уже в одном из последних классов – он пришел в знаменитую в ту пору атлетическую школу Дмитрия Маро. Люди, на которых он почитал за высшее счастье лишь смотреть, стали его друзьями и партнерами. Он боролся с чемпионом Российской олимпиады Сергеем Осиповым, встречался и с другими прославленными богатырями, и все это давало ему истинное наслаждение. Но однажды, выступая против партнера, который был на полтора пуда тяжелее (поединок шел в присутствии кумира Москвы Сержа Маро, и это, конечно, раззадоривало участников встречи), «маленький» постарался провести свой любимый

прием, потянул гиганта на себя, но неудачно упал на плечо... Дикая боль... Обморок... Разрыв связок. Он остался горячим поклонником борьбы, другом Сергея Маро и Ивана Заикина, продолжал ходить в кружок, где встречался с очень интересными людьми, тянувшимися, как и он, к спорту (здесь бывал Иван Григорьевич Мясоедов, сын знаменитого художника и сам живописец, известный в то время бас, артист Большого театра Василий Родионович Петров), но с выступлениями на ковче пришлось расстаться навсегда.

– Отныне, батенька, это занятие не для вас, – сказал доктор.

– Что ж, у меня еще остается футбол, – улыбнулся «маленький».

Теперь, рассказав читателю, как начиная с детских лет шаг за шагом, иногда даже не подразумевая этого, втягивался Борис Чесноков в спортивную жизнь, становился спортсменом по духу, по зову сердца, по любви, я перейду к описанию его футбольной биографии.

Но для того чтобы понять ее, чтобы лучше уяснить все, что сделал этот маленький с виду, но большой по духу и темпераменту человек, мы должны совершить с вами небольшое путешествие в прошлое, заглянуть в него, побыть в атмосфере тех лет, когда в Москве рождался и заявлял о себе во весь голос его величество футбол!

Итак, мы отправляемся в прошлое

В главе, посвященной футбольной семье Бутусовых, мы попытались хотя бы вкратце заглянуть в историю зарождения русского футбола вообще. Теперь несколько слов о том, как утверждался он в нашей нынешней столице.

Впрочем, скажем сразу: когда и как начался футбол в Москве, установить с абсолютной точностью теперь уже, вероятно, невозможно – слишком разноречивы показания немногих живых свидетелей той поры, а специальная литература до обидного скудна и очень мало оперирует датами – современников рождения футбола, людей, стоявших у его колыбели, они, разумеется, не интересовали.

Первые сведения, не вызывающие никакого сомнения, относятся к 1895 году. В одной из московских газет мы читаем заметку о том, что «на зеленой площадке, что у завода Гопнера (ныне завод Владимира Ильича. – Л. Г.), англичане, работающие здесь, затеяли играть в футбол. Москвичи проявляют к этой новой для них забаве великий интерес. Смотреть, как гоняют мяч, собираются по двести-триста человек...».

Говорят, что одна ласточка не делает весны, но эти первые футбольные ласточки, носившиеся по первому в нашем городе настоящему игровому полю, сделали весну – подлинную весну жизни московского футбола.

Сейчас сообщение о том, что кто-то где-то играл в футбол, естественно, не может вызвать ни у кого из нас ни тени удивления. Но те, первые, несомненно, совершали подвиг. Нужно вспомнить тогдашний уклад жизни – даже в городах, в столицах, – сильно отдававший патриархальностью, чтобы понять, что значило для «усатых» и «бородатых» мужчин выйти на люди в трусах и футболках, гонять мяч, – одним словом, делать то, что никогда и никто не делал. Пришлось этим пионерам пережить и насмешки, и освистывание со стороны невежд, и колкие нападки печати... Но что может остановить истинно влюбленных в дело людей?!

Началось все с простой забавы членов московской английской колонии, решивших потешить себя любимой на их родине игрой. Но вскоре нашлись у нас люди, сумевшие разглядеть на первый взгляд в непонятной игре большое будущее, прекрасное средство физического воспитания. Мы бы проявили явную неблагодарность, не назвав имен Р. Ф. Фульда, избранного впоследствии председателем Московской футбольной лиги, а также его товарищей – А. Я. Торнтон, братьев Ф. Л. и В. Л. Казалет, А. И. Вашке. Многие из них относились к «верхушке общества», но проявили себя в области физической культуры передовыми людьми и сделали для отечественного спорта ничуть не меньше, чем, скажем, глубокочтимый Третьяков для русского искусства.

Именно по инициативе Романа Федоровича Фульда и его единомышленников была создана уже в 1896 году при Московском гигиеническом обществе «комиссия по устройству подвижных игр».

Вскоре по ее инициативе на Ширяевом поле, в Сокольниках, было оборудовано по всем правилам футбольное поле, а затем комиссия содействовала постройке такого же поля в дачном местечке Быкове, куда на лето перекочевывала основная масса играющей молодежи – первой футбольной нашей гвардии.

Итак, поле у завода Гопнера, Ширяево поле и Быково – вот три исходные точки, три колыбели новорожденной игры в Москве. Многие в играх, возникавших здесь, носило еще, конечно, стихийный и примитивный характер, многое выглядело первобытно, но делу дан был ход.

Прошло первое десятилетие. За это, в общем-то, незначительное с точки зрения истории время игра успела твердо укорениться в быт москвичей. Команды, которых становилось все больше и больше, стали играть по единым правилам, написанным впервые Романом Федоровичем Фульдой и отпечатанным в 1904 году. А вот еще одно интересное свидетельство происходивших в ту пору перемен, о которых писал журналист Д. Благоев: «Футбол у нас привился – спору нет. Смотреть его стало куда интереснее. Господа, отдающие этому модному занятию свое время, поняли, что игра «толпой», как это было вначале, не приводит ни к каким результатам, что необходимы определенная тактика, костюм и форма».

Через год – в тысяча девятьсот пятом – происходит событие, исключительное по своей важности: Р. Ф. Фульда и его компаньон А. П. Мусси организуют первый в Москве футбольный клуб – Сокольнический клуб спорта – и строят для него также первое в городе, обнесенное забором футбольное поле со скамейками для зрителей. Уютный, расположенный в великолепном сосновом бору стадион существовал еще долгие десятилетия, был любимым владением московских армейцев.

На нем выросло не одно поколение советских чемпионов и рекорсменов.

Говорят: лиха беда – начало. Через два года появляется еще один клуб – КФС (кружок футболистов «Сокольники»), за ним другие. И вот наконец происходит событие, которое с полным основанием можно

назвать историческим: был опубликован календарь игр и проведен первый официальный розыгрыш первенства Москвы, в котором приняли участие всего четыре клуба – БКС (Британский клуб спорта, куда входили англичане, проживающие в Москве), СКС, морозовцы и «Унион».

Это событие, несмотря на его видимую сегодня примитивность, имело исторические последствия для московского футбола. Оно дало ему крылья, послужило толчком вперед, увлекающим примером. Один за другим организуются все новые и новые футбольные клубы – в Замоскворечье, у Петровского парка, на Пресне, в дачных пригородах... Вся эта масса команд, жаждущих борьбы, интересных встреч, требовала какого-то единого руководящего центра, штаба, направляющего все нарастающий спортивный поток по новому руслу. И вот 21 декабря 1909 года представители всех клубов собираются на учредительное совещание и провозглашают создание Московской футбольной лиги. Футбол в древней столице России получил свое стройное организационное здание и пошел вперед – все увереннее, все сильнее набирая скорость. Начался розыгрыш Кубка Фульда (для первых команд класса «А»), Кубка Вашке (для вторых команд класса «А»), прошумели первые междугородные матчи, шла подготовка к созданию сборной команды России и посылке ее на Олимпийские игры 1912 года в Швецию, строились все новые площадки, русские фабриканты налаживали выпуск своего, отечественного, инвентаря. Газеты писали: «Футбол у нас становится модным. Теперь на площадках, где идет игра, нередко увидишь благородных господ».

Вот что это было за время, когда начинали свою футбольную карьеру братья Чесноковы.

Неугомонный «малыш»

Первым из семьи Чесноковых с футболом познакомился Борис. В 4-й московской гимназии учились (кажется, на два класса старше) Леонид Смирнов и Марк Варенцов – ребята, уже успевшие познакомиться с футболом и влюбиться в него. (Леонид Смирнов через два года стал игроком сборной Москвы, а затем и сборной России.) Часто до начала занятий и на переменах они выскакивали в гимназический двор,

подбирали себе партнеров, назначали соперников и – начинались сражения.

Так получилось, что Борис Чесноков несколько раз оказывался в одной команде со Смирновым – гимназические знаменитости брали его за низенький рост и невзрачный вид: хотели показать, что выбирают себе в помощники самых что ни на есть слабых. Но Борька через две-три игры стал показывать такую прыть, что при дележке игроков все стали требовать:

– Чеснокова нам...

– Нет, нам давайте...

Борька и в самом деле научился очень ловко обращаться с мячом, легко проскальзывал мимо защитников, очень хорошо видел партнеров, а главное, совершенно не уставал.

– Неугомонный малыш, – говорили о нем товарищи.

– Из этого парня выйдет толк, – вторили им другие.

Тому, что маленький Чесноков выдвинулся среди сверстников с такой поразительной быстротой, в общем-то, не нужно было удивляться. Среди гимназистов 4-й московской преобладали дети весьма состоятельных родителей – избалованные, изнеженные, совершенно не привыкшие к физическому труду, к нагрузкам, к движению. Одним словом, типичные «маменькины сынки». На их фоне «малыш», прошедший суровую школу детства, имевший в своем «активе» годы увлечения лаптой, городками, «чижилом», выглядел настоящим богатырем. Вот почему именно ему Леонид Смирнов, которого Чесноков до сих пор считает своим первым учителем и тренером, сказал однажды:

– Приходи завтра в крепких ботинках, пойдем играть с другой гимназией.

Сражение состоялось где-то на Басманной, в парке, которого уже давно нет в Москве. Игра длилась часа два, и все это время Чесноков без

устали носился по полю. Сначала соперники его демонстративно «не замечали», но после того, как он забил подряд три гола, стали кричать:

– Смотрите за этим лилипутом.

«Лилипут» разозлился и провёл ещё два гола к всеобщей радости.

На этом его выступление за сборную своей гимназии прекратилось – команда в то же лето распалась. Но любовь к новой игре не ушла из сердца. Наоборот, она все больше и больше захватывала его.

– Папа, купи мяч, – все чаще и чаще просил Борис.

Наконец, заветное желание исполнилось. И четыре брата, собравшись вместе, стали все свободное время проводить во дворе, отчаянно разбивая отцовский подарок. Потом к этой четверке подключились другие гимназисты, мальчишки с соседних улиц, мастеровые из депо... Число игроков росло с непостижимой быстротой. Двор дома уже давно оказался для них тесным.

С разрешения отца Борис решил провести настоящий, по всем правилам, матч на... погрузочном дворе станции, что входил во владения его отца. И вот на огромном пространстве, устланном булыжником, ограниченном с двух сторон пакгаузами, начался поединок одетых и «голых» (чтобы было легче различать соперников, игроки одной из команд сняли рубахи).

Где-то неподалеку свистели маневровые паровозы, лязгали буфера подававшихся под разгрузку платформ, но всю эту трудовую симфонию заглушали звон летающего от ворот к воротам мяча, крики футболистов и зрителей.

Зрителей на беду набралось в тот раз слишком много: пришли конторские служащие, машинисты, грузчики. Отец Чесноковых тоже оставил свой кабинет и стоял, с восхищением и гордостью наблюдая, как ловко и отчаянно действуют его мальчишки. И вдруг:

– Это что за безобразие?! Прошу всех, господа, разойтись по своим местам.

Надо же было так некстати нагреть на станцию управляющему. Последовало строгое распоряжение: «Футбол на товарном дворе немедленно прекратить. Он отвлекает». Пришлось искать новое пристанище. Сначала нашли неплохую лужайку неподалеку от Калитниковского кладбища, потом чуть ли не половину лета месили пыль на широкой, тихой Александровской улице, сражались на лугах, что раскинулись в треугольнике между линиями Нижегородской и Курской дорог.

Как только братья Чесноковы и созданные ими команды вышли из тесноты товарного двора на открытые площадки, как только начались здесь регулярные матчи, произошло «чудо»: к пионерам футбола потянулись десятки и сотни молодых людей – рабочие с близлежащего металлического завода Гужона.

Никогда не забудут очевидцы того чудесного, овеянного романтикой времени. Вот проезжают по своей трассе, всегда в одно и то же время, известные на всю округу водовозы братья Васильевы. Медленно тянет наполненную водой бочку старая, заморенная кляча, а с трех сторон окружают ее, словно почетный караул, три рослых парня. Они староверы и даже летом не снимают своих поддевок, свои черные, издали бросающиеся в глаза фуражки «под скобку». У Калитниковского кладбища на зеленом раздолье кипят – по субботам и воскресеньям – футбольные бои. Три брата сначала в страхе наблюдали за ними издали, прошло некоторое время, они осмелели, стали подходить ближе, а однажды старший из них подошел к Борьке, попросил:

– Разрешите и нам попробовать!

С тех пор постоянно можно было наблюдать одну и ту же картину: стоит водбвозка на лугу, спокойно пощипывает травку лошадка, а три гиганта, не снимая своих поддевок, носятся по полю, гоняют мяч. И неплохо у них все это получается.

Игроков становилось все больше и больше, уже давно прошло время случайных встреч – сложились свои, постоянные, с прочными связями и традициями, команды. Дело принимало настоящий размах, охватывало огромное число людей. И только одно оставалось неизменным: не было

пристанища у этих команд, со дня рождения получивших название «диких». Вот и с лугов у Калитниковского кладбища прогнали власти по настоянию святых отцов: шутка ли, вечный покой неподалеку, церковь, а тут озорники мяч гонять вздумали.

У молодого читателя, естественно, может возникнуть вопрос: и чего ребята эти мучились, шли бы себе в официальные клубы Московской городской лиги, благо этих клубов становилось все больше и больше. Но в том-то и дело, что для подавляющего большинства тех, кто присоединился на Рогожке к братьям Чесноковым, путь в высокопоставленные городские клубы был, по существу, закрыт. Там в основном играли студенты и гимназисты, дети состоятельных родителей. Членский взнос, например, в клуб «Вега» составлял в 1911 году 15 рублей – месячное жалованье среднеоплачиваемого рабочего. О каких же клубах могли мечтать рабочие парни?!

Огромная заслуга семьи Чесноковых, и прежде всего самого неугомонного и неукротимого из них Бориса, в том-то и состоит, что она отстаивала право «дикого» футбола на существование. Именно Чесноковым принадлежит замечательная заслуга утверждения в Москве подлинно народного, подлинно массового футбола. И эту заслугу нельзя забывать!

Были эти ребята неугомонными: выгнали с Калитниковского кладбища – бросились искать новое место.

И вот наконец была снята у Удельного ведомства площадка в Анненгофской роще. Часть средств за аренду пошла от копеечных сборов кружковцев, остальные деньги добавил отец братьев Чесноковых – Михаил Николаевич разделял страсть своих сыновей, любил футбол и видел в нем прекрасное средство физического воспитания молодежи, организации ее культурного отдыха.

Площадка в Анненгофской роще оказалась на редкость уютной и удобной. Неподалеку имелся большой незанятый сарай – собственность владельца небольшой чайной. Сняли этот сарай и устроили в нем раздевалку, что в ту пору показалось ребятам верхом комфорта. А в дни игр владелец заведения за весьма умеренную плату доставлял сюда чай с

лимоном – им поили гостей в перерыве между таймами. Это уже граничило с роскошью, походило на настоящий футбольный клуб. Да он и был, по существу, таковым – первый в нашей стране истинно рабочий, истинно национальный (в лиговых командах, как правило, все еще преобладали англичане) футбольный клуб. Имя ему дали Рогожский кружок спорта, а между собой часто называли «чесноковским».

Вслед за этим первенцем, по его вдохновляющему примеру, стали появляться «дикие» футбольные кружки по всей Москве. Благодаря энергии Бориса Чеснокова и некоторых других «зараженных» им энтузиастов эти кружки, команды приобретали все более стройную и четкую организацию – свой календарь, свои строго установленные правила, свои традиции и законы. «Дикими» их называла лига, сделавшая в свое время доброе дело по утверждению футбола в Москве, но теперь превратившаяся в бюрократическую организацию, отгородившуюся от народа барьером неприступности, напыщенного аристократизма. Ее руководители – в большинстве своем представители «власть имущих» – открыто и подчеркнуто показали свое классовое лицо, свое явное нежелание допускать в команды неудобные элементы в лице представителей трудового народа. Она повсеместно увеличила паевые взносы для членов клубов, издала приказ своим рефери, запрещающий судейство игр «диких» команд.

В этих условиях работа, проделанная двадцатилетним энтузиастом, смелым и неукротимым Борей Чесноковым, имела огромное значение.

В январе 1912 года в седьмом номере журнала «К спорту» была напечатана его статья, появление которой произвело в кругах спортивной общественности впечатление разорвавшейся бомбы. Этот материал поражал своей смелостью и прямоотой, остротой постановки вопроса.

«Главный элемент состава «диких» кружков, – писал автор, – рабочие, мелкие служащие и учащаяся молодежь. Это не московские патриции – игроки лиги, приезжающие на состязания на автомобилях. Это – демос, страстно увлекающийся здоровым и интересным спортом, подобно тому, как раньше он увлекался борьбой... Пусть лига уделит ему хоть крохи своего внимания и протянет опытную руку помощи».

Борис не ограничивался устными и письменными заявлениями, а носился по Москве, подыскивая поля, занимаясь подготовкой своих «собственных» судей, или, как их тогда называли, рефери, он установил контакты почти со всеми «дикими» командами огромного города и, организуя их встречи, поддерживал жизненный потенциал народного футбола.

Конечно, он видел, что поначалу уровень игры неорганизованных футболистов сильно отстает от лиговых. И Борис стал первым в Москве тренером рабочей молодежи – тренером Рогожского кружка спорта.

– Мы занимались под его руководством очень серьезно и планомерно, – вспоминал совсем недавно Павел Александрович Канунников. – Тренировка лиговых команд в ту пору в основном состояла из бесконечного битья по воротам. Борис Чесноков первым в Москве ввел у нас в программу занятий кроссы, упражнения с мячом – индивидуальные и групповые, сообщал нам интереснейшие сведения по тактике, которые черпал из, увы, малочисленных, но все же появлявшихся время от времени литературных источников. Вот почему в технике и тактике мы росли быстрее аристократов, догоняли и – настало время – перегнали их!

«Дикий», а по существу, подлинно массовый, истинно национальный русский футбол вырастил вскоре таких выдающихся мастеров, как П. Канунников, П. Исаков, Н. Троицкий, К. Блинков, Ф. Селин, и многих, многих других, ставших истинной гордостью отечественного спорта. Более того, пришло время, и они в личных встречах с лиговыми командами доказали, что превосходят их по всем статьям. Но об этом сказ еще впереди.

Итак, лига отвергла «диких». Но Борис Чесноков, бывший не только одним из ее лучших игроков, но и ее общепризнанным вожаком, не сдавался. Часто забывая о личных интересах, об отдыхе, подчас подвергаясь насмешкам и даже издевательствам бюрократов, он все же продолжал носиться по городу, воюя за «свой» футбол.

И старательность эта в конце концов была вознаграждена. Нашлись такие же энтузиасты, как Борис Чесноков, – он зажег их своей

неудержимой энергией. Не только на старой Рогожской заставе, но и в других районах огромного города появились свои лиги, а затем была организована общая Московская лига «диких» кружков, руководителем которой был единодушно признан наш с вами знакомый.

Народный футбол стал реальной силой, не считаться с которой было невозможно. И вот популярный журнал «К спорту» (по инициативе все того же Бориса Чеснокова, начавшего здесь свою журналистскую карьеру) берет на себя инициативу организации соревнований «диких», или, как их называли в печати, «свободных», кружков.

И вот закружилась, завертелась настоящая, увлекательная, волнующая и участников, и многочисленных зрителей футбольная жизнь. Она началась еще в 1911 году, а через два сезона Рогожский клуб добился феноменальных успехов.

Об этих успехах, о ходе и исходе соревнований, в которых участвовали рогожцы, естественно, особенно много и подробно писал его организатор – журнал «К спорту». И вот, чтобы мы могли с вами перенестись в атмосферу тех дней, почувствовать значимость происходившего, я позволю себе процитировать небольшую заметку из этого издания, относящуюся к осени 1913 года.

«Осенний футбольный сезон, – писал журнал, – можно не без оснований считать «страдной порой» для всех сторонников этого спорта.

И вот в данный момент эту пору мытарств футболиста по различным, разбросанным по отдаленным концам города площадкам, куда при всяких обстоятельствах и во всякую погоду гонит его страсть увлечения, следует считать почти оконченной.

Настало время сведения итогов и ответа на очередной вопрос: кем и что сделано в минувшем сезоне?

Как известно, в последнем тотчас же после Московской футбольной лиги видную роль сыграла лига спортивных кружков, объединенных нашим журналом, победителем в которой вышел популярный Рогожский кружок спорта.

Между прочим, попутно с названной лигой, хотя совершенно независимо от нее, действовали союзы вторых и третьих команд и кружков, записавшихся на оспаривание кубка «К спорту». В них тоже на первое место вышли команды

Рогожского кружка, выигравшего, таким образом, первенство города Москвы для свободных кружков во всех трех категориях. Это поистине выдающиеся результаты».

Можно было бы продолжить эту цитату (далее в заметке очень подробно, с большим уважением и любовью рассказывается о победителях), но и так ясно, какую роль, какое место в футбольной жизни Москвы играл в ту пору «чесноковский» кружок. Он вошел в нашу историю не только как пионер народного футбола, но и как команда высокого класса, большого игрового диапазона, интересных, пользовавшихся в Москве большой известностью мастеров кожаного мяча. В первой команде этого кружка (кстати, закончившей сезон 1913 года шестнадцатью победами в шестнадцати встречах) играли сначала четыре (Владимир быстро окончил свою спортивную карьеру), а затем неизменно три брата Чесноковы – Иван защищал ворота, Сергей выступал на правом крыле нападения, Борис вначале чаще всего был в центре линии нападения, а потом действовал на месте левого полусреднего.

«Братья Чесноковы, – читаем мы в том же издании «К спорту», – сделали очень многое для Рогожского кружка спорта своей полезной организационной деятельностью. Но не меньше сделали они для его успехов в нынешнем сезоне своей прекрасною игрой. Большинство голов, оказавшихся в чужих воротах, было проведено ими».

Интересно и такое сообщение: «Ввиду наступления зимнего сезона, долженствующего разобщить членов кружка на долгие зимние месяцы, в РКС решено поддержать исчезающую временно связь устройством лыжной станции, назначение которой должно еще более сплотить товарищескую среду этого клуба». Всего несколько слов, а как много они говорят нам. И о том, что Борис Чесноков вместе со своими неизменными помощниками – братьями – сумел создать в клубе обстановку настоящей спортивной дружбы. И о том, что одним из

первых – а может быть, самым первым – в Москве он выдвинул идею круглогодичной тренировки членов футбольного клуба.

Одна примечательная сенсация

В январе 1915 года в одном из московских спортивных изданий появилась заметка, отрывки из которой мне бы хотелось процитировать.

«Популярнейший из «диких» кружков Москвы – Рогожский кружок спорта – после пятилетнего существования прекращает с нынешнего года свою деятельность.

Организованный Б. М. Чесноковым в 1910 году на почве всеобщего увлечения футболом, кружок этот принужден был испытать немало всякого рода мытарств за полдесяток лет своей жизни, прежде чем смог составить себе то имя, по которому его справедливо считают сильнейшей футбольной организацией...

Спортивное существование всякого «дикого» кружка обставлено несравненно большими трудностями, чем жизнь официально зарегистрированных обществ, и в очень редких случаях у молодежи хватает терпения, чтобы преодолеть все пороги на пути к намеченной цели, не имея ни в чем и нигде поддержки. Рогожский кружок спорта был одной из таких организаций, которая смогла выдержать все встреченные на своем пути удары и теперь, уже добившись известной славы, добровольно прекращает свою спортивную деятельность».

Отметив выдающиеся спортивные достижения кружка, выигранные ими матчи, трехлетнее обладание Кубком «К спорту», автор заметки продолжал: «В последние два года РКС, казалось, прочно обосновался в Анненгофской роще. Однако осень истекшего года показала другое. Собрав все, какие только мог, средства, кружок за приличную сумму снял, как и в 1913 году, у Удельного ведомства площадку и надеялся удачно проиграть сезон. Судьбе угодно было сделать иначе. На первое же лиговое состязание к рогожцам на поле пожаловал представитель полиции и без объяснения причин потребовал всем разойтись. Свое указание он высказал так энергично, что все попытки объясниться с ним заранее были обречены на провал. Представитель кружка ходил на

следующий день к приставу в участок, но последний даже не пожелал с ним говорить. В результате всего этого рогожцам пришлось скитаться по чужим полям и, кое-как закончив сезон, принять то решение, о котором мы сказали выше, – прекратить свою деятельность».

Как говорится, комментарии здесь излишни. Прорвавшись сквозь рогатки царской цензуры, эта заметка объяснила многое тогда рабочему люду и многое раскрывает нам сейчас. Нет, не было пути в царской России народному спорту. Притесняемый финансовыми тузами, гонимый полицией, боявшейся всякого объединения трудящихся, влачил он безрадостное существование.

Но сделанное Рогожским кружком не пропало бесследно, семена, оброненные им, упали на благодатную почву. А решение о его закрытии отнюдь не было отступлением. Уже давным-давно между Борисом Чесноковым и представителями «легального» клуба «Новогиреево» шли переговоры о творческом воссоединении. Сначала руководители клуба предлагали место в своих рядах всем четверем братьям Чесноковым и еще трем-четырем особо выдающимся игрокам, но Борис наотрез отказался от этого приглашения.

– Перебежчиками мы не будем, – решительно заявил он. – Давайте принимайте всех членов нашего кружка под свою крышу. От этого «Новогиреево» только выиграет, выиграет весь московский футбол.

Борис Чесноков имел право так заявлять. В Рогожском кружке была выращена целая плеяда изумительных мастеров кожаного мяча, которые ни чем не уступали, а зачастую и значительно превосходили своим искусством лучших игроков лиговых команд. Рогожский кружок спорта и футбольный клуб «Новогиреево» слились воедино под флагом и именем последнего.

«Это объединение, – писал в те дни журнал «К спорту», – бесспорно, пойдет на пользу и тем и другим и послужит тому, что у нас в наступающем сезоне появится еще одна сильная команда».

Да, все знали, что «Новогиреево» усилится с приходом «дикого» пополнения. Но никто не предполагал, что этот союз принесет уже через несколько месяцев одну из самых громких, самых разительных сенсаций.

Но для того чтобы понять ее, нам теперь нужно хотя бы вкратце ознакомиться с тем, что в ту пору представлял собою официальный, лиговый, футбол. Нужно сказать, что он уже набрал силы, получил большой опыт, организационно был отлично подготовлен. Начиная с 1910 года лига разыгрывала официальное первенство города и Кубок имени Фульда для первых команд сильнейших клубов.

Участников этих соревнований насчитывалось много, но настоящей спортивной борьбы, по существу, не было. Все четыре года подряд призы, кубки и чемпионские титулы были добычей команды спортивного клуба «Орехово». Тут нет ничего удивительного: организованная при текстильной фабрике крупнейшего в то время фабриканта Морозова, существующая на его средства, она имела по сравнению с другими хорошие условия. Но дело заключалось не только в этом. Весь состав команды был укомплектован из числа служивших на фабрике англичан – молодых людей, успевших у себя на родине досконально познакомиться с таинствами игры, увидеть состязания лучших мировых клубов, познакомиться с передовой тактикой. Все это делало морозовцев – так чаще всего называли футболистов «Орехова» – на голову выше своих соперников.

Наступал осенний сезон 1915 года – время решающих битв на зеленых полях, время волнующих встреч, жарких баталий, державших в большом напряжении и самих футболистов, и зрителей.

Незадолго до начала календаря в журнале «К спорту» (мне приходится цитировать его часто, так как он, по существу, являлся тогда единственным специальным изданием) появилась заметка «Приятное ожидание» – нечто подобное нашим сегодняшним обзорам, которые журналисты пишут накануне важных спортивных событий.

«Очень скоро, – извещал автор, – увидим мы снова в деле наши лучшие клубы. Что же уготовит им судьба? Надеемся, морозовцы, хотя у них и есть некоторые изменения в составе, окажутся, как прежде, явно не

по зубам всем остальным. На конкуренцию с ними может разве что рассчитывать один Замоскворецкий клуб спорта, наш опытный, старый ЗКС. Но вряд ли...» Перечислялись еще несколько клубов – возможных фаворитов. «Новогиреева» среди них не было.

Но недаром говорят, что прогнозы в спорте – вещь весьма неблагоприятная. Так утверждают сейчас, так считали специалисты и много лет назад. И правильно считали. Ибо каждое соревнование, даже в котором встречаются заведомо неравные соперники, несет в себе много неожиданностей, открытий, в каждом спортсмене или группе спортсменов могут проявиться такие качества, которых прежде у них не видели. Спорт перестал бы называться спортом, если бы это было иначе.

Ошиблись оракулы и на этот раз. Борьба в чемпионате Москвы – первом «настоящем», официальном чемпионате, в котором участвовали бывшие рогожцы, – сложилась на редкость остро, увлекательно, привлекла всеобщее внимание.

«После сообщений с фронта, – писал в одном из своих обзоров журналист Д. Зуев, – по популярности среди москвичей на втором месте стоят футбольные новости. И виной тому доселе весьма посредственная команда «Новогиреево», которая неожиданно для многих вырвалась вперед»...

Действительно, этот клуб, где отныне футбольными делами руководил Борис Чесноков, где в первой команде весьма успешно выступали он и два его брата, ошеломил всех. Команда, невзирая на авторитеты, стала выигрывать одну встречу за другой.

В этих волнующих поединках наряду с другими игроками прекрасно себя проявляли все три брата Чесноковы. Эта фамилия в тот год пользовалась особой популярностью, ее повторяли все любители спорта.

– Настоящая футбольная фамилия, – говорили о них.

И не только говорили. Мне думается, что одним из самых неопровержимых источников спортивной истории – старой и новой – являются газетные отчеты. Написанные по горячим следам, для людей, которые еще вчера своими глазами видели то, о чем сегодня читают, они

несут в себе следы точной объективности, строгой документальности, четкой регистрации факта. Хорошо играл – отметят. Забил гол – отметят. Испортил игру – тоже не обойдут молчанием. А был безликим на поле – не обессудь: и сказок о тебе не расскажут, и песен. о тебе не споют.

Я перелистываю подшивки ветхих, готовых рассыпаться при неосторожном обращении, газет и журналов. Среди отчетов пятнадцатого года то и дело встречаются похвалы Чесноковым. Вот Борис в матче с КФС блестящим дриблингом обошел двух соперников и так отдал пас Канунникову, что «последнему уже не составляло никакого труда сделать гол». А через несколько минут в этом же матче сам «неотразимым шютом» (так по-английски называли тогда сильный удар) увеличивает счет. Юркий, подвижный, настойчивый, Борис всегда играл с огромной пользой для команды. Не отставали Иван, считавшийся хотя и не самым лучшим в Москве, но вполне надежным вратарем, а также Сергей, который в 1915 году был даже специально премирован клубом за высокое мастерство и самоотверженность, проявленные на футбольном поле.

Все это еще раз подтверждает тот непреложный факт, что эта семья дала московскому, а следовательно всему российскому, футболу не только неумолимых организаторов, но и настоящих мастеров.

Итак, команда, возглавляемая Борисом Чесноковым, чрезвычайно удачно начала сезон и до самого последнего момента сохранила лидерство.

Перед последним туром сложилась чрезвычайно острая ситуация. Прошлогодние и неоднократные победители первенства – морозовцы – догнали по очкам «Новогиреево». Каждой из команд оставалось сыграть по одному матчу: морозовцам с КФС, «Новогирееву» с ЗКС. Оба состязания были назначены на один и тот же день: 20 сентября. По воспоминаниям очевидцев, вся футбольная Москва жила всю неделю ожиданием предстоящих встреч.

В назначенный день поле ЗКС (у Калужской заставы), считавшееся тогда одним из лучших в городе, было запружено народом. «Никогда еще у нас футбольный матч не собирал столько публики», – с радостью

сообщал корреспондент журнала «К спорту». Всем хотелось узнать, сумеют ли нашумевшие уже своими успехами новогиреевцы противостоять на этот раз натиску хозяев поля. Привлекло людей и объявление, что будет поддерживаться телефонная связь с Ореховом, где в тот же час морозовцы принимали КФС.

И вот матч в Москве начался – сразу на поле, то у одних, то у других ворот, возникли острые положения, темп был взвинчен до предела. Проходят двенадцать минут, и очередная атака хозяев поля заканчивается голом.

– Ура!

– Так их! – несутся со всех сторон крики поклонников ЗКС.

Трудно играть в такой обстановке. Но гости не падают духом. Вот следует красивая комбинация Бухтеев – Б. Чесноков – Канунников, и последний очень красиво сильнейшим ударом под перекладину сравнивает счет. В это время вдоль линии зрителей проходит невысокий человек с рупором в руках и громогласно объявляет:

– В Орехове первая половина близится к концу. Морозовцы проигрывают со счетом 0:1.

Не успели объявить эту новость, как идет очередной вал ЗКС, на штрафной площадке «Новогиреева» возникает невообразимая сутолока, и в возникшей неразберихе хозяева проталкивают в ворота еще один мяч.

На местах для зрителей царит небывалое ликование. Ведь если произойдет «чудо» – проиграют оба лидера, – замоскворецкие футболисты догонят их по набранным очкам.

Но «чуда» не случилось. После отдыха новогиреевцы показали такую великолепную слаженность, такую неутомимость и волю к победе, что ЗКС не смог остановить их натиска. Вот уже левый край Золышкин уравнивает счет, потом блестяще играющий Канунников выводит свою команду вперед, и, наконец, Борис Чесноков ставит победную точку. 4:2! И тут же приходит сообщение:

– Морозовцы проиграли 0:2!

Толпа людей, узнав результат, взревела от восторга. Ее симпатии целиком были на стороне гостей. Ведь они, которых еще несколько месяцев назад никто не считал за серьезных соперников, стали чемпионами города, впервые нарушив гегемонию команды, которую многие между собой называли «выкормышем фабриканта Морозова». Известный фабрикант укомплектовал свою команду иностранцами, всячески поддерживал ее материально. Она считалась непобедимой, и поэтому успех новогиреевцев стал большой и радостной сенсацией.

«Впервые лучшей командой Москвы, – писал по этому поводу журнал «К спорту», – стала команда, где нет ни одного иностранца, и играют доподлинные туземцы. Их победа вдвойне отрадна: говорит она о том, что русский человек спор к футболу. Спасибо новогиреевцам за науку. Спасибо их капитану и организатору Борису Чеснокову».

1 октября новоявленный чемпион провел традиционную встречу против «всей Москвы» – фактически сборной города. И победил со счетом 3:0. Автором третьего, заключительного, гола был вновь Борис Чесноков.

Я хочу рассказать еще об одной игре этой команды. В мае 1916 года в Москву приехала из Петрограда команда «Меркур» – чемпион тогдашней столицы России. Встреча двух футбольных гигантов ожидалась с большим интересом. Московская пресса, на сей раз очень сдержанная, все же отдавала накануне состязания некоторое предпочтение гостям, считая, и не без оснований, что «у них слава погромче» («Меркур» успешно выступал на футбольных полях своего города в течение многих лет) и опыта куда побольше.

Однако новогиреевцы – уже в который раз – произвели сенсацию, нанеся «Меркуру» поражение, причем не просто поражение, а скорее разгром. Ничто не передает хода поединка точнее корреспонденции, опубликованной в одной из московских газет за подписью «Влад».

«Огромное количество собравшейся публики и серьезность предстоящей встречи создали у игроков обеих команд нервное состояние, с которым они и вышли на поле.

Началась игра в изумительно быстром темпе. И «Меркур» и «Новогиреево» были неузнаваемы. Первый точно набрался новых сил, от прежней его вялости в матче с СКЛ не было и помина. Новогиреевцы поразили не только быстротой игры, но и на редкость дружным ведением ее. Бешеный натиск передовой линии москвичей, поддерживаемый хавбеками, не смутил защиты «Меркура», а его форварды также неудержимо рвались к воротам противника. Взрывы аплодисментов только подливали масла в огонь, и игра развивалась с каждой минутой. Через четверть часа после начала на штрафной площадке бек «Меркура» резко сбивает Канунникова, и судья дает штрафной без защиты (так в ту пору называли одиннадцатиметровый. – Л. Г.). Сильным ударом Бухтеев С. делает первый гол.

Отчаянно рвется на левом краю петроградец Соловьев и в центре Самойлов, но дружное нападение «Новогиреева» через восемь минут вновь увенчивается успехом – Бухтеев берет высокую подачу головой и делает второй мяч.

Путем больших усилий петроградцы минут через пять сквитывают один мяч. «Новогиреево» продолжает играть изумительно, и скоро Канунников проводит третий гол. Игра не стихает. После энергичного напора гиреевцев правым краем «Меркур» бьет мяч на корнер. С подачи последнего Чесноков сильным ударом издали красиво делает четвертый мяч.

Несмотря на такой почти разгром, петроградцы продолжают горячую игру, но добиться ничего не могут и кончают хавтайм при счете 4:1.

Во время перерыва и в публике и среди самих игроков оживленные разговоры.

Результат считают изумительным и неожиданным. Ждут отыгрыша петроградцев.

...Общая победа «Новогиреева» выразилась, таким образом, при 6:1. Столь крупный проигрыш «Меркура» можно объяснить... выдающейся по быстроте и дружности игрой «Новогиреева», показавшего в этом матче в полном смысле блестящую игру».

Отмечая заслуги отдельных линий новогиреевцев, автор этой заметки писал: «В полузащите хорош был Леонтьев и особенно выделялся Чесноков» (в этом матче участвовал только Борис. – Л. Г.).

У команды «Новогиреево» с осени 1915 года началась полоса удач, продолжавшаяся три сезона подряд. В семнадцатом году она вновь стала чемпионом города и обладателем Кубка, а вторые и третьи команды этого клуба неизменно оказывались лучшими в своих подгруппах и награждались Московской футбольной лигой ее специальными призами. Первая же клубная еще не раз радовала своей игрой и своими победами, в том числе победами над сильнейшей по составу сборной Петрограда.

Меня могут спросить: почему я, взявшись писать о людях, о футбольной фамилии Чесноковых, так много места уделяю командам, их успехам, их истории? Могу ответить на это словами специального адреса, который был вручен одному из представителей этой семьи 23 сентября 1917 года, после того как команда клуба вновь завоевала звание чемпиона Москвы. В нем говорится:

«Дорогой Борис Михайлович! Позвольте нам от лица Комитета Новогиреевского спортивного общества настоящим выразить свою благодарность за Ваш плодотворный труд на пользу нашего общества.

Ваша долголетняя работа в области спорта вообще и в области футбола в частности позволила нам очень высоко поставить наши футбольные команды.

Ваша выдающаяся энергия по привлечению игроков в члены нашего общества и их подготовки к соревнованиям ознаменовалась рядом выигранных нашими командами первенств и кубков: Фролова (лето 1915 г.), Фульда (осень 1915 г.), Миндера (осень 1915 г.), Вашке (осень 1916 г.). Кроме того, наша первая команда выиграла весной 1916 года у победителей первенства Петрограда «Меркур» матч со счетом 6:1.

В 1917 году в летнем сезоне наша первая команда выиграла под Вашим руководством первенство и почетный жетон в Спортивной лиге Московско-Казанской ж. д., при изумительном счете голей – 71:2, с основания лиги не имевшем места.

Осенние игры 1917 года Московской футбольной лиги закончились весьма благоприятно для нашего общества: наши первая и третья команды выиграли первенство и Кубки Фульда и Миндера.

Но, кроме этого, пройдя без поражения первый круг календарных игр, наша первая команда на днях еще победила приезжавшую в Москву сборную команду лучших игроков Петрограда при счете 2:0...»

В адресе, подписанном всеми членами Комитета, говорится о необыкновенном организаторском таланте Чеснокова, о его спортивных достижениях.

Этот документ (и многие другие, которые я мог бы еще привести) убеждает нас в том, что жизнь этой семьи была не отделима от спорта, от футбольных клубов РКС и «Новогиреево», которым она отдала жар своих сердец, свою энергию, свою любовь.

Футбольная биография братьев, блестящая по содержанию, была не очень долгой. Борис, за которым из-за его недюжинного мастерства очень часто охотились хулиганы зеленых полей, получил в сезоне семнадцатого года тяжелую травму ноги, которая навсегда вывела его из строя. Владимир вступил в ряды большевиков – его увлекла революционная стихия, потом партия послала его на работу в деревню. Он и погиб как солдат в бою с врагами Родины. Иван еще оставался в «Новогиреево», а потом долгие годы был на тренерской, инструкторской работе в московских спортивных обществах «Пищевик» и «Спартак». Сергей до середины двадцатых годов играл, и с блеском, за ОППВ – прародителя нынешнего ЦСКА. В расцвете сил, молодой и жизнерадостный, он трагически погиб.

Интересно, ярко сложилась жизнь «неугомонного малыша».

Потеряв в результате травмы возможность активно выступать на зеленом поле, он тем не менее ни на минуту не изменил спорту. 1 марта

1919 года – в день организации Центральных курсов инструкторов Всевобуча – Борис Чесноков был зачислен в штат – сначала преподавателем, потом начальником спортивного отдела. Затем курсы были переименованы в Главную военную школу физического воспитания трудящихся.

Здесь инициатива, сметка, любовь к спорту, свойственные этому человеку, проявились в полной мере. По предложению Бориса Михайловича Чеснокова был создан первый в нашей стране спортивный клуб «Академия». Сколько хороших, славных и просто необходимых дел совершено было здесь.

«В «Академию» приходили люди в лаптях, иногда полуграмотные, а уходили отсюда настоящими пропагандистами физической культуры, безусловно знающими свое дело специалистами», – писал впоследствии один из выпускников и участников клуба, известный советский атлет многоборец, заслуженный мастер спорта Александр Демин.

А кто-то другой метко назвал «Академию» колыбелью советского спорта. Этот клуб стал родоначальником ныне знаменитых и традиционных эстафет по кольцу (сначала Бульварному, потом Садовому), возродил русский хоккей, стал организатором первых состязаний по плаванию, гимнастике.

Я снова обращаюсь к воспоминаниям заслуженного мастера спорта Александра Александровича Демина:

– Когда вспоминаешь ту далекую, трудную и в то же время прекрасную пору, – говорит он, – неизменно видишь всегда занятого, всегда увлеченного Чеснокова. Он был зачинателем всех дел: то придумает массовые выступления на площадях города, то выезд в родное Новогиреево, то показательные соревнования по боксу... Многое в «Академии» было просто невозможно представить без его руководства и участия.

Борис Михайлович Чесноков сегодня – бесспорно старейший спортивный журналист страны. Начав в 1915 году сотрудничать в журнале «К спорту», а затем и редактировать его, этот человек вот уже

свыше пятидесяти лет не расстаётся с пером, пропагандируя физическую культуру для народа.

Он был первым спортивным обозревателем «Правды», долго, интересно вел отдел спорта в журнале «Прожектор», мы знаем его как первого директора государственного издательства «Физкультура и спорт» и автора первого (теперь уже уникального) энциклопедического словаря по спорту. Вообще в нашей спортивной журналистике многое «первое» принадлежит именно ему. Современник и друг целой плеяды русских геркулесов – Ивана Заикина, Ивана Поддубного, Ивана Лебедева и ряда других, он посвятил немало сил и таланта рассказу молодежи об их спортивных подвигах. Борису Михайловичу принадлежит особая, исключительная заслуга в пропаганде тяжелой атлетики, ее глубоких национальных корней, ее славных и никогда не меркнущих традиций в русском спорте.

... В шестьдесят шестом Борису Михайловичу Чеснокову исполнилось 75 лет. Но и сегодня он неизменно бодр, жизнедеятелен, творчески активен. Часто можно видеть его в редакции журнала «Спортивная жизнь России», где он теперь сотрудничает.

За плечами две трети века, а старейший спортсмен и журналист полон идеями, горит желанием творчества. С любовью и вдохновением пишет он страницы истории отечественного спорта – истории, в которой он и его семья тоже занимают достойное место!

Легенда пятая, которой автор так и не придумал названия, потому что фамилия человека, о котором здесь рассказывается, звучит для него красивее всех других слов

Жизнь этого человека неразрывно связана с детством и юностью нашего футбола, с его первыми шагами, первыми успехами и победами. Пожалуй, даже сейчас, в наше бурное время, полное самых невероятных спортивных событий, трудно найти среди истинных ценителей футбола такого, кто бы не знал или не слышал фамилию – Канунников. Она сплетается с нашей историей, занимает ее достойнейшие страницы.

Если бы кому-нибудь вздумалось написать книгу о московских болельщиках, то, несомненно, в первой главе ее следовало бы отвести пространное место известному пресненскому старожилу, рабочему, а потом служащему с фабрики «Лакокраска» Александру Ивановичу Канунникову. Сам он не успел стать спортсменом. Говаривал: «Эх, жаль, слишком рано я родился...» – но, уже в зрелом возрасте познакомившись с только что утверждавшейся, все набиравшей силу игрой, полюбил футбол, стал его горячим поклонником, или, как говорят у нас теперь, болельщиком.

И вот новая страсть, как и следовало предполагать, принесла с собой изменения в быт и «внутренний распорядок» семьи. Теперь каждое воскресенье жена с раннего утра пекла пироги, Александр Иванович набирал их себе как можно больше, старательно укладывал в свой рабочий баульчик и отправлялся смотреть состязания. В газетах тогда никаких объявлений не делали, «Московская спортивная неделя» еще не выходила, радио и телевидения тоже не было. Но зато безотказно работал беспроволочный болельщицкий телеграф. Уже в пятницу из уст в уста, из конца в конец города передавали знатоки, где и когда вспыхнут главные спортивные баталии. Александр Иванович с бухгалтерской точностью выписывал себе расписание встреч, а субботними вечерами долго сидел над ним, решая, куда же все-таки пойти, и составляя расписание маршрутов. Дело это было по тем временам далеко не легкое – не то что метро, автобусов еще не было, только что недавно пустили трамвай, линий было мало, и главным транспортным средством оставалась конка.

Несмотря на такие трудности и связанные с ними материальные расходы, Александр Иванович часто успевал за день побывать на двух-трех площадках. Возвращался поздно вечером, всегда неизменно веселый, шумный, радостно возбужденный и всегда с жаром, со страстью, с мельчайшими подробностями передавал своим мальчишкам все, что успел узнать (сыновей у него было четверо – Александр, Павел, Анатолий и Николай). В его устах обыкновенные люди – голкиперы, беки, хавы, форварды – вырастали в героев, в былинных богатырей. А когда мальчишки стали подрастать, он стал водить их с собой, учил понимать игру, учил восхищаться ею. Именно Александр Иванович

Канунников, один из пионеров многоликой армии болельщиков, зародил в сердцах своих сыновей любовь к футболу, которая навсегда осталась с ними. Именно он «виноват» в том, что стала его семья спортивной, приобрела большую известность, дала нашему футболу одного из самых известных, самых великолепных мастеров атаки.

Все четыре брата Канунниковы выросли способными, известными спортсменами. Старший брат – Александр Александрович, – правда, не пристрастился к игре, но зато пользовался славой первоклассного лыжника, страстно увлекался легкой атлетикой. В подшивках старого русского издания «К спорту» можно найти не одно упоминание его фамилии среди участников и победителей различных состязаний.

Замечательным футболистом стал третий по старшинству брат – Анатолий. В 1922 году двадцатидвухлетним молодцом был он принят вместе с Павлом в состав знаменитой «Красной Пресни» на место крайнего полузащитника. Здесь, среди футболистов с громкими именами, звучавшими на всю страну, чувствовал он себя равноправным. Решительный, неутомимый, достаточно техничный, смелый, он был в ту пору одним из лучших московских хавов и несколько раз включался в первый или второй составы сборной Москвы.

– Помню, – рассказывал мне недавно Петр Тимофеевич Артемьев, – когда при обсуждении состава на очередную игру называлась кем-нибудь фамилия «Канунников» без упоминания имени, неизменно следовал вопрос:

– Какой?

И это было лучшим подтверждением того, что каждый из братьев – Павел, Анатолий, Николай – признается самым большим авторитетом, Верховным Судом спортивной Пресни.

Анатолий, нужно сказать, прожил в советском футболе не только яркую, но и долгую жизнь. После «Красной Пресни» он единодушно был введен в состав «Пищевика», затем был принят в команду мастеров московского «Локомотива», – одним словом, активно выступал на

футбольных полях вплоть до начала Великой Отечественной войны. И до этой же поры его игровой авторитет неизменно оставался высоким.

И все-таки в этой большой, дружной и много сделавшей для отечественного спорта семье один из сыновей Александра Ивановича Канунникова занимает, бесспорно, особое место и по степени талантливости, и по силе мастерства, и по размеру гордой спортивной славы, выпавшей на его долю. Я говорю, разумеется, о Павле Александровиче Канунникове.

Его биография сложилась, в общем-то, обыкновенно для той необыкновенной в истории футбола поры. Шло первое десятилетие нашего, двадцатого, века. Новая, только что принятая Россией «на вооружение» игра все увереннее, все заметней набирала силу. И, разумеется, московские мальчишки охотно взяли на себя роль ангелов-хранителей футбола.

Пашка Канунников долгое время гонял мяч по пыльным улицам Пресни, а потом, когда подрос, стал все чаще и чаще появляться на площадке так называемого Общества физического воспитания, что была прямо наискосок от ныне действующего Краснопресненского универмага.

Ему и его юным товарищам повезло: директором того стадиона, той маленькой, но уютной спортивной пристани, был Борис Ефимович Евдокимов (потом, много лет спустя, выяснилось, что в лице его имела Пресня коммуниста-подпольщика, верного ленинца и что пост директора стадиона выбрал он не случайно – партия приказала быть поближе к рабочей молодежи). Борис Ефимович Евдокимов страстно любил детей и, набрав себе пресненских пацанов, стал их футбольным учителем. Играл с ними, а главное, доставал для них целенькие, новенькие, удивительные по красоте мячи – предмет искренней зависти тех ребят, кому не удалось попасть в кружок.

Когда Павлу исполнилось девять лет, отец отдал его в Коммерческое училище на Остоженке (сейчас в этом здании размещается Государственный институт иностранных языков). Вот уж где было настоящее футбольное царство! Здесь, не в пример пресненским

зданиям, был свой довольно-таки просторный двор, где с утра до позднего вечера кипели жаркие футбольные сражения: класс выступал против класса, этаж – против этажа. Это были официальные встречи. Но еще чаще игры начинались просто так – пять на пять, семь на семь, – одним словом, сколько подберется игроков.

Павел вставал как можно раньше – жили здесь же, в общежитии, – и всегда почти попадал в число счастливцев: играл непрерывно. А потом уже случилось так, что его товарищи по классу, когда предстоял важный матч, говорили:

– Ты приходи обязательно.

– Не обойтись без тебя.

Действительно, одиннадцатилетний парнишка стал необходим своим сверстникам, потому что уже тогда играл на голову выше их, – казалось, ничего не стоило ему обойти двух-трех соперников, а на голы ему везло невероятно: как ударит, так, глядишь, мяч в «воротах», обозначенных на земле двумя грудями камней.

Игры во дворе училища были, как правило, уделом мальчишек из младших классов. Учащиеся постарше облюбовали себе отличную площадку у Хамовнического плаца, где шли уже настоящие спортивные поединки, привлекавшие многих любителей.

В сборной команде училища были имена, широко известные публике: Мартынов, славящийся своим высоким вратарским искусством, Россиус и другие. Было на кого посмотреть, у кого поучиться.

Нужно ли говорить, что на все игры сборной команды молодой Канунников ходил непременно, следил за ними с нескрываемым волнением и искренне завидовал «белой завистью» тем, кто получил счастливую возможность принять участие в поединке.

– Дождемся ли мы когда-нибудь такого счастья? – спросил он однажды у своего сверстника.

– Ты-то скоро дождешься, – ответил товарищ по классу.

Разговор этот произошел весной тысяча девятьсот тринадцатого года, а через два месяца пятнадцатилетнему Пашке Канунникову было предложено сыграть за училище. В первом же сражении против «вечных противников» – футболистов соседнего реального училища – новичок забил гол и открыл счет.

Совсем недавно в редакцию журнала «Спортивная жизнь России» пришел доктор экономических наук профессор Лев Сергеевич Карташев, вот уже более пяти лет числящийся в пенсионерах. В январе 1968 года ему исполнилось семьдесят лет, но он бодр, жизнерадостен, занят работой над очередной книгой.

– Пришел к вам по делу, – сказал Лев Сергеевич. – Увидел у внука номер журнала, в котором рассказывается о Павле Канунникове, и вот решил зайти, узнать адрес товарища далекого детства.

Адрес мы, разумеется, дали. Не знаю, состоялась ли встреча двух гимназистов начала нашего века, но Лев Сергеевич у нас разговорился, предался милым сердцу воспоминаниям. Вот короткая запись его увлекательного, взволнованного рассказа.

– У нас в Коммерческом училище футбол был в большом почете. Год или два я играл с Павликом «на равных», но затем он как-то сразу вырос в спортивном отношении и уже в пятнадцать лет был введен в состав первой сборной училища.

Нужно вам сказать, – продолжал наш гость, – что в ту далекую пору главную массу футболистов и в Москве, и во всех других городах России составляли студенты и учащиеся средних учебных заведений. Лучшие из них входили в составы рождавшихся один за другим клубов. Остальные были предоставлены самим себе – Московская футбольная лига никак не хотела загружать себя посторонними хлопотами.

Но вот в тринадцатом году, как раз в том самом, который так счастливо начался для Пашки Канунникова, была организована в столице Лига высших учебных заведений. В этом же сезоне Московская футбольная лига, со скрипом, с большим нежеланием, взяла под свою опеку школьный футбол. Этот шаг она в протоколе заседания своего

Комитета от 29 марта объяснила так: «Решаем придать здесь футболу организационный порядок ввиду сильного распространения игры среди учащейся молодежи».

И уже весной этого года состоялось первое в истории спортивной Москвы первенство школ города, в котором приняло участие двадцать девять команд. Все встречи прошли по олимпийской системе. В финале спортсмены Коммерческого училища встретились с одной из частных гимназий. Счет красивым ударом открыл Павел Канунников (кстати, бывший самым молодым среди всех участников), но потом соперникам удалось провести два ответных мяча, и победа осталась за ними.

В 1914 году, расшаркиваясь перед генералом Воейковым, назначенным на должность Главного наблюдателя за физическим воспитанием в России, лига учредила специальный приз его имени для розыгрыша между школьными командами.

Надо признать, – проговорил Лев Сергеевич, и мечтательная улыбка согрела его лицо, – что это был поистине изумительный приз с точки зрения художественного выполнения и своей истинной ценности. Основу его составляла замечательно выполненная группа увлеченных игрой футболистов и скомпанованный сверху этой группы футбольный мяч в натуральную величину. Подставкой для приза служил ценный камень, не помню уже точно какой, кажется, малахит. Увенчивал весь приз герб Москвы.

Слух о призе быстро разошелся по городу и привлек всеобщее внимание. Если в предыдущем сезоне участники записывались в турнир сами, по своей инициативе, то теперь прошения о допуске к соревнованию присылали директора учебных заведений или особо уполномоченные ими на то лица.

И вот вновь вспыхнула борьба, привлекая к себе всеобщее внимание. В ней участвовало теперь уже тридцать четыре команды. Сборная Коммерческого училища провела пять игр (жеребий для нее сложился в тот раз неудачно, и пришлось отыграть один дополнительный матч, причем с прошлогодним победителем, который она выиграла – 5:2) и в каждой из них оказывалась сильнейшей. Как сейчас помню, с каким

торжеством выигранный приз был доставлен в училище и водружен на видное место, прямо напротив главного входа.

В тот год за училище играли мастера футбола, уже известные всей спортивной общественности. В воротах по-прежнему стоял знаменитый в ту пору Мартынов, в поле играли не менее популярные и очень искусные Архангельский, Бухтеев (вскоре вошедшие в сборную Москвы), быстрые, физически сильные юноши, любимцы публики Мичугов и Горелов... И все-таки, по всеобщему признанию, совсем еще юный Павел выделялся среди них. Он был, несмотря на свои шестнадцать лет, физически силен, а на поле действовал как опытный боец. В пяти играх он забил тогда – помню и по сей день – более десяти мячей. В пятнадцатом и шестнадцатом годах Коммерческое училище еще дважды повторяло свой успех, и каждый раз в линии атаки этой лучшей школьной команды города шел Павел. «Наш Пашка» – как называли мы его тогда...

Этот рассказ старого человека, до сих пор не потерявшего юношеской влюбленности в футбол, помог мне – и, вероятно, поможет вам, дорогой читатель, – гораздо яснее, лучше понять спортивную жизнь той поры. Понять, что студенческий и школьный футбол являлся в ту пору неисчерпаемым источником пополнения классных команд – лиговых и внелиговых, – которых становилось все больше и больше.

Павла Канунникова заметили, его талант был быстро угадан, и уже в конце 1914 года молодой нападающий был приглашен Борисом Михайловичем Чесноковым в Рогожский клуб спорта. А через несколько месяцев Павел Канунников вместе со многими членами «чесноковского» кружка перешел в состав лиговой команды «Новогиреево».

У меня на рабочем столе, на окне, на полу разложены десятки газет той поры, альбомы, журналы, вырезки, любезно предоставленные мне ветеранами из своих архивов. Я листаю эти бесценные документы, и они рассказывают о том, что уже в ту далекую пору, в последние годы, предшествовавшие революции, Павел Канунников стал одним из ведущих мастеров не только своего клуба, но и всей Москвы. «В команде «Новогиреево» все сильнее с каждым разом играет Канунников», –

пишут о нем в одном из отчетов, посвященных встрече новогиреевцев с морозовцами.

Я не буду останавливаться особо на этой поре спортивной жизни моего героя, потому что о новогиреевцах в этой книге сказано уже не мало, а все ее громкие победы неразрывно связаны и с его именем, с его мастерством. Лишь для того, чтобы подтвердить это, позволю себе остановиться подробно на одной встрече, имевшей в ту пору большое значение. Встрече, которая позволит нам увидеть Канунникова непосредственно на поле, в самой гуще событий.

В те годы самыми главными, как говорят, центральными, событиями спортивной жизни страны были встречи команд Петербурга и Москвы. В двух этих городах были сосредоточены все лучшие силы, шел между двумя столицами давнишний и принципиальный футбольный спор.

И вот в 1916 году в Москву с дружеским визитом приехали мастера клуба «Меркур» – чемпионы Петрограда. Вначале им была предоставлена возможность сыграть с командой СКЛ (1:1), а 9 мая против гостей выступал чемпион Москвы – «Новогиреево». Матч закончился в пользу москвичей со счетом 6:1. Лучшим игроком на поле по единодушному признанию прессы обеих сторон был назван Павел Канунников, который, несомненно, заметно выделялся своим мастерством, своей сильной игрой. В самом деле, если мы попытаемся расчленить это состязание на отдельные моменты, то увидим, что Павел в ходе поединка не раз играл решающую роль. Именно его прорыв в самом начале поединка фактически привел к голу – защита соперника прибегнула к грубости, по существу, не имея иного выхода. Второй «кадр» – счет 2:0, петроградцы забивают один ответный мяч, напряжение нарастает до предела, и в этот момент именно удар (как вспоминают очевидцы – сильнейший удар под планку!) Канунникова фактически лишает гостей всякой надежды и дает своей команде не только голевое, но и огромное моральное превосходство.

У каждого большого спортсмена, так же как у каждого великого артиста или представителя других родов искусства, есть день и час, когда он утверждает свое имя, когда какой-то большой успех делает его навсегда известным и любимым зрителями.

Таким днем для Павла Канунникова стал незабываемый день матча Москва – Петроград, когда двадцатилетний юноша вышел на поле в составе сборной команды столицы первого в мире государства рабочих и крестьян. Много было тогда в Москве исключительно сильных футболистов, ярких дарований, но наш герой оказался среди одиннадцати лучшим из лучших. «Его назначение в команду Москвы на матч с Петроградом выглядит совершенно бесспорным», – писал накануне состязания один из обозревателей.

Давайте перенесемся мысленно в то невероятно далекое время. Молодая Советская страна только что становилась на ноги. Голод и разруха сжимали ее железным кольцом. Не было самого необходимого. Где-то на Западе и на Юге, на Севере и Востоке еще гремели бои гражданской войны.

А жизнь уже брала свое. И одним из ярких подтверждений этого был неумиряющий футбол. И вот уже висят по городу написанные от руки энтузиастами объявления. И вот уже валит толпами на стадион народ. Еще бы – ведь играют Москва с Петроградом!

Москва – Петроград! Какой гордой и волнующей романтикой были овеяны в ту пору встречи сборных команд этих городов. Какой постоянный, жаркий и бескомпромиссный шел между ними спор. И как благотворно сказывалось все это на воспитании у молодежи чувства глубокой любви к спортивным традициям своих городов, чувства высокого и стойкого спортивного патриотизма.

Ну и, конечно, поскольку Петроград и Москва являлись постоянными и, как говорится, непримиримыми соперниками, были и у них свои счеты. До дня, о котором я пишу, преимущество – и весьма заметное – имел город на Неве. Поскольку любители футбола почти всегда и любители статистики, я приведу здесь хронологию встреч сборных команд двух столиц – встреч, предшествовавших матчу 1918 года.

Итак, Петроград – Москва. 1907 год – 2:0, 7:4; 1908 год – 4:2; 1909 год – 7:1; 1910 год – 2:0, 0:3; 1912 год – 2:2, 2:2, 4:1; 1913 год – 3:0; 1915 год – 2:1; 1916 год – 2:2; 1917 год – 1:1.

Как видите, преимущество петроградцев было подавляющим. И все, кто пришел на стадион, ожидали, что вновь придется москвичам отбиваться, сдерживать пыл своих грозных соперников. Ожидали упорной борьбы, небывалого напряжения.

Но произошло неожиданное – сборная Москвы буквально разгромила своих именитых соперников со счетом 9: 1. И в этом памятном поединке на долю новичка сборной Павла Канунникова пришлось четыре мяча! Четыре гола, «сделанных» после его ударов.

«Небывалое поражение Петрограда, – читаем мы в одном из отчетов, – некоторые делают попытку объяснить слабым составом. Нет, граждане, состав самый что ни на есть лучший, все знаменитости налицо. Просто Москва на этот раз сыграла с блеском, как и подобает столице. Трудно хвалить кого-нибудь – ненароком обидишь других.

А все-таки о молодом Канунникове Павле нельзя не сказать. Вот уж талант – истинное слово талант!»

И до этого дня завсегда и знали хорошо нашего героя, но именно после матча против сборной Петрограда пришла к нему большая слава и тот ореол исключительности, которым окружает народная молва истинных героев спорта.

Интересно, что когда в 1967 году журнал «Спортивная жизнь России» проводил среди своих читателей опрос, чтобы на основании его составить сборную пятидесятилетия, к нам в редакцию прислал письмо один из свидетелей той встречи – инженер, Лауреат Государственной премии Николай Абрамович Меньшиков. Я цитирую его послание с некоторыми сокращениями.

«Очень понравилась ваша идея составить сборную пятидесятилетия, но должен прямо сказать: вряд ли окончательный состав ее будет отвечать главному требованию – творческой объективности. Большинство ответов, без сомнения, пришлет молодежь, она будет называть тех, кто играет сегодня. В крайнем случае Боброва, Федотова... А вот мне в дни моей юности довелось увидеть Павла Канунникова, когда на поле ЗКС в 1918 году он вбил четыре мяча в ворота Петрограда.

С тех пор я ничего лучшего не видел. Был мальчишкой, стал стариком, а его никогда не забуду...»

Итак, пришли к нему слава, всеобщее признание, а он оставался таким же простым, скромным и бесконечно влюбленным в футбол человеком. Ради него он мог делать все. То была чудесная неповторимая пора, когда вырастали словно на дрожжах яркие и очень самобытные футбольные таланты.

У себя на Пресне Павел очень подружился с семьей Артемьева, особенно со старшим из братьев – Иваном. В те годы и понятия не было о регулярных тренировках, о круглогодичном цикле, о методике... Но Иван Артемьев, Павел Канунников занимались, право, ничуть не меньше, чем нынешние мастера.

– Ваня Артемьев, – рассказывал мне совсем недавно Павел Александрович, – ужас как любил гонять мяч. Причем, несмотря на уже большую известность, не чурался встреч с «дикими». Наоборот, возьмет мяч, зайдет за мной и еще с порога кричит:

– Паша, пойдем погоняем...

Мы, два игрока сборной, шли на один из пресненских пустырей, находили мальчишек и вдвоем с Иваном сражались против семи-восьми сорванцов. Одни устанут – другие приходят к ним на смену. Так продолжается по несколько часов. Бывало, уже стемнеет, получишь мяч и кричишь:

– Иван, где ты?

– Здесь, Паш... – Ну и пасуешь на голос.

Вроде бы – забава. А сколько сил приходилось затратить, сколько проявить мастерства, хитрости, изобретательности, чтобы побеждать своих юных соперников. Бывало, придешь домой весь мокрый, усталый, а Иван кричит:

– Завтра обязательно зайду!

В первые годы Советской власти команда «Новогиреево» как-то распалась, и Павел стал выступать за клуб КФС. Закончит, бывало, работу и, не забегая домой, с заранее приготовленным чемоданчиком трясется на трамвае через всю Москву. А к ночи – домой.

Еще сложнее было попадать на официальные матчи. Проводились они только по воскресеньям, а в воскресенье тогда трамваи не ходили – не хватало энергии.

Но недаром говорится, что нет безвыходных положений для того, кто хочет найти выход. Жили тогда в Сокольниках и играли в клубе КФС братья Денисовы – Николай и Михаил. Первый славился невероятнейшей силы ударом, второй был очень надежным вратарем. Денисовы имели свой дом, и он-то благодаря удивительному гостеприимству хозяев стал надолго приютом для игроков из других районов. Павел уезжал к Денисовым с субботы, собирались здесь к субботнему вечеру и другие. Родители Николая и Михаила заготавливали к предыгровому дню пшена, варили котел каши. За стол садилась чуть ли не вся команда. Это были трогательные, душевные вечера, в ходе которых еще больше крепла дружба этих людей.

В начале двадцатых годов вместе со своими неразлучными друзьями Артемьевыми Павел принял самое активное участие в строительстве стадиона на Пресне. Видимо, потому, что закончил он Коммерческое училище, по всеобщему настоянию назначили казначеем.

– Ох, и строгий был, – вспоминают товарищи. – Каждая копейка на учете. А когда концерты устраивали, он в кассу садился. Некоторые, бывало, по два, по три билета берут, только чтобы «с самим Канунниковым» словом обмолвиться, руку его пожать.

Теперь, пожалуй, пришла самая пора ответить на вопрос: что же подкупало в игре Павла Канунникова, чем он заслужил такую громкую славу?

Старожилы говорят, что, когда Павел Канунников впервые выбежал на зеленое поле в составе получившей очень широкую известность в

предреволюционное время команды «Новогиреево», зрители, обступившие площадку, закричали:

– Где вы такого раздобыли?

– Куда ему, грешному...

Несмотря на молодость, Павел с виду казался грузным, тяжеловатым. Даже среди футболистов того времени, отнюдь не отличавшихся балетным изяществом, выделяли его могучие ноги и широкие бедра, казалось, распиравшие трусы. Впечатление усугубляла неторопливая, вразвалочку, походка.

Но стоило начаться игре, и на глазах у изумленной публики происходило чудо. «Неуклюжий увалень» вдруг, словно по мановению волшебной палочки, превращался в настоящего чародея мяча. Он с удивительной легкостью проходил сквозь линию неприятельской обороны, умея, если это нужно, обыграть одного, двух, трех, а иногда и больше защитников. И делал это с таким искусством, с такой кажущейся легкостью, что не оставлял среди зрителей ни одного равнодушного. Потом следовал его знаменитый удар «с левой», и мяч, как правило, трепыхался в сетке.

В дни своей молодости – в «Новогиреево», в КФС и даже частично в «Красной Пресне» – Павел Канунников, выступая на месте полусреднего нападающего, блистал сугубо индивидуальной игрой (что в ту эпоху грехом не считалось), был великолепным солистом. Вся Москва говорила о его прорывах и проходах, о его неудержимости в атаке. В том памятном матче Москва – Петроград, о котором уже шла речь выше, он поразил воображение всех присутствовавших своим третьим голом: принял мяч почти у центральной линии, пошел вперед, сначала неторопливо, затем все набирая скорость, проскользнул мимо одного полузащитника, другого, виртуозным финтом обыграл двух рослых и «жестких» петроградских защитников и примерно с одиннадцатиметровой отметки буквально вонзил мяч в левый от себя верхний угол ворот.

Но позже и в составе клуба, за который он выступал, и в линии нападения сборных команд он показывал неоспоримые способности организатора, проявлял на поле свой высокий комбинационный талант. В первой команде «Красной Пресни» эти же высокие качества проявил и его брат Анатолий, о котором мы уже говорили как о талантливом полузащитнике, неоднократно входившем в состав второй сборной Москвы.

Здесь я позволю себе сделать отступление и сказать еще несколько слов об Анатолии. Однажды один из ветеранов футбола, его современник и товарищ, так сказал мне:

– Будь Анатолий Ивановым, Петровым или Сидоровым – он бы и до сих пор остался в памяти. Быстрый, неимоверно выносливый (однажды в один день он, в силу сложившихся обстоятельств, сыграл три матча подряд – сначала за третью, потом за вторую команду «Красной Пресни» и, наконец, за первую), умный, хорошо видящий поле, он пользовался большим уважением всего футбольного мира. Но он носил фамилию Канунников, и слава великого брата, естественно, затмила его славу, его неповторимые черты, его игровой почерк. Но он ничуть не смущался этим обстоятельством, и сам везде и всюду говорил с восхищением о высоком искусстве Павла.

А искусство это было и впрямь высоким. В двадцатые годы Павел стал кумиром московской молодежи, его выступления в составе «Красной Пресни» и не менее сильного «Пищевика» неизменно получали высокую оценку прессы.

В 1923 году, впервые после Великой Октябрьской революции, была создана сборная РСФСР, а, по существу, – сборная Советского Союза. Она должна была представлять молодое государство рабочих и крестьян на стадионах Скандинавии и Прибалтики, открыть окно в спортивную Европу. Поездке команды придавалось особое значение, отбор в состав производился с максимальной придирчивостью, специальная комиссия, составленная из ветеранов, вела учет истинной спортивной ценности каждого кандидата. Павел Канунников был включен в линию нападения сборной единогласно.

О выступлениях этой команды я уже говорил в главе о прославленной семье Бутусовых. Но я вернусь к ней снова, потому что эта глава истории советского футбола является одной из замечательнейших глав и в биографии нашего героя.

Уже после первого матча, против сборной Стокгольма, начавшегося для наших спортсменов трагически (они проигрывали 0:3) и, в конце концов, закончившегося вничью – 5:5, местная пресса, до этого распространявшая различные небылицы о гостях, заговорила про посланцев Страны Советов в восторженном тоне.

«Да, советские футболисты удивили нас по-настоящему. Среди них есть мастера такого высокого класса, что хочется поклониться их виртуозному искусству, – писал в своем отчете знаменитый обозреватель того времени Эрик Карлссон. – В нападении явно выделялись Михаил Бутусов и Павел Канунников. «Шют» Канунникова и последовавший за ним гол во втором хавтайме буквально деморализовали нашу команду. Думается, не получи этот прекрасный мастер травмы (он покинул поле, и это заметно ослабило команду русских), не удалось бы нашей сборной сделать ничью».

Такую же высокую оценку получал москвич и после всех других матчей этого знаменитого и победоносного турне по стадионам Швеции, Норвегии, Германии, Эстонии. Советские футболисты за эту поездку провели в ворота соперников восемьдесят пять мячей, пропустив в свои двадцать три. Тридцать два гола «пали» на долю Михаила Бутусова, двадцать семь – Павла Канунникова. Шедший в этом списке третьим Исаков имел на своем счету уже всего одиннадцать забитых мячей.

Передо мной извлеченный из архива отчет о поездке команды, составленный руководителем делегации для доклада. В нем наряду с общеполитическими выводами, с общей оценкой турне, с цифровыми выкладками о количестве забитых и пропущенных мячей есть следующие слова: «Считаю необходимым особо отметить исключительную по мастерству и силе воздействия на соперников игру Михаила Бутусова (Петроград) и Павла Канунникова (Москва). Даже среди очень сильного и ровного состава сборной они выделялись заметно...».

У себя в Москве Павел Канунников еще два года продолжал выступать за команду «Пищевик», затем был приглашен в КОР (Клуб Октябрьской революции, прообраз нынешнего «Локомотива») и там не однажды решал исход матчей своими мудрыми ходами. Даже скупая в те годы на похвалы спортивная наша пресса часто выделяла среди участников матчей на первенство города и страны имя знаменитого москвича.

Позволю привести лишь один пример. В 1926 году розыгрыш первенства столицы сложился на редкость остро. Вместе со старыми, уже успевшими обосновать свои прочные традиции, клубами звание сильнейших успешно оспаривали и молодые коллективы. Особенно удачно выступала команда московского «Динамо», созданная лишь три года назад. Она буквально разгромила пользовавшуюся в ту пору громкой славой «Трехгорку» со счетом 6:2, заставила сложить оружие футболистов Сахарного завода (6:1) и «Пролетарской кузницы» – 8:2. Оставался последний матч с «Пищевиком», решавший судьбу первенства.

«Динамо» – «Пищевик». В тот год именно этот поединок стал центральным событием сезона. Он собрал небывалое по тем временам число зрителей. Все ожидали сенсации, но динамовцы на этот раз ушли с поля побежденными.

«Вчера мы увидели игру настоящую, увидели мастерство высокого класса, – писал корреспондент центральной спортивной газеты. – У победителей чувствовалось полное единство игроков старшего поколения и молодежи. В нападении, как всегда, отличился Канунников. Его неувядаемый задор, умные пасовки, правильный выбор места и точные удары вызывали искреннее восхищение на трибунах и ставили динамовских защитников в трудное положение».

О том, какой исключительной и неизменной популярностью пользовался Павел Канунников по всей стране, говорят две заметки, опубликованные в газетах Ленинграда и Одессы.

«Мы безмерно счастливы, – писала в 1922 году газета южной жемчужины, – приветствовать в своем городе команду, в которой

выступает знаменитый Павел Канунников. Каждый одессит много слышал о его игре, а теперь увидел своими глазами. Да, мастерство великолепное. Именно два гола, забитые Канунниковым, обеспечили победу москвичам» (в Одессе тогда выступала с товарищескими матчами команда КОР. – Л. Г.).

В том же году во время очередного визита сборной Москвы в Ленинград (тогда матчи между сборными этих городов были традиционными, проводились не реже чем два раза в год – на том и другом поле, – считались главным событием сезона) местная газета в своем отчете отметила: «Как всегда, в составе Москвы выдающимся солистом выглядит Павел Канунников. Двадцативосьмилетний футболист поражает всех своим юношеским задором. Он, как и прежде, неудержим в нападении и показывает пример всем нашим форвардам...».

Это высокое и неувядаемое мастерство признавалось и уважалось всеми. Павел Канунников по-прежнему в составе сборной страны. Он представляет ее на стадионах Турции, Германии, Австрии, выступает против сборных рабочих команд Финляндии и Латвии. В составе сборной Москвы он завоевывает почетное звание чемпиона Всесоюзной спартакиады 1928 года. Он играет так, что, казалось, ничто не мешает этому человеку постоянно находиться в спортивном строю.

Но в дело вмешался один из тех случаев, которые, увы, часто происходят с мастерами высокого класса, чуть не заставивший Павла уйти из спорта. Еще во время поездки сборной РСФСР по Скандинавии и Прибалтике во время матча со сборной Эстонии рослый, звероподобный защитник соперников, разъяренный сознанием своей беспомощности, бросился на получившего очередную передачу нашего форварда и откровенно грубо, бесцеремонно сбил его. Удар свалил Канунникова наземь. Падать ему приходилось не впервой, но на этот раз дикая боль обожгла тело. Друзья, запасные игроки дотащили его до раздевалки, и подоспевший врач сразу определил: глубокий вывих плечевого сустава. Полчаса пытался он поставить на место «непослушную» кость, довел Павла до обморочного состояния, да так ничего и не смог сделать. Повезли в город, к самому крупному в Эстонии специалисту. Тот осмотрел и сказал:

– Случай исключительно тяжелый...

Домой, в родную Москву, замечательный наш спортсмен вернулся в бинтах. Его обследовали лучшие травматологи-профессора Духовский и Зацепин. Четыре месяца лечения, казалось бы, дали свои результаты. Когда летом 1925 года сборная команда Советского Союза выехала в Турцию, в ее составе вновь все с радостью увидели своего любимца – Павла Канунникова.

Но никто не знал, что в спешке сборов, а может быть, и потому, что не желал себя показывать «неполноценным» перед товарищами, наш герой оставил дома приготовленный ему протез для плеча. И вот Анкара. До матча остается всего пятнадцать минут. Советская команда вышла на разминку. Павел разбегается, готовясь ударить по воротам, но мяч, подхваченный ветром, относит в сторону, равновесие удержать не удастся и... снова вывих да еще с переломом. Тут же на поле, в Султанской палатке, бывший игрок СКС Николай Александрович Бункин, ставший врачом, оказал своему другу первую помощь.

Снова прием у Духовского, затем консилиум Духовский – Зацепин. Знаменитости на этот раз разводят руками:

– Мы бессильны помочь...

Нужно еще раз вспомнить, вернее, понять то далекое время. Молодая советская медицина не всегда еще располагала тогда нужными, наиболее эффективными методами лечения: в стране, только-только приступившей к мирному строительству, не хватало многого. В том числе нужных медикаментов, новейшей медицинской аппаратуры.

Тогда принимается решение: «Ввиду исключительной важности для советского спорта сохранения в боевом строю П. А. Канунникова разрешить ему поездку на излечение в Германию за государственный счет».

И вот – сложная операция, приказание не снимать биндаж, безапелляционный приговор:

– Спортом заниматься нельзя!

Хмурый, расстроенный уезжает из Берлина Павел. И вдруг на вокзале его окружает толпа людей: знаменитого советского футболиста пришли проводить рабочие-спортсмены Германии – те, с кем еще совсем недавно он сражался на футбольном поле, и те, кто с трибун восхищался его мастерством. Цветы. Добрые напутствия. Просьбы передать самые наилучшие пожелания всему народу первого в мире государства рабочих и крестьян.

– Рот-Фронт! – сжимаются кулаки, когда поезд медленно отходит от Восточного вокзала.

А через двое суток – Белорусский вокзал родной столицы. Павла встречает брат Анатолий. Он с увлечением рассказывает о чемпионате города, о жарком споре за звание чемпиона, о новых именах, о неожиданностях в исходе поединков.

– А тебя, Паша, как ждут в команде! – с жаром восклицает он. И спрашивает, заглядывая в глаза: – Будешь играть?

– А как же?! – невозмутимо отвечает тот. – Ты же ведь знаешь, что без футбола мне не жить.

И через три дня товарищи по команде увидели, как натягивает он на перетянутую ремнями бандажа грудь тугую, аккуратно отглаженную футболку. И, выйдя на поле, провел в ворота соперников три гола из четырех победных, записанных на лицевой счет его командой. Это не было эпизодом. Тяжелая травма не помешала ему оставаться на поле еще долгое время, доведя свой активный футбольный стаж до солидной цифры – тридцать лет! А потом, уйдя из большого спорта, он долгие годы проработал в отделе футбола ВЦСПС, занимался торговлей спортивными товарами, был директором стадиона на своей Красной Пресне – там, где он родился и вырос, где пришла к нему большая спортивная слава, где он знает каждый камень и где, кажется, каждый человек знает его.

Здесь же, на Красной Пресне, ежегодно устраиваются традиционные соревнования на приз заслуженного мастера спорта Павла Александровича Канунникова. Они привлекают неизменно большое

число рабочих команд. Мне довелось однажды быть на этом турнире, стоять у кромки поля рядом с Павлом Александровичем и его старыми, добрыми товарищами.

Они стояли у бровки молча, вспоминая свою далекую молодость, а на зеленом поле отчаянно, лихо, красиво сражались те, в ком мы видим будущее нашего футбола. Те, для кого жизнь замечательной футбольной семьи Канунниковых не только старая, красивая легенда, но и живой пример, гордый призыв к достижению подлинных высот в спорте, к мастерству, оставляющему неизгладимый след.

В этом рабочем районе Павел Александрович живет свою долгую и красивую жизнь. Перестав играть в футбол, он не расстался с ним, стал тренировать заводские команды, а потом отдал свою любовь и свое сердце мальчишкам. Я часто видел, как он возился с ними, как показывал технические приемы, знакомил с искусством обводки, с мастерством меткого и сильного удара, которым так славился сам. В шестьдесят втором команда первоклассников, которую он тренировал, стала чемпионом Москвы. Его подопечные – Миша Неустроев, Коля Пименов, Боря Иванов – уже играют сегодня в дублирующих составах команд мастеров.

Легенда шестая, которую автор посвящает знаменитой футбольной семье

Только тот наших дней не мельче.

Только тот на нашем пути

Кто умеет за каждой мелочью

Революцию мировую найти!

А. Безыменский

Как сейчас помню этот день: десятое марта тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года.

Я шел по улицам Красной Пресни – помолодевшей, принарядившейся, похорошевшей за последние годы. Вот корпуса новых домов-красавцев, возвышающиеся по соседству со старыми, приземистыми, вдавленными в землю. Вот клуб, который жители

называют Дворцом культуры, потому что он и впрямь напоминает собой царственное здание – столько в нем простора, света, торжественности.

У входа в клуб огромный, бьющий в глаза алой краской плакат: «Сегодня в парке традиционные соревнования по русскому хоккею на приз братьев Артемьевых».

Иду в парк. Погода выдалась на славу! Казалось, зима и весна, встретившись на заветном рубеже, щеголяли друг перед другом своим великолепием.

В парке было оживленно, но особенно много людей собралось у главного хоккейного поля. Они окольцевали его плотным, живым забором.

С минуты на минуту должна была начаться эстафета: участников состязаний набралось много, они должны были поспорить в искусстве бега по ледяной дорожке, а уж потом четверем самым быстрым командам предстояло скрестить клюшки в борьбе за главный трофей.

Кругом царило оживление. Но среди разноцветной стайки спортсменов в красных, оранжевых, зеленых, черно-белых майках, среди суетливо готовивших старт судей, среди стайки фотокорреспондентов, неведь каким образом слетевшихся сюда, зрители заметили двух ладно скроенных мужчин, застывших у самого края беговой дорожки.

– Иван да Петр Артемьевы, – говорил своей супруге какой-то седовласый человек, кивая на эту пару.

– Вон они, знаменитые братья! – выкрикнул вихрастый мальчишка своему товарищу.

Все узнавали их, улыбались, радовались, как радуются встрече со старым, близким знакомым. Меня это открытие приятно удивило. Я поделился им с Павлом Александровичем Канунниковым, стоявшим рядом в группе почетных гостей.

– Чего ж тут особенного, – пожал он плечами. – Ведь эта семья очень много сделала для спорта, в частности для футбола и хоккея. С

именами Петра, Ивана и других братьев связано так много хорошего, доброго, романтического. Жаль только, что эти истории теперь дальше Красной Пресни не идут. А надо бы... Славные истории... Славная семья!

Эту главу, как вы уже, конечно, дорогой читатель, догадались, я и посвящаю старинной русской футбольной семье – семье Артемьевых.

Отцы и дети

Есть на земле Рязанской большое русское село – Лобково. Раскинулось оно среди широкого степного простора, вытянулось по обе стороны широкой проселочной дороги всеми своими ста пятидесятью хатами чуть ли не на два километра. С этим селом у Артемьевых неразрывно связано простое и великое слово: Родина.

– Мы народ простой, родословную не ведем, – сказал мне как-то один из них, Петр Тимофеевич. – Хорошо помню только деда своего – Артемия Артемьевича Артемьева. Удивительной доброты был человек. Трудюлюбивый. А жизнь не получилась. Не миновала его горькая, обидная судьба деревенского мужичка из обездоленной, нищей и убогой царской России. Талантливый мастеровой, чудесный умелец, хлебороб, проводивший в поле от зари до зари, он никогда не мог свести концы с концами. Воспитанный в духе степенности, никогда не употреблявший бранных слов, знал он одно ругательство и всегда облегчал им душу в трудную минуту:

– Ах, сволочь окаянный, опять денег нет...

– Ах, сволочь окаянный, опять хлеба не хватило... Таким вот: досадливо разводящим руками, ругающим неизвестно кого, растерянным и обиженным – запомнили его внуки.

Запомнили они и другие картины. Как брал их дед с собой на покос, как звонко пела по утрам сталь, как, войдя в азарт работы, чуть не наступал на идущих впереди мальчуганов и весело покрикивал:

– Пятки! Пятки!

Помнят, как во время шабаша гладил их своей шершавой рукой по детским головкам и говорил задумчиво:

– Ничего, птенцы, может быть, дождетесь вы жизни человеческой. Я вот не дождался. А вам, гляди, и повезет...

– Дедушка, а почему ты нас жалеешь? – спросил в одну из таких минут совсем еще маленький Петя.

– Да как же, внучек, – серьезно стал разъяснять пятилетнему юнцу дед, – вы ведь и детства настоящего не видели. И поиграть-то как следует некогда. Чуть на ноги стал, сам ходишь – уже ты работник.

Недолго были внучата рядом с дедом. В деревне становилось жить все тяжелее, и отец ребят, посоветовавшись с Артемием Артемьевичем, решил бросить родной дом, податься на заработки в Москву – благо слыл он на всю округу незаменимым сапожником.

Так и очутился рязанский крестьянин Тимофей Артемьевич Артемьев со своей семьей на знаменитой Пресне. Семья очень большая – пять сыновей: Иван, Петр, Тимофей, Георгий, Сергей. С утра до ночи стучал молотком хозяин этого «божьего стада», как сам он называл своих мальчишек, а накормить всех досыта не мог. Однажды пришел пообедать усталый, зеленый от несгибаемого сидения за верстаком, посмотрел на старшего: – Ну, Иван, ты уже у меня ученый (парень только только закончил трехклассную школу), давай отцу помогай. Будешь учеником в нашей мастерской.

Так еще у одного Артемьева кончилось детство. Было тогда Ванюше от роду десять лет. На Пресне только что прошли знаменитые баррикадные бои тысяча девятьсот пятого года, и стала она с тех дней Красной – от всплесков революционных знамен, от рабочей крови, пролитой на мостовых. По вечерам было тревожно, цокали по брусчатке подковы – это наряды конной жандармерии совершали свой очередной обход. Вослед им из приземистых, неказистых домиков качались увесистые рабочие кулаки, слышался шепот:

– Ну подождите, гады, настанет наш черед.

Три мрачных года проползли один за другим как грозовые тучи. Собrania – запрещены. Сходки – запрещены. Массовые развлечения – запрещены. Только летом тысяча девятьсот восьмого чуть ожила рабочая Красная Пресня.

Однажды – теперь уж не вспомнишь, когда это случилось, – семья сидела за столом. Все были в сборе, как и полагалось по воскресеньям. Только одного Ивана не хватало. Это уже считалось непорядком, и отец, страсть как уважавший дисциплину и традиции, нервничал, все не давая сигнала начинать. Но обедать в тот раз пришлось без старшего сына. Он пришел поздно, когда уже начало темнеть, весь в пыли, в рубашке, по которой расплылось огромное пятно с белоснежными ободками.

– Где был? – спросил отец голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

– В футбол играл, батя...

– Чего-чего? – переспросил Тимофей Артемьевич.

– В футбол.

Так шестьдесят лет назад впервые вошло в эту семью новое, тогда еще никому не известное, овеянное романтикой слово. Конечно, тогда еще никто из них не предполагал, что футбол отныне и навсегда станет для них любовью и страстью, неотъемлемой частью жизни.

Первым поддался новому увлечению Иван. В рабочее время нечего было и думать о каких-то забавах (трудились допоздна), но по воскресеньям и праздникам Ивана Артемьева можно было застать только на поле. Он играл с большим увлечением, с азартом. Отец сначала ворчал, а потом, когда дошли до него слухи, что пользуется старший сын на футбольных полях все большим и большим авторитетом, успокоился, даже обрадовался:

– Хорошо растут ребята. Эх, вырастить бы мне их всех, крепко бы пустил корни на земле род Артемьевых, – часто говорил он в кругу своих товарищей по труду. И всегда добавлял при этом: – Дожить бы до того дня, когда будут все дети крепко стоять на ногах.

Вместе с отцом

Старший в семье – Иван – вместе с отцом разделял заботы о воспитании остальных детей и ответственность за их судьбу. Трудно, невероятно трудно приходилось, а футбол и тут не забыл, не бросил. Вечерами, часто даже ночами, – тяжелый, однообразный, изнурительный труд сапожника. Вечерами и ночами для того, чтобы выкроить себе свободное время для тренировок, игр, которых становилось все больше и больше.

Уже в двенадцатом-тринадцатом годах Иван Артемьев, которому тогда едва исполнилось семнадцать лет, успел зарекомендовать себя талантливым игроком. Молодой левый крайний «дикий» команды, он был решителен, смел, неутомим.

Совсем недавно в редакцию журнала «Спортивная жизнь России» пришел ветеран-краснопресненец. Бывший рабочий Прохоровской мануфактуры Алексей Никандрович Молоч вспоминает о том, как играл Иван Артемьев. Он прочел статьи о встречах ветеранов футбола, печатавшиеся в журнале, и решил дополнить их своими личными воспоминаниями.

– Обязательно расскажите молодежи, – советует Алексей Никандрович, – о том, как играл молодой Иван Артемьев. Я видел его в линии атаки (потом, не знаю, почему, выбрал он себе амплуа полузащитника) и скажу, что это был редкий по силе и таланту форвард. Хотя игры проходили на примитивных даже по тем временам площадках, они всегда собирали очень большое количество зрителей, окружавших живым забором игровое поле.

Мы, рабочие Прохоровской мануфактуры, всегда с особой любовью следили за Иваном Артемьевым. И не потому, что был он нашим, «придворным», обувщиком (чуть ли не вся рабочая Пресня ходила в сшитых им ботинках и сапогах), а потому, что играл он здорово, отдавал футболу всю душу.

Трудно себе было представить этого спортсмена остановившимся хоть на мгновение, – продолжал Малов. – Он все время был в движении, в рывке, в борьбе.

– Давай, Иван! – кричат трибуны.

И Ваня «дает». Подхватит мяч где-нибудь у середины, наклонит чуть голову и – понесся. И, кажется, нет силы, которая его остановит. Одного обведет, второго... А если заберет защитник мяч, он тут же вступит с ним в борьбу, будет преследовать, вернется к своим воротам, чтобы яростно защищать их.

Помню, однажды приехали на Пресню гости из Замоскворечья. Сильная команда. Мы это знали. Два дня рабочий народ только и говорил о предстоящей встрече. Посмотреть ее собралось особенно много народу. Вот уже время выходить ребятам на поле, а Ивана Артемьева нет. Опоздал. Может быть, заказ срочный выполнял, может быть, еще дело какое задержало. Одним словом, начали без него. И как на грех неудачно: один гол пропустили, второй... Вдруг, глядим, Артемьев своей могучей фигурой вышагивает, а за ним меньшие братья – кто чемодан несет, кто сверток какой-то, а кто просто так трусит. Кто-то из играющих увидел его, крикнул:

– Давай, Иван, быстрее!

Зрители тут же подхватили, и понеслось из конца в конец:

– Давай, Иван!

– Ждем, Ванюша!

– Ну-ка, покажи наших.

Выскочил он на поле (тогда замены просто осуществлялись: надоело играть одному – он уходит, уступая место товарищу). И что тут началось. Видно, взволновала парня, растрогала необычно теплая встреча – она дала ему понять, что ценят его друзья и все любители спорта. А такие вещи, как известно, вдохновляют. Вот и заиграл он страстно – как никогда. Прорвался по краю, срезал угол к воротам, резко ударил и – гол.

Минут через пять снова стремительный прорыв, очень сильный удар метров с двадцати, и счет уже 2:2. Растерялся противник. Сник. В тот день парни с Красной Пресни победили со счетом 10:2! Семь голов в том памятном для меня поединке забил Иван Артемьев...

Футбольная склонность Ивана Артемьева во многом определила и его профессиональное лицо. Продолжая по-прежнему выполнять заказы для рабочих, он начал шить спортивную обувь. Да какую! О бутсах, вышедших из-под руки Артемьева, пошла по городу добрая молва. Их приезжали покупать самые прославленные игроки лиговых команд, хотя и были у них модели, купленные в фешенебельных магазинах Москвы и Петербурга. Что ж, в таком поклонении не было ничего удивительного: во-первых, высоко было искусство пресненского мастера, во-вторых, шил он по мерке, а в-третьих, что самое главное, знал не по чужим рассказам, по опыту, как важна хорошая обувь для футболиста и что нужно для того, чтобы была она по-настоящему хорошей. Прекрасно шил он и футбольные мячи.

Но можно с уверенностью сказать, что еще быстрее, чем слава мастера, шла по Москве и крепла слава Ивана Артемьева как отличного футболиста, неутомимого бойца зеленых полей. Уже в 1913 году он становится основным игроком первой команды при обществе физического воспитания на Красной Пресне, а через год приглашается в команду «Новогиреево», чья слава росла от одного сезона к другому. О команде «Новогиреево» вы уже читали в очерках, посвященных семьям Чесноковых и Канунниковых. В этой команде, ставшей дважды – в 1915 и 1917 годах – чемпионом Москвы, рядом с такими прославленными именами того времени, как С. Бухтев, Н. Троицкий, П. Цыпленков, П. Канунников и многие другие, стояло имя Ивана Артемьева.

В пору зарождения и становления русского футбола об игре и игроках писали удивительно мало, плохо, сухо. Впрочем, и тут не стоит удивляться: ведь спортивная пресса России тоже была тогда в роли новорожденной. Но даже и при этих условиях нам удалось в одряхлевших подшивках газет найти заметки, в которых немало теплых слов адресовано нашему герою.

Вот, например, небольшой отчет о встрече «Новогиреево» – «Кунцево», относящийся к 1915 году. Читаем в нем: «В прошлое воскресенье «Новогиреево» на своем новом, уже хорошо обжитом поле принимало гостей и давнишних соперников – команду «Кунцево». Как и в прошлом году в день открытия новогиреевской площадки, победили хозяева поля, сумевшие заколотить в ворота соперников пять мячей, а получить в свои только два. Игра, несмотря на такой счет, вышла на редкость интересной и быстрой... У новогиреевцев очень сильно провели встречу полузащитники – И. Артемьев, С. Чесноков и Сафронов. Кстати, в этой встрече молодой игрок новогиреевцев Артемьев сумел провести два гола, что было очень тепло встречено публикой». В другой заметке, подводящей итог сезона 1917 года в Москве, читаем: «Для современного полузащитника (хавбека) очень важно уметь вести игру от начала до конца в полную силу, не позволяя усталости овладеть собою. Иначе команде будет нанесен двойной вред: передняя линия лишится твоей поддержки, а кто-то из форвардов соперника получит свободу действий. Конечно, уметь не уставать – большое искусство. Нам кажется, что им особенно хорошо владеет И. Артемьев из «Новогиреева». Это сейчас, несомненно, один из самых сильных в Москве игроков середины поля».

Можно было бы привести еще немало свидетельств, подобных этим, но и без того ясно, что в ту далекую пору имя Ивана Артемьева громко и гордо звучало в спорте.

Конечно, пример брата, его вдохновение, его любовь заразили и остальных. Особенно увлекся футболом Петька – второй по старшинству. Родился он в девятьсот первом, ему уже шел четырнадцатый год. Учился он плохо, все больше тянулся к ремеслу, а особенно охотно гонял мячик. Сначала тряпичный – здесь же, на узеньких булыжных мостовых Пресни, в чахлах, полутемных, зловонных двориках. Потом отыскивали пустырь, там закипели настоящие баталии.

Петька не пропускал ни одной игры «настоящих» команд, в которых участвовал старший брат. Носил ему, на правах особо приближенного,

чемодан, стоял рядом с игроками, которых другие пацаны считали за счастье хотя бы увидеть.

Все шире раздвигались горизонты Петькиной футбольной жизни. Часто, вырвав свободные часы, шлепал он босиком со своими сверстниками вдоль Москвы-реки до Новодевичьего монастыря – там, в низинке, у Лужников, было облюбовано московской ребятней место, где проходили состязания «на самом высоком уровне» – пресненские мальчишки встречались здесь с Замоскворечьем, со «сборными» командами других районов огромного города. И Петька Артемьев все чаще и чаще включался в состав команд по большинству голосов на «Высшем футбольном ребячьем совете», где в качестве «за» принимался один-единственный довод – умение, мастерство.

Однажды Петя пришел домой радостно-возбужденный, счастливый. Громогласно объявил Ивану Тимофеевичу и всем своим братьям:

– Сегодня меня приняли в детскую команду при обществе физического воспитания.

– Ишь ты, – искренне обрадовался Иван. – А на какое место тебя определили?

– Конечно, на левый край.

– Это почему же «конечно»?

– Ты на левом когда-то был. И я на левом.

– Эстафета, значит, – подвел итог глава семьи. И добавил торжественно: – Ну вот еще одним футболистом пополнилась семья Артемьевых. Что ж, это хорошо!

Через несколько дней Ивана Тимофеевича призвали в армию, и вскоре он в форме брата милосердия уже был на одном из участков русско-германского фронта. Московский мастеровой, человек с Красной Пресни, он вскоре привлек к себе внимание подпольной большевистской организации, вместе с ней готовил в полку бунт, был арестован и ждал военно-полевого суда, когда пришла радостная, захватывающая дух

весть: в Петрограде большевики под руководством Ленина свергли Временное правительство.

Товарищи по оружию освободили арестованных. Устроили митинг. И Иван Артемьев поднялся на трибуну:

– Мой дед, простой рязанский крестьянин, всю свою жизнь мечтал дать детям и внукам хорошую жизнь, да так этого и не дождался. Но мы увидим. И наши дети увидят! Потому что сам Ленин будет теперь заботиться о нас.

«Спасибо вам, ребята!»

Быстро, как в сказке, летели революционные огневые годы. Жизнь была интересной, радостной и трудной. Москва, в которую вернулся живым и невредимым демобилизованный солдат Иван Артемьев, казалась какой-то непонятной, почти незнакомой. С вокзала до дому пришлось добираться пешком: не ходили трамваи. По утрам у магазинов и булочных выстраивались длинные очереди. Деньги падали в цене – человек, имевший в кармане несколько миллионов, был, по существу, нищим. Не хватало сырья для заводов и фабрик. Молчала знаменитая Прохоровка, без которой не мыслила себя Красная Пресня. Во всем городе невозможно было достать товара, чтобы пошить хотя бы пару сапог, пару мужских ботинок.

Враги нашептывали: никогда большевикам не подняться. Но новая Москва уже давала им свой ответ. Народ кровью и потом, боем и трудом отстаивал Советскую власть.

В те незабываемые дни семья Артемьевых без колебаний определила свой жизненный путь. В один из дней осени 1918 года пришел в дом радостный Петька:

– У нас на Пресне Ленинский комсомол организовали. Я записался, – объявил он во всеуслышание.

– Молодец, – похвалил его отец.

– Завидую, Петька, – вмешался Иван.

– Чего завидовать, иди и тоже запишись.

– Староват я для комсомола. А то бы записался непременно.

Но через несколько дней и он похвастался отцу и братьям: стал инструктором Всевобуча – первым инструктором на Красной Пресне. Физическая закалка, полученная на футбольных и хоккейных полях, искусство лыжника – все пригодилось для обучения молодых воинов, для пропаганды спорта среди населения.

Все больше и больше рос авторитет Артемьевых на Красной Пресне. К осени девятнадцатого года Петька, бывший до этого «комиссаром» (так его называли товарищи) по учету, распределению и трудоустройству безработных, стал сначала инструктором, а затем заведующим военно-спортивным отделом Краснопресненского райкома комсомола. Когда он принес домой свое новенькое удостоверение, напечатанное на огромном куске бумаги и заверенное тремя печатями, отец, не очень-то баловавший детей лаской, обнял его:

– Так, гляди, я еще доживу до той поры, когда вы у меня, дети сапожника, дипломатами станете, в чужие страны представлять нашу Родину поедете...

Не удалось ему многое еще увидеть из чудесного будущего, которое ждало его детей. Судьба распорядилась по-своему: случилось большое несчастье. Однажды с шестилетней дочкой Тимофеей Артемьевич поехал в деревню, на родину, – старикам подсобить, вещички на продукты обменять да заодно милым с детства местам поклониться.

Добрался до родной деревни вечером, а с утра пошел по соседям, по знакомым – таков уж на селе у них обычай, не отступать же от него. У одних задержался, разговорились. Вдруг слышит шум, рыдания баб, крики:

– Артемьевы горят...

Неизвестно по какой причине вспыхнул отчий дом. Тимофеей Артемьевич подбежал к избе, когда обгоревшие балки вот-вот готовы были рухнуть. Кто-то попытался его схватить, но он, не раздумывая ни

одного мгновения, бросился в объятые пламенем, окутанное дымом помещение – ведь там спала любимая дочурка. Хотел, надеялся спасти ее, а так получилось – погиб и сам. Так семья Артемьевых лишилась своего кормильца. Забота о тех, кто остался – было их четырнадцать ртов, – легла на плечи Ивана Тимофеевича.

Но ничто не могло уже отлучить эту семью от футбола. Он был частью их жизни. Он был теперь в каждом из Артемьевых.

Если бы кто-нибудь захотел написать статью о великой живучести спорта, ему следовало бы обратиться за примерами в далекие двадцатые годы. Да, жизнь была сложна. Да, не двигались, замерли без энергии трамваи, но команды продолжали встречаться друг с другом, иногда пересекая ради этих встреч всю Москву «от угла до угла».

– Девяносто минут игры и шесть часов ходьбы, – охарактеризовал мне то далекое время один из ветеранов.

Вдоволь исколесили Москву вдоль и поперек и краснопресненские футболисты. Они всегда шли в гости: своего поля не было.

Однажды братья Артемьевы, вернувшись после очередного матча, сидели у себя дома, и сама собой возникла беседа, которая уже не раз начиналась между футболистами во время их продолжительных путешествий.

– Слышь, Петь, надо бы нам в конце концов свою площадку соорудить. Знаешь, как бы это оживило физкультурную жизнь на Пресне.

– Знаю. Да как это сделать? Видишь – того не хватает, этого не хватает. Может быть, не поднять сейчас нам...

– Ты вот что, комсомольский вожак, давай перед трудностями не пасуй. Если ждать идеальных условий, мы еще через десять лет ничего иметь не будем. Жди меня завтра у себя в райкоме в гости.

И в самом деле – пожаловал Иван прямо к секретарю. А через некоторое время вызвали в кабинет и Петра.

– Знакомить, надеюсь, не нужно? – пошутил руководитель комсомолии Пресни. – Дело вы прекрасное, товарищи, задумали. Но вот давайте подумаем, как его осуществить лучше.

– Да чего там думать, – горячится Иван. – Вы помогите нам получить в полное распоряжение спортплощадку у заставы, а остальное мы сами сделаем.

– Ой ли?

– Чего там «ой ли». Можете помочь – давайте. Не оправдаем доверия, тогда и спрашивайте.

– Верно, товарищ секретарь, – поддержал брата Петр. – Мы комсомол подключим, пресненских футболистов призовем – вон их у нас сколько, – глядишь, и получится.

– Надо, чтобы получилось, – вновь вступает в разговор Иван Тимофеевич. – У лиговых команд – в Сокольниках, в Замоскворечье, у Петровского парка – свои добротные сооружения. А мы – славная рабочая Пресня – вроде бы как «дикие» в футбольном мире. Стыдно.

– Что ж, уговорили. Хорошее дело затеваете. Спасибо вам, ребята.

Да, так всегда – чтобы сделать первый, самый трудный, шаг вперед, к далекой и пока еще кажущейся недостижимой цели, нужно чье-то горячее сердце, непоколебимая уверенность, чья-то сильная воля. Все эти замечательные качества как раз и проявили в начале двадцатых годов два пресненских рабочих.

Вскоре братья получили бумагу, в которой говорилось: «Совет депутатов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Красной Пресни отдает участок бывшей площадки общества физического воспитания в полное распоряжение комсомола и несоюзной молодежи для восстановления и организации спорта. Вся ответственность и полнота власти на площадке возлагается на И. Т. и П. Т. Артемьевых».

Слух об этом приобретении распространился мгновенно. Ликовали старые друзья, уже успевшие завоевать себе большую футбольную славу.

Ликовали молодые, мечтавшие увидеть настоящие игры, а может быть, и попытать в них счастья.

Но вот на квартире Артемьевых (которая, к слову сказать, всегда была открыта для каждого и представляла в те годы своеобразный спортивный штаб) состоялся совет. Обсуждали один вопрос: как быть дальше?

– Надо организовать показательные матчи и на вырученные деньги начать работы, – предлагали одни. Но им тут же резонно возражали:

– Где организуешь? Ведь своего поля как раз и нет. Рядили-судили и порешили, что без помощи райкома и других общественных организаций не обойтись.

– В райкоме я бываю каждый день. Мне там твердо сказали: поможем, чем можем, но денег не дадим ни копейки, – объяснил Иван Тимофеевич. – И, помолчав, добавил: – Тут обижаться нельзя. Сами понимаете, какое сейчас время.

– А без денег как же обойдешься?

– Одних строительных материалов сколько нужно. Например, досок для забора, павильона, раздевалок.

– Постой-постой, – раздался чей-то веселый голос. – Давайте попросим на снос какой-нибудь старый деревянный дом. Вон их сколько сейчас стоит.

Снова – в райком комсомола, в районный Совет депутатов трудящихся. Там только улыбаются и разводят руками:

– Ну и дотошный народ эти футболисты. Покою не дадут.

Поворчали для порядка. А наряды на два дома, расположенные неподалеку от будущей площадки, выписали сразу.

– Ура!

– Идут дела! – ликовала пресненская молодежь. Настроение было хорошее, мечты начинали осуществляться. В один из воскресных дней неугомонный, горячий Петр Артемьев организовал праздник «своей» комсомолия. Колонна парней и девушек, объединенных Ленинским Союзом Молодежи, прошла по улицам и закоулкам прославленного рабочего района с песнями, лозунгами: «Мы за новый быт», «Бросай курить и пить самогон – выходи на стадион». Эта яркая и необычная по тем временам демонстрация сыграла свою роль в пропаганде физической культуры среди населения, помогла осуществлению хорошего дела, полезной задумки...

И все-таки на одном энтузиазме стадион не построишь – это понимали все. И даже наряды на дома не спасут и не решат проблемы – нужны деньги, много денег.

И снова выручили неугасимая энергия, горячая любовь и практический ум Артемьевых. Старший из них – Иван – предложил своей гвардии:

– Среди футболистов много способных людей – кто петь горазд, кто плясать, кто фокусы показывать. Знакомых у нас среди артистов – тьма. Давайте организуем благотворительные концерты, объявим, куда пойдут сборы от них.

– А кто разрешит? – раздался резонный вопрос.

– Помогут комсомольцы, – ответил Иван. – Они уже не раз шли навстречу. Пойдут и сейчас.

Действительно, через несколько дней в руках Ивана появился мандат. Вот он перед нами, документ Истории, свидетель прекрасных душевных качеств футболистов двадцатых годов: «Дано сие товарищу Артемьеву в том, что он является представителем от райкома комсомола по созданию спортивного клуба, а поэтому просьба к организациям культпросветработы оказывать ему всяческое содействие в устройстве вечеров для сбора средств на постройку площадки».

И закипело дело. Прежде всего ребята пошли по родному району выбирать «свой» дом. Нашли его быстро: двухэтажный, из добротных

бревен, не очень старый и не очень новый – дом купца Лапина, убежавшего из Москвы.

А сколько изобретательности, смелости, инициативы, умения поставить общественные интересы выше своих собственных было проявлено при организации концертов. Футболисты, хотя среди них и впрямь было немало людей по-настоящему талантливых (к примеру, прекрасный полузащитник Казимир Малахов стал впоследствии одним из популярных эстрадных артистов столицы), отлично понимали, что без профессиональных исполнителей не обойтись, если хочешь иметь полные сборы (а о них, конечно, только и мечтали). И вот члены инициативной группы во главе с тем же неутомимым Иваном Артемьевым (ставшим на время администратором «спортивного театра») отыскивают настоящего антрепренера, ездят домой к знаменитым мастерам сцены, упрашивают, ставят условия...

И вот уже появились первые красочные афиши, расклеенные в самых бойких в те дни местах Пресни. На них, между прочим, значилось: «Билеты продает сам Павел Канунников». Как мы знаем, уже в те годы это имя многое значило в спортивной жизни столицы, было любимым, пользовалось большой популярностью. И многие откровенно мечтали прийти и получить билет из рук «самого Канунникова», прославленного форварда, кумира московских мальчишек. Кстати, Павел был не только кассиром, но и казначеем вновь создаваемого клуба – он, несмотря на свою известность, охотно брался за любую черновую работу и с увлечением выполнял ее наряду с рядовыми членами рождающегося коллектива.

Самым популярным местом в ту пору для митингов, собраний, вечеров и концертов была на Пресне «Большая кухня» Прохоровской фабрики – то самое помещение, где в памятном двадцатом выступал перед пресненскими рабочими Владимир Ильич Ленин (был среди тех, кто его слушал, и комсомольский вожак Петька Артемьев). Вот эту «Большую кухню» и облюбовали для себя организаторы «спортивного театра».

Мне хочется прежде всего подчеркнуть одну самую главную, самую замечательную черту этих праздников. Соединение на сцене целого ряда

талантливых советских актеров и других деятелей искусств того времени с выдающимися атлетами – такими, как Ян Спарре, Иван Хайдин, с широко известными футболистами – такими, как Павел Канунников, Иван Артемьев, Константин Квашнин, чрезвычайно способствовало «признанию» спорта широкими кругами населения, утверждению его популярности.

Ну, а что касается самого содержания концертов, то были они всегда разнообразными, увлекательными. И с большим удовольствием смотрели и слушали зрители своих любимцев-футболистов, выступавших в новых для публики амплуа. Мне рассказывали, как вызывали на «бис» Ивана Артемьева, просто и душевно исполнявшего несколько русских романсов, какой восторг вызвал Константин Квашнин со своим эксцентрическим, им специально разученным номером – «битье кирпичей на голове», какой ажиотаж вызвал выдуманный и осуществленный Артемьевым номер – «борьба человека с медведем» (для этого в самом деле взяли дрессированного медведя из цирка Никитина)... Вместе с тем нельзя не вспомнить, что в этих концертах (они повторялись и в «Большой кухне», и в библиотеке имени Гоголя, и в цехе фабрики Мамонтова и т. д.) участвовали такие выдающиеся мастера, как Пирогов, Смирнов-Сокольский, известный певец Николай Озеров (отец не менее известного в наши дни артиста и радиокomentатора, заслуженного артиста РСФСР Николая Озерова) и многие другие.

От души вкладывал в общее дело каждый все, что мог. И все-таки даже когда сейчас, спустя много лет, спрашиваешь свидетелей тех замечательных дел, как и что былб, неизменно слышишь один и тот же ответ:

– Без Артемьевых ничего бы не вышло. Они – всему душа.

Действительно, можно только удивляться душевному благородству, задору, поистине вдохновляющему бескорыстию, которые проявили в те годы носители этой фамилии. Возникла проблема с транспортом, не на чем было в то тяжелое время перевозить актеров, устраивать передвижную рекламу. Иван съездил в деревню и вернулся оттуда с доставшейся ему по наследству от отца кобылой Любашкой. Большую

службу сослужила эта коняга московскому футболу. Через некоторое время образовался опасный затор с деньгами, грозивший поставить под угрозу все дело. И снова поехал Иван в деревню, продал без колебаний свою корову, чья продукция не раз поддерживала семью, и вырученные – немалые! – деньги до последней копейки отдал в общий котел.

Наступил март 1922 года – дружный, солнечный, веселый. Подсчитали заработанные миллионы (тогда деньги были обесценены, миллион стал словом привычным и обычным), увидели: хватит. Теперь нужно было приниматься непосредственно за строительство.

И вот на месте бывшей небольшой игровой лужайки фабрики Мамонтова, у самой Пресненской заставы (прямо наискосок – через площадь – от ныне действующего здесь универмага), появилась горка строительного материала, а через некоторое время всюду закипела работа. В ней участвовали и нанятые рабочие – в основном плотники и столяры, а главным образом тысячи общественников. Райком комсомола помог организовать субботники, на которые очень часто выходило чуть ли не все молодое население Пресни. Часто здесь ломом, киркой, лопатой орудовали и руководители комсомола Пресни – Арвид Шмюльцберг, Володя Кириллов, Эдик Пиртин, приходили ветераны, участники боевых дружин 1905 года. Работали они с непередаваемой радостью.

Среди них, конечно же, были и все Артемьевы – девятнадцатилетний Тимофей, шестнадцатилетний Георгий и четырнадцатилетний Сергей.

И вот вырос на Пресне замечательный по тем временам стадион – с ослепительно зеленым полем, с павильоном, где были помещения для занятий и удобные раздевалки. Наконец-то спортсмены этого рабочего района, этого пролетарского сердца Москвы получили «свой дом». Сразу начало работать несколько кружков: гиревого спорта, французской борьбы, городошный, велосипедный, хоккейный... С утра до вечера шла теперь здесь увлекательная жизнь, тренировалась, крепла, набирала силы молодежь.

Вот коротенькая заметка из популярной в ту пору газеты «Известия спорта». Давайте прочтем ее и перенесемся в то далекое время, поймем, чем стал этот стадион для огромного района города.

«На Пресне теперь, – писал корреспондент газеты, – все реже и реже услышишь разухабистую трель гармошки и пьяные песни – неперменные атрибуты прошлого этой рабочей окраины. Теперь вся молодежь, словно гигантским магнитом, притянута к площадкам организованного здесь и начавшего активно функционировать московского клуба спорта».

Московский клуб спорта. Такое название, после длительных обсуждений, споров и волнений, он получил официально. Но уже к середине лета об официальном, записанном, так сказать, в протоколы, названии забыли. И сами члены клуба, и все его почитатели, и вся спортивная Москва стали называть новый клуб «Красной Пресней». И неудивительно: к тому времени главной улице и всему этому району, имеющему особые заслуги перед Советской властью, было официально присвоено это имя. Перешло оно сразу же к футбольной команде, а затем и ко всему клубу.

Построили трек – на нем начали свою карьеру многие велосипедисты, ставшие впоследствии прославленными асами бетонных дорожек. Зимой на голубых виражах ледяной дорожки царствовали знаменитые Ипполитовы. Гремели штанги, первые подходы к ним делал Михаил Громов, впоследствии ставший чемпионом страны по тяжелой атлетике, а еще позже – выдающимся летчиком, командиром легендарного перелета, Героем Советского Союза.

И все-таки при всем этом многообразии душой и любовью Пресни был и остался футбол. С утра до позднего вечера, до темноты, кипели официальные матчи. Когда клуб встречался с клубом, обе стороны выставляли по семь (!) команд. У игроков их был самый широкий профессиональный диапазон. Во второй команде «Красной Пресни» играл, например, секретарь ЦК ВЛКСМ Василий Филиппович Васютин – до сих пор помнят здесь и его общительный характер, и его незаурядное мастерство, и его горячую привязанность ко всему, что связано со спортом. Играл здесь за третью команду, ничуть не смущаясь этим, директор одной из новых фабрик – Михаил Николаевич Демин. Говорят,

быть бы ему мастером, если бы не великая загруженность. Играл в одной из команд участник Октябрьского восстания, замечательный коммунист, работник только что созданных тогда органов просвещения Борис Илларионович Пугачев.

Это была чудесная пора и в истории семьи Артемьевых – все пять братьев играли вместе, за клуб, стояли рядом – плечо к плечу. Иван был капитаном и центром полузащиты, Петр – правым крайним в первой команде (что соответствует по нынешнему курсу команде мастеров), остальные значились рангом пониже: Тимофей выступал за вторую команду на месте левого инсайда (так тогда по-английски называли полусредних), Георгий и уже в ту пору признанный Сергей играли за четвертую клубную – один центральным, другой правым полузащитником.

Пресненцы заявили о себе во весь голос. В весенний сезон 1922 года заняли первое место тремя командами в классе «Б» и перешли в высшую группу. Московские газеты назвали это большим и заслуженным успехом.

Особенно сильной, дружной оказалась первая команда «Красной Пресни». Даже сейчас, почти полвека спустя, имена ее игроков звучат знакомо для многих любителей футбола, вызывают у них законное уважение. Вратарь Станислав Мизгер (часто его менял Козлов), защитники Владимир Хайдин и Павел Тикстон, полузащитники Анатолий Канунников, Иван Артемьев, Иван Мошаров, нападающие Николай Старостин, Виктор Прокофьев, Дмитрий Маслов, Павел Канунников, Петр Артемьев. На счету этого коллектива было много замечательных побед. Сюда, на Красную Пресню, уходят корни двух наших лучших спортивных коллективов страны – московских клубов «Динамо» и «Спартак».

«Ну как дела, капитан?»

Широкое, открытое лицо, густые брови, нависшие над добрыми, всегда веселыми, с хитринкой, глазами, большой лоб, до сих пор не тронутый бороздами морщин, – таким я увидел Ивана Тимофеевича Артемьева мартовским солнечным днем тысяча девятьсот шестьдесят

восьмого года. Даже сейчас, в свои семьдесят три года, чувствовалась во всем его облике, в нетронутой временем фигуре огромная сила, подкупающая уверенность. И невольно подумалось: каким же был он в те далекие теперь годы своей яркой футбольной молодости?

– Артемьева я ставлю очень высоко, – ответил на этот вопрос заслуженный мастер спорта Михаил Павлович Сушков. – За долгие годы жизни довелось повидать многих игроков. Были среди них разные, но утверждаю: не было ни одного более преданного футболу, чем он.

Преданность футболу! Вот качество, которое все, с кем начинаешь говорить об Артемьеве, выдвигают на первое место. Это высокое слово – преданность – в данном случае нужно понимать так, что ради игры он мог пожертвовать всем, а в самой игре не прощал ни себе, ни кому другому равнодушия, ремесленничества, фальши, «отбивания номера».

Обремененный заботами о большой семье, оставшейся на его попечении, всегда занятый большими общественными делами, он всегда находил время для любимой игры.

– Однажды, – рассказывает мне его товарищ по командам «Красная Пресня» и «Динамо» Дмитрий Иванович Маслов, – мы шли с Ваней домой после какого-то очень трудного да еще неудачно сложившегося для нас матча. Ноги ныли от усталости. Меня мучило одно желание: как можно быстрее добраться до постели. Иван, помнится, тоже жаловался на недомогание.

Вдруг – лужайка, а на ней пять русоголовых мальчуганов гоняют мяч. Гляжу, просветлело лицо у моего спутника, весь подался вперед, спрашивает:

– Димка, сразимся?

– Да ты что, очумел? Я ногой пошевелить не могу.

– Ну как хочешь, а я погоняю с ребятами.

И в самом деле – включился. Взял себе в партнеры самого маленького и ну куролесить, финтить, рваться вперед. Забивает со своим

напарником голы соперникам и – смеется от счастья, кричит: «Давай, еще давай!» Было уже совсем темно, когда я увел его домой – пыльного, взмокшего от пота, но бесконечно радостного, возбужденного.

Это свидетельство, данное Дмитрием Ивановичем Масловым, далеко не единично. Я встречался с теми, кто играл рядом с Артемьевым и кто сражался против него. Все отвечали в один голос:

– Футбол он любил страстно!

По Москве и до сих пор ходят десятки историй, связанных с его именем, с его удивительной спортивной самоотверженностью. Вот всего две из них. Как-то накануне очередного матча, не очень важного, у Артемьева-старшего на пятке правой ноги вскочил огромный не то просто нарыв, не то фурункул. Ваня (так его звала в ту пору буквально вся футбольная Москва) страдал: одна мысль о том, что он подведет команду, не выйдет с ней на поле, буквально терзала его. Попробовал дома надеть бутсы, предварительно забинтовав ногу, но прикосновение к подошве вызвало дикую боль. Тогда в Артемьеве заговорил специалист-обувщик. Он ножом вырезал у бутсы задник и вышел на матч с голой пяткой, даже не предупредив об этом товарищей. Узнали они о его подвиге уже потом. В раздевалке, после победы, кто-то проронил:

– Ну, Ваня, сегодня ты играл особенно зло. Молодец!

– Позлишься, когда у тебя такое, – не выдержал он и показал окровавленную рану.

Другой раз – дело было под осень – проснулся в день матча и даже застонал: все тело ломит, голова болит. Сунул градусник под мышку – 38,2. Вот тебе и на. Хотел Петьку послать предупредить своих, а потом махнул рукой: как-нибудь отыграю, не подведу. А уж потом – к врачу. И отыграл – даже два гола забил в ворота Сокольнического клуба спорта. Пришел домой усталый, заснул. На утро вспомнил про болезнь, схватился за градусник, а температура нормальная. И самочувствие отличное.

– Прожгло, значит, организм. Ну и прекрасно, – констатировал он.

Но, конечно, не только энтузиазм ценили в нем. Уже в 1912 году семнадцатилетним юношей был он единодушно принят на место центрального полузащитника в команду при обществе физического воспитания. А центрхав тогда, по меткому выражению футболиста и журналиста Михаила Ромма, «был ферзем той шахматной партии, которая разыгрывалась на футбольном поле. Он или создавал или портил игру».

При царствовавшей в ту пору системе «пять в линию» все было действительно так. Пожалуй, даже в наше время на игрока средней линии не падает такая нагрузка, как на центрхава двадцатых и середины тридцатых годов. Непрерывное челночное движение от ворот до ворот было его «прямой служебной обязанностью» – при защите своих ворот он становился стержнем и мозгом обороны, при атаке – главным дирижером и исполнителем. Только самым лучшим, разносторонним, умеющим мыслить и воплощать свою мысль в действие игрокам доверяли этот ключевой пост.

Что же составляло игровой почерк этого спортсмена? Прежде всего отточенная техника, умение в совершенстве владеть мячом и своим телом в самых, казалось бы, сложных ситуациях.

В то время существовало много добрых традиций в московском футболе, одна из них – состязания в специальной эстафете, куда входили сложнейшие и разнообразнейшие элементы футбольной техники: обводка, пас, игра «в стенку», удар по воротам... Команда всегда выставляла на первом этапе таких эстафет Ивана Артемьева. И он неизменно добивался преимущества, обеспечивая своему коллективу своеобразную «фору». В игре его техника часто вызывала гул одобрения и горячие аплодисменты на трибунах. Точность его паса знали и уважали очень многие нападающие: не раз именно подачи центрхава выводили их на удобные позиции вблизи ворот, помогали без борьбы проскочить защиту и забить такой нужный, такой всегда желанный гол.

Был у Артемьева-старшего один титул, который официально не значился ни в одном документе, но который охотно и единодушно присвоила ему футбольная Москва – «чемпион по дальности удара». В самом деле, ему «ничего не стоило» послать мяч – и довольно точно –

почти от ворот до ворот. Во всяком случае, голы, которые он забивал на тренировках с 70 – 75 метров, официально зарегистрированы.

– Я помню, на тренировках Ваня всегда, как и полагалось, располагался во второй линии, но удары его, шедшие с дистанции 30 – 35 метров, были точнее и сильнее удара форвардов, – говорил мне один из выдающихся вратарей, первый страж динамовских ворот Федор Федорович Чулков. – Мячи, пущенные им, проносились со свистом, не скрою, иногда их просто страшно было брать. А иногда..., и просто невозможно. Здорово бил.

Но, пожалуй, еще ценнее безукоризненной техники и огромной силы удара было постоянное и очень высокое желание борьбы, неугасимый азарт, никогда ни на минуту не оставлявшее его вдохновение. Если же, случалось, мяч у него отбирали, он неотступно преследовал «обидчика», не давал ему покоя. И себе он тоже не давал покоя никогда. «Вихрь на футбольном поле» – назвал его как-то Федор Селин. Он в самом деле был вихрем, грозой, человеком, всегда вступающим в схватки с соперником и при этом сохраняющим корректность – высшее достоинство настоящего спортсмена.

Матч между «новичком» – командой «Красной Пресни», только весной 1922 года заявившей о себе, и клубом ОЛЛС (общества любителей лыжного спорта), более десяти лет активно выступавшим в классе «А», вызвал огромный интерес в Москве.

Тот, уже списанный в историю матч, выиграла команда ОЛЛС. И несмотря на это вот что писала о центральном полузащитнике проигравших московская газета: «Невиданная гроза и ливень, прошедшие незадолго до начала встречи, чуть было не испортили дела. Судьи, руководители клубов долго спорили, можно ли играть при таких условиях (поле напоминало пейзаж Финляндии – озера и небольшие зеленые островки), но наконец решили – можно. Такому решению, вероятно, во многом способствовало крайне возбужденное поведение публики, не желавшей, чтобы откладывали встречу ее любимцев...

Команда ОЛЛС сразу пошла вперед и провела в ворота «Пресни» два гола. Тут, как часто бывало и в прошлом, прекрасно проявил себя

Иван Артемьев, выступавший на обычном месте – центрхава. Он поначалу пытался наладить совместные действия, а потом взял игру на себя и в середине тайма метров с тридцати сквитал один мяч.

Олелесовцы, испуганные этим ударом, до перерыва ушли в глухую защиту...». Далее автор отчета сообщал, что «несмотря на проигрыш «Пресни», следует отметить старательную и очень полезную игру Ивана Артемьева, который, по общему мнению, был на этот раз лучшим на поле».

Весной 1923 года в Советском Союзе произошло важное для дальнейших судеб нашего спорта событие – по инициативе Феликса Эдмундовича Дзержинского, при активном содействии и организаторской инициативе его ближайших помощников родилось первое в нашей стране добровольное спортивное общество «Динамо». В состав созданной при нем первой футбольной команды был приглашен Артемьев, Иван Тимофеевич принял это приглашение. Он был очень тепло, с откровенной радостью принят в новом коллективе и единодушно избран капитаном – первым капитаном московского «Динамо».

Многие в ту пору удивлялись такому решению Ивана Тимофеевича, даже обвиняли его: столько сил, энергии, бессонных ночей и трудовых дней, личных сбережений отдать «Пресне» и вдруг уйти из нее?! Люди разводили руками.

Но все это было неожиданным и непонятным лишь для тех, кто плохо знал Ивана Артемьева. В груди этого рязанского мужика по рождению и пресненского мастерового по профессии клокотала кровь искателя, вечная жажда чего-то нового, искреннее желание встретиться с трудностями и побороть их. На «Пресне» был установлен образцовый порядок, родилась образцовая команда. В «Динамо» нужно было начинать все сначала. И Иван Тимофеевич выбрал без колебаний «Динамо».

Я уже писал, что в ту пору он являлся одним из сильнейших полузащитников столицы: был опытен, смел, зорек, умел разгадывать самые хитроумные замыслы соперников и вовремя ликвидировать возникавшие угрозы, умело руководить атакой, дирижируя своими форвардами из глубины. Естественно, что, обладая такими качествами,

самозабвенно любя футбол, Артемьев стал для очень многих динамовцев не только товарищем, но и тренером, наставником, воспитателем.

Команда родилась, а играть, по существу, было не в чем. Кто приходил на тренировки в старых сапогах, кто в полуразорванных тапочках, а кто и вовсе босиком. Время было очень тяжелое, достать где-либо нужный инвентарь казалось делом безнадежным. Это, конечно, портило настроение, подрывало дисциплину. Некоторые игроки стали пропускать занятия, хандрили.

И вдруг – пропал капитан. Почти десять дней не появлялся он в клубе. Это, конечно, немедленно повлекло за собой разговоры.

– Сбежал, не выдержал.

– Да станет он менять свою «Пресню» на нас. У них там во всем полный порядок...

Но скептики, малoverы оказались, в конце концов, пристыженными. Иван Тимофеевич пришел на одну из очередных тренировок с необычно большим чемоданом.

– Ты что, кругосветное путешествие совершить собрался?

– Сбежал из дому, что ли? – встретили его динамовские остряки.

– Не спешите, ребята, не спешите, – загадочно улыбался капитан и вдруг открыл крышку. Из чемодана посыпались на траву новенькие, пахнущие краской и кожей бутсы – ровно одиннадцать пар.

– Откуда такое богатство? – ахнули все разом.

– Наследство получил от одного индийского князя, – пошутил, в свою очередь, Артемьев. – Только в завещании одно неперемное условие: острякам обувь не выдавать. Так что нашей команде тут поживиться будет нечем.

Все засмеялись – шутка пришлась по вкусу. А потом снова посыпались вопросы:

– Скажи, где достал такую прелесть? Пришлось сознаться:

– Нигде я не доставал. Сам сшил. Действительно – сам сшил. Сапожничал ночами – ведь днем приходилось работать на семью.

Через два дня вызвали его в Управление. Кто-то написал письмо, в котором просил оплатить этот труд. Ивана Тимофеевича растрогала такая забота товарищей, но получить деньги наотрез отказался.

– Я ведь от души, товарищи...

– Да без денег нельзя, – уговаривали его. – Мы хотим тебе большой заказ сделать.

– Заказ – другое дело. А для своих ребят я просто так сшил.

Вскоре выписали Артемьеву наряд, и он засел за работу. Зиму, как говорят, «не разгибался». Но к сезону 1924 года все пять команд клуба были обуты «на отлично»!

И 1 мая на собрании команды был зачитан приказ одного из заместителей Ф. Э. Дзержинского, в котором служащему Ивану Тимофеевичу Артемьеву объявлялась благодарность «за исключительную самоотверженность, инициативу и труд, способствующие становлению пролетарского спортивного общества «Динамо».

Когда потребовались средства, сначала у Ивана Тимофеевича возникла мысль возобновить концертную деятельность. Но вот однажды, после очередной тренировки, он шел домой вместе со своим другом и одноклубником Константином Малаховым. Этот человек соединял в себе огромный талант футболиста и дар актера. Его эстрадные программы, песенки, фельетоны пользовались неизменной любовью москвичей.

– Слушай, Казимир, а из вашей братии больше никто не играет в футбол?

– Почему же... Умеют. Да еще такие артисты, что удивишься.

– Казя! А если нам с ними сыграть? «Динамо» – сборная «Рабис» (так сокращенно в то время называли профсоюз работников искусств. – Л. Г.).

– Чудесная идея! Давай раскрутим ее...

И раскрутили. На динамовском стадионе в Орлово-Давыдовском переулке при огромном стечении зрителей состоялся необычный матч, о котором до сих пор с доброй улыбкой говорят старожилы. За команду гостей выступали И. Ильинский, работавший в ту пору в театре Мейерхольда и уже успевший завоевать признание зрителей, Г. Ярон, блиставший в Театре оперетты, М. Гаркави, уже тогда считавшийся талантливым конферансье, а также представители МХАТа, цирка, Большого и Камерного театров, Театра сатиры... А среди тех, кто наблюдал за ходом этого «уникального» поединка, была вся театральная Москва, так же, впрочем, как и вся Москва футбольная. Счет матча 3:1.

Единственный гол в ворота динамовцев забил ныне народный артист Советского Союза Игорь Владимирович Ильинский. А два гола из трех, пропущенных Михаилом Гаркави, влетели в ворота гостей после ударов Ивана Артемьева. После состязания мастер экспромта Михаил Гаркави тут же зачитал сочиненное им четверостишие:

– От страха мучила икота,
Когда меня, как барабан,
Со звоном втискивал в ворота
Футбольный грозный Иоан.

А деньги, вырученные от распродажи билетов, помогли динамовцам в очень короткий срок дооборудовать свой стадион, расширить его, сделать любимым местом отдыха многих воинов, их семей и всех москвичей.

Много матчей сыграл в составе московского «Динамо» Иван Артемьев. Но, пожалуй, самым ярким воспоминанием остался тот день, когда сразу же в чемпионате 1923 года жребий свел динамовцев – команду молодую, необстрелянную, а главное, разношерстную по составу – с «Красной Пресней».

Зрителей на этом поединке было очень мало: предполагали, что пресненцы разгромят новичков. Но состязание прошло очень напряженно. Защита и полузащита бело-голубых, организуемые Иваном Артемьевым, долго и вполне успешно сдерживали натиск прославленной пятерки, где выделялись Канунников, Исаков, Петр Артемьев...

Матч окончился победой «Пресни» со счетом 3:2 (решающий гол был забит за семь минут до конца с одиннадцатиметрового), и когда подходили к раздевалке, каждый из друзей-соперников подошел, пожал руку капитану динамовцев и сказал слова – свои, разные, но выражавшие одно и то же:

– Молодец, Иван! Просто восхищаться приходится твоей игрой. Нелегко пришлось новому капитану в новой команде. Рядом были люди, которыми гордилась вся спортивная Россия, и зеленая молодежь. Вот, например, Житарев. Нападающий сборной страны. Он все чаще и чаще брал игру на себя, сбивал темп, облегчал соперникам их задачу. Да не он один. И Васильев, и Дмитриев... А отсюда – примитивная тактика, бедность творческой мысли.

«Постойте-постойте, – скажет молодой читатель, – да при чем же здесь капитан? Ведь это уже функции тренера».

В том-то и дело, что не было тогда у динамовцев, как, впрочем, и у всех других коллективов, никаких тренеров, и функции педагога, воспитателя, творческого наставника брал на себя тот, кого обличили всеобщим доверием.

И тут оказалось, что на таком посту Артемьев незаменим. Влюбленный в игру, Ваня не считался ни с чем и ни с кем, когда речь шла об авторитете команды, о ее чести и славе.

– Давайте начнем с укрепления дисциплины во всем, – потребовал он на одном из собраний. – Прощать не будем ничего и никому.

Выполнял свое обещание пунктуально. Говорил полушутя-полусерьезно:

– В таких вещах я бюрократ.

И верно: опоздает кто-нибудь хоть на минутку на тренировку – не простит, заставит держать ответ перед товарищами. Кончится матч, соберет всех и говорит:

– Давайте отчитаемся друг перед другом в том, как действовали на поле.

Так рождалось у людей высокое чувство долга перед коллективом, любовь к нему, спортивная дружба и взаимопонимание. Произошла смена поколений. Ушли, не пожелав принять новых требований, Троицкий, Денисов. В запасе оказались сам Василий Житарев и его друг Дмитриев. На смену им во все линии пришли юные таланты, Все это уже в скором времени дало свои результаты. Летом 1925 года в Ленинграде проходил первый всесоюзный турнир динамовских команд, в котором приняли участие хозяева поля, москвичи и харьковчане. Первое место заняла команда Москвы.

«У победителей, – читаем мы в газете ленинградского комсомола «Смена», – ярко выделялся их капитан Иван Артемьев. И дело не только в том, что он забил два мяча из четырех. Артемьев проявил себя и как великолепный мастер футбола и как великолепный организатор».

Мастерство, вдохновенную игру Ивана Артемьева видели не только москвичи и ленинградцы. Команда начала систематические выезды в главные рабочие центры страны. Очень памятной была, например, поездка к текстильщикам ярославской фабрики «Заря социализма», к горнякам Донбасса, к нефтяникам Баку. И везде команда московского «Динамо» учила своих друзей-соперников не только во время матчей – она устраивала показательные тренировки, ее игроки, и прежде всего сам капитан, выступали с лекциями, беседами, разъяснениями.

«Рабочий Баку, нефтяная столица Советской России, благодарит московских динамовцев и их капитана Ивана Артемьева за доставленную радость, за все, что они сделали для развития спорта в Азербайджане», – читаем мы в одном из номеров газеты «Вышка».

Иван Тимофеевич Артемьев покинул «Динамо» весной 1928 года – ему было тогда тридцать три года. Он решил уступить дорогу молодым.

Через несколько месяцев родной клуб впервые завоевал звание чемпиона Москвы. Когда проходило чемпионство динамовцев, они потребовали, чтобы с ними рядом стал их первый капитан и тренер.

«С вашим именем, – писали они ему в приветственном адресе, – навсегда связано становление, первые радости и успехи московского «Динамо». Мы никогда не забудем об этом»...

А мы, любители самой красивой и яркой спортивной игры, никогда не забудем, что с именем Ивана Тимофеевича Артемьева связаны памятные дела, совершенные во славу и честь советского футбола.

Первый комсорг сборной

Передо мной маленькая, безжалостно истрепанная временем книжечка. На обороте обложки выбитые типографской машиной слова – «Российский Коммунистический Союз Молодежи. Союзный билет № 5019». Он выдан в далеком восемнадцатом году. А рядом сидит человек, который вот уже пятьдесят лет подряд никогда, ни при каких обстоятельствах не расстается с ним, носит на груди – у своего нестареющего, навечно отданного комсомолу сердца. Это – Петр Тимофеевич Артемьев, второй по старшинству брат в знаменитой футбольной династии.

Еще стояли изуродованные, с выбитыми стеклами, корпуса знаменитых пресненских фабрик, еще голод держал своей костлявой рукой за горло, еще мирная жизнь казалась далекой, несбыточной мечтой, а Петька бегал по дворам, собирал рабочую молодежь, и они строили первые в столице волейбольные площадки, учили ребят основам гимнастики. Он был «физкультурным вождем», но занимался самыми разнообразными делами: помогал устраивать безработную братву, записывал во Всевобуч, подбирал инструкторов, которые часто были вдвое по возрасту старше его, водил комсомольские бригады на разгрузку эшелонов с топливом, вместе с братом и его товарищами-комсомольцами помогал строить первый на Пресне Красный стадион, выступал с докладами и речами, ходил ловить беспризорников и думал о том, как их лучше устроить... Казалось, на все это не должно было

хватить и двадцати четырех часов, но Петька не только управлялся, но еще успевал почти ежедневно часок-другой погонять в футбол.

Он тренировался и играл с тем искренним увлечением, с тем неподдельным азартом, с каким всегда брался за любое дело. И старший брат, наблюдая за тем, как растет мастерство мальчишки, с радостью говорил:

– Будет из тебя, парень, толк!

Вскоре они уже играли вместе в одной команде – клубе футболистов «Сокольники». Но настоящая слава и подлинное, единодушное признание пришли к Петру в команде «Красная Пресня», где молодой Артемьев был поставлен на левый край, в одну линию нападения рядом с такими форвардами, как Петр Исаков, Павел Канунников, Дмитрий Маслов. Вместе с Артемьевым дебютировал тогда в «Красной Пресне» и Николай Старостин.

«Третьего дня на поле ОЛЛС (что у Калужской заставы) футболисты местного клуба играли с командой Московского клуба спорта (так поначалу называли «Красную Пресню». – Л. Г.) и победили со счетом 4 на 2, – сообщает нам газета тех дней.

У проигравших был очень сильный состав по именам, но лучше всего проявила себя молодежь, особенно левый крайний нападения Петр Артемьев, с подач которого и были проведены два гола в ворота ОЛЛС».

Высокое мастерство, неистребимая жажда игры, общительный характер – все это вскоре сделало Петра Артемьева любимцем публики и друзей-футболистов. Как многим игрокам в ту пору, ему сразу же приклеили кличку – «Велосипед». Звали его так за удивительную быстроту бега. Катится по полю высоко поднимая коленки, разворачивая ноги в стороны – точно педали нажимая.

Полюбился Петр и своей высокой, своеобразной по тем временам техникой: стремительным дриблингом, точным и рассчитанным пасом, умением на небольшом пятачке искусно обыграть четырех, а то и больше игроков соперника, пройти сквозь плотную защиту, найти в ней щель,

как находит нитка узкое горлышко иголки, и, освободившись от опеки, лихо, смело и неудержимо понестись вперед.

12 июля 1922 года, как раз когда ему исполнился двадцать один год, узнал Петр Артемьев радостную весть – включен в состав сборной Москвы. А через год мы уже видим его среди одиннадцати лучших игроков, которым выпала честь выступать за национальную команду Российской Федерации, отправляющуюся в свое первое заграничное турне по странам Скандинавии и Прибалтики.

Есть много поводов рассказать о его уверенной, опасной для соперников игре, о резких прорывах, точных передачах, неотразимых голах.

Но в те далекие, трудные для нашей страны годы Петр Артемьев проявил себя не только как отличный мастер кожаного мяча, но и как бесстрашный политический боец, настоящий патриот, комсомолец.

Когда участников сборной России собрали вместе на беседу, Петр Артемьев спросил:

– А что, если взять с собой Красное знамя и выйти с ним на буржуазные стадионы?

– Вы же знаете, – последовал ответ, – что нашу страну окружают враги. Каждый советский гражданин, пересекающий границу, подвергается самому тщательнейшему таможенному осмотру, который иногда трудно отличить от обыска. Так что знамя вам провезти просто не позволят. Об этом даже мечтать нечего.

Петр сам понимал, что задачу, которую он сам для себя придумал, осуществить невероятно трудно. Как одинокий остров, окруженный со всех сторон врагами, стояла молодая Советская страна. Капиталистический мир не хотел признавать ее, сочинял различные небылицы о первом в мире государстве рабочих и крестьян.

– Понимаешь, Ваня, – говорил уже не первый раз своему старшему брату Петр, – хочется, чтобы запылал наш стяг над чужой страной, чтобы

резанул его алый свет глаза буржуйам, чтобы показал всему рабочему люду: вот мы, живы мы, не сдаемся и не сдадимся никогда!

– Понимаю, – кивал тот в ответ.

– Понимаем, – поддерживали товарищи. – Дело ты задумал хорошее. Да как его осуществить?

И Петр придумал. Он взял, договорившись с секретарем, знамя в райкоме комсомола и в день отъезда обмотал его вокруг тела, а сверху натянул костюм. Никому не сказал о своей затее. Так и провез на себе знамя через два кордона – сначала миновали границу с Финляндией, потом благополучно прошли шведскую таможню. Ну, а остальное вы знаете из рассказа, записанного мною у Михаила Павловича Бутусова: «Алое знамя Страны Советов взвилось сорок Пять лет назад над Королевским стадионом Стокгольма. Взвилось, несмотря на бешеное сопротивление властей, на всяческие ухищрения буржуазных руководителей спорта».

Это событие, кажущееся сегодня обычным, произвело тогда впечатление разорвавшейся бомбы. Первый алый флаг над стадионом капиталистической страны. Он был символом нового мира, уверенно набирающего силы, во весь голос заявляющего о себе во всех областях жизни. Не случайно об этом «происшествии» написали на следующий день не только все газеты Швеции, но и пресса Англии, Франции, Италии, Германии и многих других стран мира. Одна из буржуазных газет Парижа опубликовала в те дни заметку под кричащим заголовком «Вызов».

«Выступление русских в Швеции, – говорилось в этой заметке, – еще раз показало всему цивилизованному миру, что большевики используют поездки своих спортивных команд для пропаганды, а поэтому надо всячески препятствовать встречам, имевшим место в Стокгольме и других городах». Как видим, поступок нашего комсорга изрядно напугал врагов Советской власти.

Не обошла вниманием пресса и самого виновника торжества. Газета «Идроттебладет» поместила на первой полосе огромный снимок Петра

Артемьева, снабдив его выразительной подписью: «Главный большевистский агитатор среди русских футболистов». Не знали, наверное, авторы этой фотографии и подписи к ней, что мы будем приводить их как доказательство подвига, совершенного простым парнем с Пресни во имя чести и славы нашего спорта, во имя своей великой Родины.

Через два года – в декабре 1925-го – Петр Артемьев назначается капитаном и комсоргом сборной Москвы, отправляющейся во Францию для встречи с рабочими командами этой страны.

Вратарь сборной Федор Федорович Чулков вспоминает:

– Выехали из столицы 27 декабря 1925 года. Нас пришла провожать чуть ли не вся спортивная Москва. Еще бы – ведь мы отправлялись «открывать» Францию, сказать правду ее трудовому народу о нашей стране.

Вот и Париж. Встретили очень тепло. Извинились: средств у рабочих-спортсменов мало, будут принимать скромно. В самом деле – поместили в бедной гостинице. Ничего, живем. Внизу, в киоске, покупаем каждое утро газеты. Многие из них – буржуазные, конечно, – требовали запретить, отменить матч. Зато коммунистическая «Юманите» посвятила гостям очень много теплых слов, опубликовала фотографии советской команды.

Чем ближе день матча, тем все больше свирепела желтая пресса. И мы уже начали подумывать, что встречу сорвут. Но сделать это «хозяева города» побоялись. Приняли, как им казалось, соломоново решение: перенесли состязания на второстепенный, отстоящий далеко от центра города и от рабочих кварталов, стадион «Першинг», добираться до которого нужно было на трех видах транспорта.

Но расчет провокаторов от спорта провалился. Рабочий Париж готовился к состязанию как к празднику. Накануне матча «Юманите» и «Авангард» вышли с лозунгами: «Завтра все на Першинг!». Так же называлась и передовая статья «Юманите». Ее автор, один из руководителей Коммунистической партии Франции, писал: «Я не знаю,

все ли товарищи достаточно оценивают важность приезда русской команды в рабочий Париж. Это историческая дата для пролетарского спорта».

Наступил долгожданный день – первый день нового, 1926 года. Он выдался ярким, солнечным, теплым. Стадион переполнен.

Сборная Москвы вышла на поле под громовые раскаты. Впереди с Красным знаменем в руках шел наш капитан Петр Артемьев.

Он привез алый стяг, и вот теперь нес его, твердо сжимая древко в руках, нес как боевой привет трудящихся России трудящемуся народу Франции. При виде этого знамени подавляющее большинство зрителей встало. Многие кричали:

– Слава Советам!

– Ура русским!

...Вот о чем вспоминал ветеран нашего футбола. Та памятная встреча закончилась со счетом 5:0 в пользу москвичей. Два гола в ворота хозяев поля забил Петр Артемьев, третий был проведен с его подачи. В отчете о матче газета «Авангард» писала: «Невообразимая овация, устроенная зрителями после окончания состязания, конечно, прежде всего означала признание французскими трудящимися великого дела, совершенного рабочими Советского Союза. Но вместе с тем это было и признанием высокого искусства русских футболистов. Вратарь Федор Чулков, нападающие Сергей Иванов и Петр Артемьев полюбили зрителей, они ни в чем не уступают профессионалам...»

Через день состоялась новая встреча на стадионе в рабочем предместье Сан-Дени. Здесь гостям из России преподнесли трогательные подарки – выкованные мастерами одного из заводов маленькие серпы и молоты, на которых было выцарапано по-русски: «Братья, мы с вами!».

Игра сложилась на редкость трудно, противник оказался упорным. Только во втором тайме москвичи провели два гола. И снова газеты, отмечая высокий класс русских, отмечали Константина Блинкова, Дмитрия Маслова... О Петре же Артемьеве было сказано следующее:

«Этот удивительно быстрый, напористый крайний форвард был на этот раз выше всяких похвал».

А одна из газет поместила фотографию Петра Артемьева. Под фото стояла подпись: «Простой рабочий из пролетарского района Москвы Петр Артемьев стал при Советской власти видным общественным деятелем и выдающимся спортсменом. Он привез рабочей Франции в подарок Красное знамя наших русских братьев по классу и свое прекрасное мастерство».

Если просмотреть летопись наших международных выступлений в начале и середине двадцатых годов, мы увидим, что почти ни одно состязание не проходило без участия Петра Артемьева.

Наступил следующий, 1924 год. Уже в июне в гости к советским спортсменам приехала команда Финского рабочего спортивного союза. Против нее выступила сборная советской столицы. Вот короткий отрывок из описания этого матча: «Двенадцать тысяч зрителей, собравшихся на поле ОППВ, с интересом следили за игрой, так как финских футболистов помнят еще по выступлениям двадцать второго года. На этот раз гости играли гораздо лучше, и победа Москвы со счетом 2:0 оказалась трудной. У победителей следует отметить очень сильную и слаженную игру звена Артемьев – Исаков – Канунников».

Стадионы Родины, а также Швеции, Финляндии, Германии, Франции, Турции, Австрии, Норвегии, Чехословакии видели игру Петра Артемьева и восхищались ею. Не раз в иностранной прессе появлялись заметки, отмечавшие высокое мастерство Петра Артемьева.

«Из русских форвардов, безусловно, лучшим был капитан команды Артемьев, игрок большого класса, с напористым бегом, хорошей распасовкой и точным ударом. По этому матчу можно с уверенностью сказать, что русский футбол сделал огромный успех, и теперь русские футболисты в международных матчах не только не будут иметь жестоких поражений Стокгольмской олимпиады, но и легко могут бить некоторые команды Европы», – отмечает одна из парижских газет того времени.

О том, какое значение придавалось выступлению Петра Артемьева, красноречиво свидетельствует, например, сохранившееся до сих пор в архиве письмо руководства Высшего Совета физкультуры в Краснопресненский райком ВЛКСМ от 17 июня 1925 года, в котором говорилось: «Высшим Советом физкультуры при ВЦИК СССР командирется команда СССР в Турцию. Поездка имеет громадное политическое значение, как устанавливающая связь с народами Востока.

Товарищ Артемьев П. Т. является одним из лучших техников футбольного дела и в то же время как политический работник – незаменим в составе назначенной команды».

– Он действительно часто оказывался просто-напросто незаменимым, – сказал мне однажды непреременный участник всех поездок сборной СССР в те годы вратарь Николай Евграфович Соколов. – Выдумщик невероятный.

Это качество отмечают и все другие товарищи Артемьева по спорту. Причем все его «выдумки», вся его инициатива, весь его порыв всегда были направлены на то, чтобы превратить каждое состязание в большое политическое событие, в яркую форму пропаганды нашего советского строя. Тогда это имело колоссальное значение.

Вот всего лишь два примера, показывающих кипучую деятельность этого страстного коммуниста, человека, умевшего оставаться партийным бойцом и на зеленом поле, и в гостинице, и в вагоне международного экспресса – всегда, везде, во всем.

После Парижа и Страсбурга сборная Москвы отправилась в Берлин. Рабочие немецкой столицы встретили ее очень гостеприимно, с интересом ожидали предстоящие встречи; руководители Немецкого рабочего спортивного союза объявили в печати, что они выставят против гостей самую сильную команду, в составе которой будет много игроков, имеющих большой опыт международных встреч.

Состязание назначили на 15 января. А накануне весь день лил холодный, пронизывающий дождь. Представители нашей команды поехали осмотреть поле. Оно раскисло, стало скользким.

Вернулись в гостиницу. Петр Артемьев собрал ребят и приказывает:

– Немедленно заменить поперечные шипы у бутсов круглыми.

– Да стоит ли? – запротестовали некоторые из ребят.

– Стоит, – решительно заявил Артемьев. – Это я вам как наследный сын сапожника говорю.

Послушались ребята, А на следующий день от души благодарили Петю: стояли на ногах уверенно. А немцы все время падали.

Но бутсы это «деталь», а главное состояло вот в чем. Когда руководители Немецкого союза пришли в гостиницу договариваться о регламенте матча, о порядке его открытия, Петр Артемьев предложил свой план. Он был принят и осуществлен следующим образом. Начало матча назначили на три часа дня. Но уже в двенадцать сборная Москвы вышла из гостиницы в своих алых футболках и с Красным знаменем в руках. Сюда же, к гостинице, прибыла в полной форме и немецкая команда. Друзья-соперники выстроились и под звуки ставшего впереди оркестра направились по улицам и проспектам Берлина на стадион. За ними шла огромная толпа. Простой выход на игру превратился в грандиозную политическую демонстрацию.

«Приезд спортсменов из Советской России стал важнейшим событием, – писала «Роте Фанэ». – Он еще раз доказал, какими уверенными шагами идет вперед первое в мире государство рабочих и крестьян во всех областях. Мы гордимся нашими друзьями, их спортивным мастерством (москвичи победили со счетом 7:0. – Л. Г.), их мужеством и благородством».

Под статьей была помещена фотография, на которой был запечатлен Эрнст Тельман, крепко пожимающий руку нашему капитану – Петру Артемьеву.

– Приезжайте к нам почаще, – сказал тогда руководитель немецких коммунистов. – Каждый ваш визит – это огромная помощь нашей партии и серьезный удар по ее врагам.

– Будем приезжать, – ответил за всех Петр Артемьев. И он сдержал свое слово, посетив Германию в составе сборной СССР еще дважды. Стадионы Дрездена, Франкфурта-на-Майне, Кельна, Лейпцига, Хемница и других городов рукоплескали его мастерству: в этом турне Петр Артемьев забил двенадцать мячей в сетку чужих ворот. Он оказался опять достойным партнером Бутусова и Исакова, Батырева и Селина – людей, которыми гордится советский спорт.

А вот второй пример. В июне 1925 года Артемьев едет в составе сборной СССР в Турцию, опять как ее капитан и комсорг. Во время острейшего поединка против национальной сборной при счете 0:0 Петр забил в прыжке мяч в ворота соперников, при этом задев его рукой. Судья не заметил этой ошибки. Но Артемьев сам рассказал о ней, и гол не был засчитан. Когда об этом объявили по радио, весь стадион стоя приветствовал благородный поступок советского спортсмена. А вечером, на приеме, Владимир Петрович Потемкин, бывший в ту пору послом СССР в Турции, обнял Артемьева и сказал:

– Спасибо, коллега!

– Почему коллега? – удивился спортсмен.

– Да вы же первоклассный дипломат. И ваш поступок, и ваша победа (матч закончился со счетом 2:1 в пользу СССР) принесут всем нам большую пользу.

Мне хочется отметить еще одну, особенно подкупающую, черту в характере Петра Артемьева – его благоговейное отношение к игре, горячее стремление превратить каждое состязание в праздник подлинной физической культуры. В мае 1927 года к нам, в Советский Союз, приехала сборная рабочая команда Саксонии. В первый день гостей принимала сборная Москвы и победила их со счетом 4:1. Два гола в этом матче забил Петр Артемьев. После игры он заявил корреспонденту газеты «Гудок»:

– Во вторник против гостей выступит моя родная команда «Пищевик». Сделаем все, чтобы выступить достойно.

Но начало матча сложилось трудно для хозяев поля. Немецкие футболисты повели в счете – 3:0! И в этот момент совершил ошибку один из ведущих игроков – центральный полузащитник. При системе «пять в линию» это была ключевая позиция каждого коллектива. Игрок, которого уже тогда знал весь спортивный мир, не выдержал и в сердцах тяжело выругался. Судья был далеко – не услышал. Но Петр подскочил к товарищу:

– Немедленно покинь поле.

– Да ты очумел? Проиграем...

– Покинь поле...

– Не буду больше...

– Покинь поле!

Матч «Пищевик» все же выиграл – 4:3!

– Ну, а если бы проиграли тогда? – спросил я у Петра Тимофеевича, прослушав этот рассказ.

– По-моему, с любым поражением можно смириться, – убежденно отвечает он. – На то спорт и называется спортом. Но с хамством, с бескультурьем мириться нельзя!

Хочется, чтобы эти его слова и сегодня прозвучали над нашими стадионами, дошли до сердец молодежи, зажгли их чудесным огнем истинного спортивного благородства.

Общество физического воспитания «Красная Пресня», знаменитая прародительница «Спартака», сборные Москвы и Советского Союза – вот команды, где прошла его главная футбольная жизнь, где родилась, окрепла, стала прочной и долгой его большая спортивная слава.

Но, что бы ни случилось, как бы ни играло с ним время, – спорт всегда оставался для Петра Артемьева делом святым, любимым видом развлечения и отдыха. Кончив с отличием Плехановский институт, он в мирные годы выполнял сложнейшие задания по проектировке пищевых

заводов, а когда началась война, талантливому и энергичному инженеру поручили заботу о полевых пекарнях для Красной Армии. Шел он вместе с ней на Запад, помогал громить врага. А в походном его имуществе всегда хранился мяч. И если выпадала свободная минута, Петр Артемьев не упускал случая, чтобы «вспомнить старину». На лесных полянах, на околицах деревень, в которых располагался неглубокий армейский тыл, устраивал он такие футбольные сражения, что дух захватывало. А в сорок пятом, после победы, он вывел на поле как капитан сборную команду штаба на Спартакиаду Белорусского военного округа. Команда заняла первое место, забив в ворота соперников десять мячей. Девять из них пришлось на долю Петра Артемьева. Ему тогда исполнилось сорок четыре года.

– Молодой был, – мечтательно улыбается он.

Но молодость и сегодня не оставила Петра Тимофеевича. Каждую неделю он отправляется в Краснопресненский райком комсомола, внештатным инструктором которого остается до сих пор. Спорит, подсказывает, принимает вместе с другими ветеранами пресненских юношей в комсомол. С весны до глубокой осени тренирует пресненских мальчишек, готовит их к соревнованиям на приз «Кожаный мяч». Готовит стенды, выступает с докладами, пропагандирует историю спорта.

– Неугомонный Петька, – с удивлением и завистью говорят о нем друзья, уже давно перешедшие на «тихий ход». А Петр Тимофеевич Артемьев все не желает тормозить – несется по жизни с прежней комсомольской скоростью.

Я никогда не забуду раннее июньское московское утро 1968 года. Солнце еще не взошло над громадами домов, до начала работы оставалось часа два. В эту раннюю пору на стадионе «Метрострой» – неподалеку от станции метро «Краснопресненская» – шел горячий футбольный поединок между командами районных комитетов КПСС и ВЛКСМ Красной Пресни.

Зрителей на трибунах почти не было, но это не мешало людям на поле играть с огромным азартом, с завидной настойчивостью, с

заразительным весельем. Счет открыла команда райкома партии, и результат 1:0 держался почти до самого финального свистка.

Но вот на левом крае кто-то принял мяч, стремительно понесся вперед, работая ногами, словно он нажимал на педали велосипеда, обвел одного защитника, другого и сильно ударил. Мяч вонзился в чужие ворота прямо под верхней перекладиной.

К человеку с седой головой подбежали безусые форварды, полузащитники, защитники и, радуясь, говорили:

– Спасибо, Петр Тимофеевич! Вот уж действительно выручили.

Да, это был наш Петр Тимофеевич Артемьев – нестареющий футболист и нестареющий комсомолец, свой человек на Красной Пресне.

«Здесь в каждом ратнике узришь богатыря!»

Нет, право, невозможно остановиться, рассказывая об этой удивительной семье. Кроме Ивана и Павла было в ней еще три брата – Тимофей, Георгий, Сергей, и ни один не прошел мимо большого футбола. Если вы возьмете на себя труд перелистать подшивки довоенных газет, то непременно встретите фамилию Артемьевых и в коротких отчетах, и в специальных репортажах, и в маленьких теплых очерках.

Пожалуй, не меньшей славой пользовался и младший из Артемьевых – Сергей. Придя в двадцатилетнем возрасте в знаменитый клуб «Пищевик» (где тогда еще выступал Петр Тимофеевич) весной 1928 года, Сергей с успехом выступал за эту прославленную команду (менявшую до поры до времени имя то на «Дукат», то на «Промкооперацию», то на «Мукомолы»). Он был среди тех, кто вышел в первый боевой состав московского «Спартака».

Осенью 1936 года московский «Спартак» впервые написал на своем знамени гордое и почетное имя – чемпион Советского Союза. Среди тех, кто принес клубу эту большую победу, был и Сергей Артемьев. Он разделил счастье победы вместе со своими товарищами – молодыми, но опытными Анатолием Акимовым, Иваном Рыжовым, Александром,

Андреем и Петром Старостинными, Виктором Соколовым, Георгием Глазковым, Станиславом Леутой и многими другими.

Уже одно перечисление этих имен говорит о том, какими первоклассными силами располагал тогда клуб. Кажется, ничего не стоило затеряться в подобном созвездии. Но нет, даже в данном варианте спортивные обозреватели, тренеры, крупнейшие специалисты футбола неизменно отличали в боевом строю красно-белых правого полузащитника – Сергея Артемьева.

Я уже не раз обращался к высказываниям Михаила Ромма – человека, еще в далекие дореволюционные годы игравшего за сборную России, а затем ставшего Журналистом, крупным, интересным литератором. Осенью 1936 года в очерке, посвященном чемпионскому восхождению «Спартака», он писал: «Есть люди удивительной судьбы: они не очень примечаются зрителям на зеленом поле, они не вызывают вдохновения у журналистов, потому что не забивают звонких голов и не совершают головокружительных бросков, т. е. не совершают действий, бросающихся в глаза. Только истинные специалисты смотрят на таких людей с искренним восхищением, иногда с завистью, потому что видят – в огромной черновой работе, которую проделывают эти люди за время матча, в их творческом бескорыстии, в их удивительной настойчивости, понимании игры, постоянном создании возможностей для других и состоит ударная сила команды, подлинный фундамент ее побед. К таким игрокам я лично отношу правого хавбека «Спартака» Сергея Артемьева».

Думаю, что любой футболист мог бы гордиться подобной характеристикой.

С тридцать шестого года я был завсегдатаем московских стадионов. Вот почему имею право поделиться своими личными воспоминаниями об игре Артемьева-младшего.

Как и многие другие футболисты той поры, он имел кличку – и это значило, что публике он не безразличен, что она выделила его в общей массе спортсменов, признала своим, близким, «заметным» в тех поединках, которые ведутся на зеленом поле.

Сергея называли любовно и уважительно «Слон», видимо, за то, что сражался он всегда азартно, горячо, но не резво, двигался по полю скорее медленно, чем быстро, действовал деловито, с какой-то хозяйской серьезностью. Был он удивительно мудр тактически.

– Серега – человек с понятием, игру он чувствует прекрасно, – говорили о нем на трибунах.

И в самом деле он невероятно тонко чувствовал, кому и когда именно надо отдать пас, как вывести на ударную позицию того или иного нападающего. Он досконально знал скоростные, технические и тактические возможности каждого партнера и всегда учитывал их с максимальной предусмотрительностью: скоростнику «выложит» мяч на свободное место, за спину защитника, предложит сыграть на рывке; тому, кто свободно обращается с мячом на «пяточке», не побоится сделать кинжальную передачу в ноги даже тогда, когда рядом вплотную стоит его страж, а с тем, кто не любит (да и не умеет) финтовать, сыграет в стенку и таким манером пройдет оборонительный рубеж.

– Легко и приятно играть с Сергеем, – неизменно говорили о нём товарищи по команде, его неизменные боевые друзья. Очень часто его, может быть, не очень эффектная с виду, но чрезвычайно эффективная игра находила отклик у болельщиков на страницах печати, в отчетах и корреспонденциях.

В 1937 году, после своей блистательной победы над басками, московский «Спартак» получил право представлять нашу страну на футбольном турнире III Мировой рабочей олимпиады, которая проходила в Антверпене. Состав участников этого состязания оказался крайне неоднородным. Наряду с явно слабыми здесь оказались коллективы, имеющие подготовку на уровне высокого международного класса. Особенно «тяжелые бои» пришлось вести москвичам в полуфинале и финале.

В полуфинале жребий свел «Спартак» с очень сильной, сплоченной, волевой командой, представлявшей республиканскую Испанию. В ее составе были настоящие мастера своего дела, футболисты очень техничные, физически сильные, а порою – слишком резкие... Поединок с

ними был выигран ценой огромных усилий с минимальным перевесом – 2:1!

На следующий день в специальном выпуске газеты «Рабочая олимпиада» этой встрече была посвящена одна из полос. В отчете, подписанном тренером французской команды Франсуа Менье (кстати, проигравшей нашим ребятам со счетом 1:7), говорилось: «Советские товарищи проявили вчера на поле высокое мастерство, ставящее их в один ряд с сильнейшими командами континента, а также поражающую выдержку... Среди отдельных игроков мне бы очень хотелось отметить полузащитников, особенно поистине неутомимого и мудрого Сергея Артемьева. Первый гол в ворота каталонцев, во многом предрешивший исход борьбы, был забит Георгием Глазковым, но, бесспорно, соавтором его является советский правый хав»... Были в этой рецензии даны очень лестные оценки и другим игрокам «Спартака», в частности Андрею Старостину, но французский тренер посчитал необходимым прежде всего выделить нашего героя.

Если внимательно перелистать подшивки довоенных лет, то в разных советских газетах, под разными подписями найдешь немало заметок, где воздается должное этому мастеру.

Сергей Артемьев «вошел в силу» уже тогда, когда советский футбол получил современные организационные формы, переживал пору буйного расцвета. И Сергей Тимофеевич в этих условиях принес новую и большую славу в дом – трехкратный чемпион страны, двукратный обладатель Кубка СССР, чемпион III Мировой рабочей олимпиады в Антверпене. Право же, можно было гордиться таким блестящим перечнем достижений, к которым он пришел со своей родной, неповторимой командой.

Увы, тяжелая болезнь и безвременная смерть вырвали его из жизни. Но он на долгие годы останется в памяти любителей футбола большим, настоящим мастером этой великолепной игры.

В те же, тридцатые, годы фамилия Артемьевых звучала на футбольных и хоккейных полях Ленинграда. В городе на Неве выступал в составе знаменитой «Красной Зари» (а иногда и сборной) еще один из

пяти братьев – Тимофей. Начинал он тоже, конечно, на Красной Пресне, играл в «Пищевике», пользовался известностью и авторитетом у московских зрителей.

В 1927 году – ему тогда исполнилось двадцать четыре года – призвали Тимофея на военную службу. Стал он военным моряком, черноморским, а потом и балтийским подводником. На юге неоднократно выступал в команде Одессы, потом, переехав на Север, вошел в ленинградский футбол.

Играл он в линии атаки, на месте центрального нападающего, и этим во многом объясняется то, что его бесспорно высокому мастерству не всегда уделялось должное внимание. Более того, оно иногда и довольно резко критиковалось. Причина? Ее увидеть нетрудно: ведь эталоном центрального нападающего для ленинградцев был в ту пору великолепный, ни с кем не сравнимый Михаил Бутусов. Прямо скажем, трудно было с ним тягаться в славе и мастерстве. И если даже при такой «крайне невыгодной» ситуации имя Артемьева звучало в ленинградском и всесоюзном футболе достаточно громко и убедительно, то это лишь подтверждает уже сделанный нами вывод, что он был вполне достоин своей гордой и уважаемой фамилии.

16 июня 1936 года. Матч против будущего чемпиона страны столичного «Динамо». Москвичи играют с блеском и выигрывают 5:1. В отчете читаем: «Среди гостей можно выделить, пожалуй, лишь одного Тимофея Артемьева, показавшего агрессивную игру, проявившего много настойчивости. Кстати, именно его сильнейший удар помог «Красной Заре» уйти от «сухого счета».

Вот описание матча на Кубок СССР между очень сильными в ту пору динамовцами Ростова-на-Дону и «Красной Зарей»: «Победили северяне со счетом 2:1. Оба мяча в ворота ростовчан влетели после ударов Артемьева». Буквально через несколько дней он же приносит своему коллективу победу в трудном поединке одной восьмой финала Кубка СССР против московских автозаводцев. Счет 1:0. Тимофей Артемьев провел этот единственный мяч после отличного сольного прохода.

Попутно отметим, что очень и очень часто мелькала его фамилия – с самыми лестными эпитетами – в отчетах о хоккейных сражениях. Матч 10 февраля 1937 года против архангельского «Моряка». Корреспондент ленинградской газеты пишет: «На седьмой минуте Артемьев открывает счет, на двадцать пятой – удваивает его. На новом для себя месте – правого полусреднего – этот форвард прекрасно проявил себя...». Такие же высокие отзывы давала ему пресса после матчей с московским «Динамо» и многих других.

Сейчас Тимофей Тимофеевич живет в Алма-Ате, недавно (в 1968 году) ему исполнилось шестьдесят пять лет, но он по-прежнему бодр, активен и горячо любит футбол.

Пятый из братьев – Георгий Тимофеевич (или Егорыч, как звали его любовно многочисленные болельщики) – тоже оставил заметный след в истории футбола. А после войны любители футбола слышали имя Виталия Артемьева – сначала игрока команды ВВС, а затем бессменного на протяжении многих лет капитана московского «Локомотива». Как и его отец – Сергей Тимофеевич, – Виталий играл на месте правого полузащитника. Играл свежо, талантливо, с подлинным мастерством. А сейчас он тренирует молодежную экспериментальную сборную команду страны, выступающую под флагом «Буревестника».

Когда-то, в середине двадцатых годов, квартира Артемьевых на Красной Пресне была настоящим штабом футбольной Москвы. Здесь решались многие важнейшие организационные вопросы, обсуждались планы предстоящих сражений, просто устраивались теплые, дружеские встречи. На них бывали и футболисты, и болельщики. Пришел сюда однажды и молодой художник Сергей Пименов. Он оставил о себе память: рисунок, на котором пять братьев изображены скачущими вперед на оседланных ими... мячах. Под дружеским шаржем стояла подпись: «Сюда приходим мы не зря: здесь в каждом всаднике узришь богатыря».

Прошли годы, и время превратило добрую шутку в гордую правду: Артемьевы стали истинными богатырями отечественного футбола.

Легенда седьмая, в которой говорится о том, как мужество спортсмена вырастает в мужество патриота

У каждого из нас есть «свой», неповторимо дорогой и любимый, город – тот, где мы родились, где прошло наше детство, город, с которым связаны самые светлые воспоминания и самые радужные мечты.

Но есть города, которые дороги абсолютно всем, которые носишь в сердце и землю которых считаешь священной. Для меня, как и для миллионов советских людей, таким городом прежде всего был, есть и будет Ленинград. Каждый раз, когда удается приехать сюда, испытываешь чувство необычайной восторженности и взволнованности. «Минувшее проходит предо мною» в своем сказочном величии. Спешешь ли по делу, едешь ли с друзьями отдохнуть, тебя ни на минуту не оставляет ощущение, что каждый твой шаг – шаг человека, идущего по истории, встречающегося с историей. История нашего государства, история нашей партии, нашей революционной борьбы, история нашего искусства, древнего и прекрасного, как мир, – с каждой из них ты ежеминутно, ежечасно встречаешься здесь лицом к лицу...

Ну и, конечно, нынешний Ленинград – в прошлом создатель спортивной славы нашей Родины, а ныне ее ревностный хранитель – неизменно открывает перед вами все новые и новые страницы книги, название которой «Русский спорт». Вот дом, где и поныне живет первый капитан первой сборной России по баскетболу знаменитый Васильев. Вот гавань, где давным-давно поднял свой флаг первый в стране яхт-клуб... Вот неказистое с виду здание с тремя орденами на фронтоне, где начал свое существование первый не только на Руси, но и во всей Европе институт физической культуры...

Но, пожалуй, самые приятные минуты испытываешь при встрече со старыми питерцами – ветеранами нашего спорта. Вот у кого стоит поучиться поистине бережному, любовному, я бы даже сказал, благоговейному отношению к истории и друг к другу. Они готовы часами рассказывать вам о былых встречах, об интересных деталях, причем помнят это лучше, чем нынешняя молодежь матчи, сыгранные год-другой назад.

Должен поблагодарить судьбу за то, что зимой и весной пятьдесят восьмого года она свела меня с Михаилом Павловичем Бутусовым. Мы познакомились, когда я приехал готовить материалы к

шестидесятилетию нашего футбола. Знаменитый форвард охотно согласился написать статью для «Советского Флота», долго беседовал со мной. Однажды он сказал:

– Ты человек военный, написал бы о братьях Шелагиных – Евгении и Борисе.

Я сказал ему тогда, что прекрасно помню эту фамилию, мелькавшую до войны в газетных отчетах, Бориса видел однажды на зеленом поле стадиона, но больше ничего не знаю.

– А что, очень хорошие футболисты были? – спросил я Михаила Павловича.

– Да, футболистами они были хорошими, играли добротнo, уверенно, а Женя – тот, можно сказать, вообще был мастером высокого класса. Но дело, понимаешь, не в этом. В Ленинграде, особенно в довоенные годы, было немало хороших игроков. Эти Шелагины оказались выше нас всех. Понимаешь, выше всех. Как только грянула война – сумели сразу забыть о футболе, о билетах мастеров, о броне. Ушли на фронт как герои, как настоящие патриоты. И погибли как герои.

С тех пор прошло десять лет. Не однажды за это время доводилось мне приезжать в город на Неве, немало встреч было у меня с другими известными мастерами кожаного мяча, и почти всегда речь заходила о Шелагиных, и всегда – именно в том плане, который избрал для нашего с ним памятного разговора в пятьдесят восьмом Михаил Павлович. Слушая теплые слова о Шелагиных из уст людей самых различных возрастов, я думал: а ведь они в какой-то степени стали футбольной совестью Ленинграда наряду с тысячами других спортсменов города на Неве, героически сражавшихся за Родину, зримым, ярким примером беззаветного служения народу, готовности к труду и обороне.

Вот тогда я и начал собирать сведения об этих замечательных ребятах, о футбольной семье, покрывшей себя славой настоящих бойцов на зеленом поле и на поле брани.

Нужно сказать сразу, что удалось мне, увы, не очень многое. Родственники и родные знаменитых братьев, говорят, выехали из Ленинграда, друзья помнят их игру, но не помнят биографии.

Я начал обращаться к людям, знавшим Шелагиных, непосредственно с ними игравшим, но, увы, далеко не у всех такая отчетливая память, как у восьмидесятидвухлетнего Валентина Васильевича Сысоева. Обратился к подшивкам газет – центральных и ленинградских. Все, что мне удалось узнать из них, все, что мне рассказали о Шелагиных люди, характеризует их как настоящих спортсменов в самом высоком смысле этого слова.

Все началось со старшего брата – Бориса. Он первый, еще мальчишкой, влюбился в футбол – благо жили Шелагины неподалеку от стадиона «Динамо» – крупного в то далекое время спортивного центра Ленинграда. Сначала ходил смотреть, как играют знаменитости, а затем – в двадцатых годах – был принят в основной состав «Динамо», где выступал больше двенадцати лет подряд.

Я листаю свои блокноты и слышу голоса различных людей, ведущих свой непрерывный рассказ о старшем из этой замечательной семьи.

– Бориса Шелагина помню прежде всего как хоккеиста, – говорил мне еще десять лет назад, при жизни, Михаил Павлович Бутусов, перечисляя всех своих знаменитых товарищей. – Мы с ним немало по льду поносились. Был он очень вынослив, прекрасно бегал на коньках, очень точно рассчитывал пас, видел поле.

Трудно выделить какой-либо матч: я не помню, чтобы Борис играл плохо, вяло, неряшливо. Мне он прежде всего нравился именно тем, что всегда играл, а не работал.

Словно присоединяется к этому высказыванию обозреватель газеты «Спартак», выходявшей в городе на Неве до начала Великой Отечественной войны. В одном из отчетов, посвященных матчу на первенство города между командами «Динамо» – «Инфизкульт», говорится следующее: «Встреча, которую ожидали с большим интересом, закончилась вничью – 1:1. У динамовцев гол забил Б.

Шелагин. Но дело не только в этом. Вчера он, несомненно, был лучшим из всех двадцати двух игроков. В отсутствие Михаила Бутусова Шелагин умело возглавил линию атаки и все время игры держал защиту соперников в напряжении. Этому, безусловно, способствовало его высокое индивидуальное мастерство».

Вот на первой полосе газеты «Спартак» за 1936 год большое фото – спортсмен в лыжном костюме и шапочке точит коньки. Под фото подпись: «Борис Шелагин – один из лучших хоккеистов нашего города».

– В хоккее он играл добротнo, – подтвердил потомственный питерец журналист Илья Николаевич Гончаров, перед глазами которого прошла вся довоенная и военная жизнь Ленинграда. Особенно удивлял Борис Шелагин в первой половине тридцатых годов. Тогда о его мастерстве говорили с восхищением. И в самом деле, не было ни одной игры – ни нашей внутренней, ленинградской, ни междугородной (Борис Шелагин входил в состав сборной города и по хоккею и по футболу), – где бы он не отличился – не забил гол или не содействовал этому. Мне самому в ту пору неоднократно приходилось писать о его прорывах, сильных, сокрушающих ударах, тонких комбинациях.

Во второй половине тридцатых годов Борис несколько погрузнел – сказались годы и, может быть, не совсем точное соблюдение режима – тогда никаких сборов не устраивали, жили все по домам – и потерял скорость. Но почти до самой войны я видел его на поле, в составе мастеров ленинградского «Динамо». Его ставили в состав рядом с молодежью – ставили за опыт, за игровую мудрость, за несомненный талант руководителя атаки. И почти всегда Шелагин оправдывал возлагавшиеся на него надежды.

Илья Николаевич Гончаров еще долго говорил мне о Борисе Шелагине, с которым был близко знаком. Он описал его портрет: открытое, светящееся добром лицо, густые брови, нависшие над глазами, широкий лоб, закрытый справа небольшой челкой, ладно сбитая фигура. Необыкновенная подвижность. И – полное неумение молчать. Этот человек всегда что-то рассказывал и доказывал, с кем-то горячо спорил... Живой, жизнерадостный, энергичный – настоящий Человек и на поле, и в жизни.

Заметный след оставил Борис Шелагин и в ленинградском футболе. Друг и современник Михаила Бутусова, Павла Батырева, он несколько уступал им по классу, не был «звездой» первой величины, но тем не менее каждый ленинградец, знавший и любивший футбол, не мыслил его без этого человека. Если я сказал, что он уступал в искусстве Бутусову и Батыреву, то прошу принять эти слова скорее как похвалу, нежели как упрек. Не много найдется в нашем спорте людей – и тех, что уже сошли, и тех, кем мы восхищаемся сейчас, – которые могли бы встать рядом с этими поистине непревзойденными мастерами.

Уступая им, Борис Шелагин был в жизни и остался в памяти настоящим игроком, спортсменом высокой индивидуальной техники, агрессивным, смелым форвардом. Его никак не назовешь футбольным «троечником» – он всегда выделялся, всегда был заметен, а очень часто становился премьером спектакля, разыгрываемого на зеленом поле. О его незаурядности лучше всего говорит тот факт, что в период с 1926 по 1934 год Борис неоднократно включался в состав сборной Ленинграда, а тогда этот город, не в пример сегодняшнему дню, был удивительно богат на футбольные таланты и «пробиться» в сборную было делом не легким.

Достаточно вспомнить лишь несколько примеров из жизни Бориса, чтобы стало ясно: это был игрок незаурядный. Ну, взять хотя бы год 1933-й. В город на Неве приехала сборная Турции. Два сезона назад – в тридцать первом – гости в упорной борьбе проиграли матч (4:5) и теперь не скрывали своего намерения взять реванш. Они привезли свой боевой состав, готовились к упорной борьбе.

В начале состязания казалось, что им удастся осуществить свой замысел: несмотря на отличную игру известного у нас в то время Шореца, в сетку хозяев поля влетает сначала один, а затем и другой гол. 2:0!

«Создалось критическое положение для нашей команды, – рассказывает газетный отчет. – Но ленинградское нападение нашло в себе силы переломить ход поединка. Усилиями Бориса Шелагина, вбившего два неотразимых мяча, оно уравнило счет. В итоге получилась ничья – 2:2!...»

Спортсмен, которого поставили в линию атаки сборной города, считавшейся тогда одним из лидеров советского футбола, – уже игрок большого класса. Ну, а если этот игрок способен в острейшей ситуации взять на себя роль дирижера, забить два мяча в сетку национальной сборной, признававшейся тогда очень сильной, готовившейся к участию в первенстве мира, то... То мы непременно должны признать, что старший из Шелагиных исполнял заметную роль в футбольной жизни своего родного города.

Вернемся на несколько лет назад. 1930 год. 21 июня. Город на Неве принимает у себя сборную Москвы. Встречи команд двух столиц проходили всегда в ожесточенной, красивой, волнующей борьбе, приковывали к себе внимание всей страны.

Гости привезли свой лучший состав – Филиппов, Александр Старостин, Пчеликов, Егоров, Андрей Старостин, Леута, Николай Старостин, Иванов, Исаков, Павлов, Ильин, В свою очередь, и хозяева собрали все лучшее, чем располагали: Соколов, Топталов, Корнилов, Попов, Батырев, Беляков, Григорьев, Ивин, Бутусов, Шелагин Б. и Зябликов.

Первый тайм москвичи, игравшие с необыкновенным подъемом, закончили со счетом 3:0. Запахло небывалым разгромом. «И тут, – пишет свидетель этого памятного поединка, – произошло «чудо». Начал его на восьмой минуте прекрасно игравший в течение всего состязания Шелагин. Бутусов издали ударил по воротам. Филиппов отбил мяч к углу штрафной, но набежавший Шелагин с лета послал мяч в правый верхний угол. Удар был настолько сильным, гол таким красивым, что, по-видимому, стал психологической встряской для хозяев поля. Они заиграли и сквитали еще два мяча – случай, доселе невиданный в практике подобных встреч».

Два примера из футбольной биографии Бориса Шелагина, приведенные здесь, показывают нам одну из очень важных черт его спортивного характера: высокую психологическую устойчивость, боевитость духа, умение сражаться до конца. Это качество он неизменно проявлял во всех футбольных сражениях, в которых участвовал.

В то, теперь уже далекое, время необычайно интересно и остро проходил в Ленинграде чемпионат города. В играх первых команд неизменно принимали участие все ведущие футболисты, они привлекали большое число зрителей – большее, чем сегодня иные игры на первенство СССР.

Борис Шелагин с первого до последнего дня связал свою судьбу с ленинградским «Динамо». Команда эта считалась одной из сильнейших в городе. В том же, тридцатом, году она очень удачно провела турнир и пришла к финишу без единого поражения. Только одни победы имела и команда «Пищевик», где в центре нападения выступал тогда сам Михаил Бутусов. Поединок между ними должен был решить, кто станет победителем среди первых команд.

«Встреча вызвала большой интерес, посмотреть ее пришли 20000 ленинградцев, – читаем мы в вышедшей в ту пору газете «Спартак». – Повел в счете «Пищевик» – мяч с подачи Егорова вбил Михаил Бутусов. Но этот успех оказался временным, так как Шелагин почти подряд забивает в ворота «Пищевика» два мяча. Счет 2:1 в пользу «Динамо» сохранился до конца». . . Порассуждав о тактике обеих сторон, назвав все бросившиеся ему в глаза ошибки, автор перешел к оценке мастерства, показанного участниками матча. «У победителей, – провозглашает он, – великолепно играли Батырев и Шелагин». Должен сказать, что в ту пору заслужить такую оценку в ленинградской прессе было очень тяжело.

Именно великолепная, самоотверженная, всегда исполненная большого чувства ответственности игра Бориса Шелагина долгие годы обеспечивала ему место в сборной родного города. В ее составе он играл против Москвы и Харькова, Киева и Тбилиси, против национальной сборной Турции, принял участие в десятках других международных матчей.

1936 год в истории советского футбола отмечен «революцией» – начался розыгрыш первенства страны между клубными командами. Борис Шелагин к тому времени уже постарел, погрузнел, но все же еще сохранял былое мастерство. Три сезона выступал он за команду мастеров ленинградского «Динамо», играя против своих московских, тбилисских, киевских одноклубников и других сильнейших команд страны.

Наступил тридцать девятый год. В коллектив мастеров влилась талантливая молодежь, шло обновление состава, и ветерану Борису Шелагину пришлось уступить свое место. Тут-то и сказала одна из замечательнейших его черт: горячая влюбленность в футбол, желание играть, где только можно приносить пользу своему спортивному обществу. Иные знаменитости, увидев, что им уже нет места среди самых лучших, решительно уходили на покой. Борис Шелагин без раздумья перешел из команды мастеров в первую клубную и выступал за нее в играх на первенство Ленинграда вплоть до начала Великой Отечественной войны. Причем многие его выступления здесь отмечены печатью большого таланта и вдохновения.

Помнится горячее лето тридцать восьмого года. Я приехал в Ленинград, бродил по его проспектам и улицам, по его достопримечательным местам. Конечно, пошел и на стадион имени В. И. Ленина. Просто так – посмотреть (в чемпионате страны наступил тогда небольшой перерыв, игр в Ленинграде не ожидалось). Каково же было мое удивление, когда я увидел, что у входа – толпа, всюду торгуют кассы. Оказалось, что мастера ленинградского «Динамо» проводят товарищеский матч со своей клубной командой. Состязание было платным: кажется, весь сбор шел в пользу испанских беженцев.

Конечно, я оказался на трибунах. И не пожалел – поединок вышел на редкость волнующим, острым. Теперь я вдвойне рад, что забрел тогда на стадион: это был единственный случай, когда мне довелось увидеть Бориса Шелагина. Он играл великолепно, действовал в линии нападения агрессивно, я бы сказал, просто яростно, и забил мастерам три гола. Матч так и закончился со счетом 3:0 в пользу клубной. Особенно памятен мне второй мяч: Борис принял передачу из глубины, на полной скорости обошел одного защитника и, не обрабатывая мяча, не ожидая, пока следующий игрок бросится ему наперерез, метров с восемнадцати ударил. Мяч со страшной силой пролетел под планкой и вздыбил сетку.

– Молодец, Шелагин!

– Отлично, Боря! – закричали на трибунах.

Что ж, он действительно в тот день играл отлично и забивал отлично. И таких дней в его спортивной жизни было немало.

Евгений, средний из трех братьев Шелагиных, разумеется, и любви к футболу, и мастерству футболиста учился у Бориса, а «шлифовал» свои навыки – сначала гоня мяч со своими сверстниками-мальчишками, потом – в детской футбольной школе ленинградского «Динамо», куда он был принят по конкурсу в двенадцать лет.

Поначалу, как и старший брат, Евгений стал членом динамовского коллектива. Начал с низших ступенек, но очень скоро, проявив недюжинные способности, был выдвинут в первую клубную.

Передо мной весенние номера журнала «Спартак» (ставшего потом газетой), в котором написано следующее: «У «Динамо» прекрасная Центровая тройка – Шелагин I, Бутусов, Шелагин II – самая сильная сейчас в Ленинграде». 13 мая именно эта тройка выступила в тренировочном матче за первую сборную Ленинграда (против второй).

Через несколько дней, в день торжественного открытия очередного сезона, на стадионе им. В. И. Ленина вновь встретились Ленинград I – Ленинград II. На этот раз братьев «разъединили» – Евгений выступал за вторую команду.

«Матч двух сборных, – читаем мы в отчете, – закончился в пользу второго состава. У победителей лучшим был Е. Шелагин, забивший два гола из трех» (общий счет 3:2).

В поединке сборных Ленинграда и Москвы (3:1) Евгений на этот раз не участвовал. Через день против гостей выступило «Динамо» со своей центральной тройкой – с Бутусовым в середине и двумя братьями Шелагиными на местах полусредних. Москвичи отчаянно жаждали победы, но и этот матч выиграли ленинградцы – 2:1. Оба мяча забил Евгений Шелагин, причем победный – с отличного паса своего брата.

Свой первый сезон в составе мастеров ленинградского «Динамо» Евгений провел очень хорошо, уверенно, заявив о своем несомненном футбольном таланте. И вот уже на следующий сезон – сезон 1932 года – мы видим его в когорте лучших футболистов города. Когда в июне в

гости к спортсменам Северной Пальмиры прибыли киевляне, газета «Спартак» сообщила: «В итоге тщательного отбора на игре с Киевом за Ленинград будут сражаться Савинцев, Юденич, Лабут, Попов, Батырев, Петров, Григорьев, Шелагин Е., Бутусов М., Елисеев, Кусков». Счет был 7:2 в пользу хозяев. Шестой гол в ворота киевлян забил дебютант сборной Шелагин. Так он открыл свой лицевой счет «сборника».

21 июня 1932 года в Ленинграде был один из тех дней, которые мы называем днями большого футбола – местная сборная в очередном «матче чести» играла против сборной Москвы. Первый тайм окончился в пользу гостей – 1:0. Сразу же после перерыва ленинградцы получают право на одиннадцатиметровый, но явно не совладавший с нервами Попов бьёт мимо. Настроение падает, а тут еще грубая ошибка защиты, и счет уже 0:2.

И тут, «повторяя» характер старшего брата, Евгений Шелагин, приняв острую передачу от Григорьева, неотразимо бьет в нижний угол. Гранаткин, вратарь Москвы, в броске, но сделать ничего не может. А через некоторое время уже Шелагин выводит в прорыв Кускова, и Ленинград спасает игру – 2:2.

Именно этот матч, всегда служивший генеральным экзаменом для обеих сторон, дал повод спортивному обозревателю написать: «Вся передовая линия Ленинграда очень сильна в настоящее время и чрезвычайно опасна для любого соперника. Она обеспечивает успех команде». А ветеран нашего футбола Василий Бутусов, поместивший рецензию на матч в другой газете, прямо отмечал: «Появление Евгения Шелагина в линии нападения придало ей два очень важных качества – азарт и стремительность. А знатоки понимают, что эти качества часто оказываются решающими для победы».

Эта оценка знаменитого земляка полностью подтвердилась во время матча трех городов – Москва – Ленинград – Харьков, в программу которого входил и футбол. Евгений Шелагин вновь в составе сборной своего города, причем обозреватели не только ленинградских, но и столичных газет единодушно «заметили» появление этого новичка, отмечая его быстроту и добротную техническую подготовку. Особенно хорошо он проявил себя во встрече с Москвой, которую ленинградцы

выиграли со счетом 3:2. Александр Старостин, призывая все свое искусство, весь опыт, несколько раз с большим трудом ликвидировал прорывы молодого, быстрого Евгения Шелагина.

Несомненно, что это была пора яркого расцвета таланта Евгения. К дарам молодости – быстроте, подвижности, выносливости – он добавлял очень высокую индивидуальную технику, тонкое понимание игры, особенно выбора места, что, в сущности, и определяло его высокую результативность.

Мне думается, что если бы Евгений Шелагин остался в ту пору в родном городе, продолжая выступать в близкой, понятной среде – в «Динамо» и сборной города, он бы очень быстро выдвинулся в число ведущих мастеров кожаного мяча не только у себя, на берегах Невы, но и во всей стране. Но Евгению пришлось покинуть Ленинград – он был призван на службу в Красную Армию и был направлен в одну из танковых частей. Отлично освоил боевую машину, участвовал в маневрах... Здесь же, в войсках, началось его второе футбольное восхождение – сборная дивизии, сборная округа, а потом – команда мастеров Центрального Дома Красной Армии. В составе этого знаменитого ныне клуба он провел первый сезон чемпионата страны, выступая на непривычном и не очень любимом для себя месте центрального нападающего.

Коль скоро я сказал, что амплуа центрфорварда было не очень любимо им, надо постараться доказать это. И тут приходит на помощь... сам Евгений. В одном из писем друзьям из ленинградского «Динамо» Шелагин писал, что центрфорвард при «дубль-ве» похититель чужих идей, «механический молот, вбивающий голы», а инсайды – творцы, создатели игры. В этой формулировке – существо его характера – живого, не умеющего брать чужое, устремленного вперед, зараженного жаждой поиска. Таким его знали товарищи, таким он остался в памяти всех, кому довелось с ним встречаться.

Творческая цельность проявилась и еще в одном его поступке. Вернувшись после демобилизации в Ленинград (о том, чтобы жить в любом другом городе, он и слышать не хотел), Евгений увидел, что линия нападения «Динамо» укомплектована двумя прекрасными

полусредними – братьями Дементьевыми. Ему предлагали другие места, наконец, обещали, что будет играть инсайда, дублируя одного из братьев (тем более, что в момент приезда Шелагина Пека был очень тяжело травмирован), но Евгений сказал тогда Михаилу Павловичу Бутусову, перешедшему на тренерскую работу:

– Хочу играть так, чтобы не мешать никому и чтоб мне никто не мешал. Для меня игра всегда есть игра – и ничего больше.

Так очутился Евгений в команде мастеров ленинградского «Спартака», в которой он и прошел свой не очень долгий, но яркий путь спортсмена. Здесь, в «Спартаке», окончательно утвердилась за ним слава неутомимого бомбардира, одного из тех, кого мы называем снайперами советского футбола.

Вероятно, самым знаменательным днем в его футбольной биографии (знаменательным не только для него, но и для всех нас) стал день 16 июня 1938 года. В матче на первенство страны «Спартак» (Ленинград) – «Буревестник» (Москва) (оба коллектива выступали тогда по классу «А») был зафиксирован разгромный счет 6:0! Пять из шести мячей в ворота соперников забил великолепно, с небывалым подъемом игравший Евгений Шелагин. Тем самым он стал обладателем рекорда чемпионатов страны – ни один игрок команд мастеров класса «А» ни до него, ни после (до сегодняшнего дня) не забивал в одном матче столько мячей. Уже одним этим фактом, этим несомненным спортивным подвигом он обеспечил себе футбольное бессмертие.

Да, то, что произошло в том незабываемом матче, явилось вершиной его творчества – вершиной, но не исключением. Статистики подсчитали, что вплоть до 1940 года Евгений в каждом двух матчах обязательно забивал по одному голу, т. е, имел результативность (среднюю) 50 процентов. Если принять во внимание, что все это были игры чемпионатов, где борьба велась особенно острая, где каждый гол измерялся большой ценой, надо признать, что такие показатели являются выражением мастерства экстракласса. Такой «производительностью» на зеленом поле могут похвастаться считанные нападающие за всю историю отечественного футбола.

Давайте перенесемся на три десятилетия назад, посидим на трибунах и посмотрим, как ведет себя на поле этот мастер кожаного мяча.

Играют земляки – «Динамо» и «Спартак». Стадион переполнен, идет острая борьба, острые моменты возникают то у одних, то у других ворот. Во время одной из атак бело-голубых защита «Спартака» допускает недозволенный прием. Одиннадцатиметровый. 1:0!

Казалось бы, этот гол, пропущенный после долгих минут утомительного и равного единоборства, надломит команду. Но Евгений ведет своих ребят вперед: «...спартаковцы заиграли особенно остро, организовали сильное давление. Прошло всего четыре минуты, и Шелагин сильнейшим ударом проводит ответный мяч. Счет 1:1 не изменился до конца».

Через несколько дней новое испытание – к ленинградским спартаковцам приехали их московские одноклубники, команда, по существу, не имевшая себе в сезоне 1938 года равных, два года подряд делавшая «дубль» – выигрывавшая Кубок и первенство страны. Команда, где собралось целое созвездие выдающихся футболистов.

Ленинградцы оказали своим грозным соперникам ожесточенное сопротивление, игра, по всеобщему мнению, была на редкость интересной, увлекательной, стала ярким событием спортивной жизни. Во всех справочниках Советского Союза отмечен ее результат – 1:0 в пользу москвичей. Но все, кому довелось тогда быть свидетелем этого поединка, до сегодняшнего дня утверждают, что счет этот не соответствовал действительности. Гол в ворота москвичей был забит, и забил его не кто иной, как Евгений Шелагин. Вот при каких обстоятельствах. Во время одной из очередных атак ленинградцев Евгений ворвался в штрафную и, оказавшись в выгодной позиции, приготовился к удару. Оттянувшийся на оборону ворот Андрей Старостин, видя безнадежность положения, подправил мяч рукой, но Евгений мгновенно среагировал и, теперь уже не с правой ноги, а с левой, неотразимо забил гол. Под самую планку – 1:1!

Мы вскочили со своих мест, приветствуя эту яростную, так блестяще завершившуюся атаку, но судья Дмитриев показал, что... гола

нет. Оказывается, он свистнул, когда Старостин сыграл рукой, и велел бить штрафной (именно штрафной, а не одиннадцатиметровый). Долго бушевали страсти на трибунах, но... приговор футбольных судей, как правило, обжалованию не подлежит. И, несмотря на то, что вся спортивная пресса отметила тогда эту грубую ошибку Дмитриева, счет 1:0 остался неизменным.

Пресса единодушно отметила блестящую игру нашего героя: «В течение всего матча Евгений Шелагин, лидер атак ленинградцев, неудержимо рвался вперед. Защите гостей, кстати сейчас сильнейшей в стране, пришлось затратить немало усилий, чтобы сдержать натиск этого агрессивного, техничного и, кажется, не знающего, что такое усталость, форварда». Через несколько дней великолепный удар Евгения Шелагина с двадцати метров решает в пользу «Спартака» исход его поединка с тбилисским «Локомотивом». Удар был так силен, что вратарь Шудра даже не среагировал на него.

В течение трех сезонов он был неизменным лидером своей команды, футболистом, которого знала и уважала страна. С большим почтением вспоминают о нем сегодня заслуженные мастера спорта Старостин, Акимов, Тетерин. А герой обороны Сталинграда, мастер спорта, знаменитый вратарь «Трактора» Ермасов, когда я спросил его о Шелагине, ответил:

– Ну как же не помнить?! Электричества в нем было много. Всегда был этот парень заряжен на удар, на атаку. Такие не забываются.

Действительно, не может быть забыт, бесследно исчезнуть из памяти человек, который отдал нашему футболу, нашему спорту всю страсть души, весь задор юности.

Среднего роста, всегда подтянутый, аккуратный, с высоким, открытым лбом и неизменным «ежиком» волос, со своим добродушным взглядом, он до сих пор стоит перед глазами как живой. Не могу да и не хочу представлять его другим.

Третьим в этой славной футбольной семье был Валентин – самый молодой и самый неугомонный из Шелагиных. Однажды его спросили, как он стал футболистом. Валентин ответил:

– Простите, а кем я мог стать иным, имея двух таких братьев?!

Действительно, в становлении спортивного характера и футбольного мастерства этого парня решающую роль сыграли Борис и Евгений. Младший брат учился у них мастерству, учился серьезному и обязательному отношению к тренировкам, технике, режиму.

Биография Валентина очень несложна, очень проста и вместе с тем прекрасна, как биография любого советского юноши, жившего в тридцатых годах. Увлеченный пафосом созидания, он идет на завод – сначала на Кировский, потом на Ленинградский механический, ныне носящий имя XXII съезда КПСС.

Недавно мне попала на глаза изданная в середине тридцатых годов книга «Ленинград в боях за ГТО». Это отнюдь не художественное произведение, не сборник очерков, написанных досужими авторами. Это – боевые рапорты молодежи города Ленина своему народу, своей Родине о том, как закаляла она свои сердца и мускулы для того, чтобы достойно выполнить любой приказ страны, будь то приказ на труд или на бой.

В этой книге я нашел строчки о комсоре цеха, ударнике производства и физорге Валентине Шелагине. Первым среди своих товарищей сдал нормы на значок ГТО II ступени. Увлёк других. Стал инициатором организации нового штурмового городка. Награжден специальной грамотой ленинградского горкома ВЛКСМ. «Валентин Шелагин, – говорится в комментарии к заметке, перепечатанной в книгу из заводской стенной газеты, – один из тех, по кому должны равняться все юноши и девушки нашего города!»

В футбол Валентин Шелагин стал играть с десятилетнего возраста. Несколько лет спустя, в 1933 году, в футбольной летописи Ленинграда появляется Шелагин III – он выступает за первую команду «Промкооперации» (впоследствии преобразованной в «Спартак»), считавшуюся одной из сильнейших в городе.

Листая подшивки ленинградской спортивной газеты тех лет, можно нередко встретить теплые слова об этом третьем и последнем представителе питерской футбольной семьи. Причем – это особенно интересно – пресса часто хвалит его и тогда, когда вроде бы хвалить «не положено».

Вот пример. Осенью 1934 года в матче «Промкооперация» – «Красная Заря» решается судьба второго и третьего мест среди первых клубных команд на чемпионате города. Заводские футболисты оказались на этот раз Сильней, они победили со счетом 5:2! Но обозреватель, освещавший этот поединок, счел прямо-таки необходимым указать на то, что «блестящую, порой виртуозную обводку показывает Шелагин В.». Это не случайность. Молодой спортсмен в первых же выступлениях на арене большого футбола большого города зарекомендовал себя как исключительно сильный техник, владеющий многими «тайнами» дриблинга.

Старейший спортивный журналист, потомственный питерец Илья Николаевич Гончаров рассказывает:

– Помню, в начале тридцатых годов ко мне пришел сослуживец и, радостно потирая руки, воскликнул: «Илья, нас всех сегодня можно поздравить. В Ленинграде появился второй Дементьев» (тут просто необходимо пояснить, что город тогда был влюблен в Пеку Дементьева, о старших его братьях широкая публика знала не очень много, а Николай еще был слишком мал и не успел появиться на арене. – Л.Г.). Я ответил ему, что хорошо знаю семью Дементьевых, но второго Пеки среди них пока не вижу. «Да это не из их семьи, – улыбнулся гость. – У моего Дементьева фамилия другая – Шелагин. Валентин Шелагин».

Через несколько дней, – продолжал свой рассказ Илья Николаевич Гончаров, – мы пошли смотреть новичка и действительно были поражены. В матче против «Электросилы» он показывал просто чудеса, обводя на полной скорости одного соперника за другим. На трибунах ему аплодировали. Потом мне еще много раз приходилось видеть Валентина на зеленом поле, и его игра всегда доставляла большое удовольствие. Как говорят сейчас критики, он «смотрелся» изумительно.

В 1935 году юный представитель Шелагиных поступает в Ленинградский институт имени Лесгафта и в этом же сезоне начинает выступать за первую клубную команду этого старейшего в стране учебного заведения.

«С приходом Шелагина в линию нападения инфизкульта, – читаем мы в спортивной хронике, – его команда, выдвинувшаяся за последнее время в число ведущих коллективов города, еще более усилится».

И в самом деле, студенты начали сезон матчем с «Динамо», в составе которого выступали Бутусов, П. Дементьев и другие знаменитости.

«Давно уже не видели, – сообщал автор газетной статьи, – такой увлекательной, острой, дух захватывающей борьбы. Когда на пятой минуте Дементьев открыл счет, казалось, лесгафтовцы обречены на разгром. Но уже через минуту В. Шелагин великолепным ударом забивает ответный гол. Потом студенты, действующие с особым подъемом и завидным мастерством, забивают еще два мяча. Оба они влетели после комбинаций, начатых Шелагиным»... В конце концов, динамовцам ценой огромных усилий удалось в тот раз вырвать победу со счетом 4:3, но какой ценой!

Еще выступая в линии нападения институтской команды, Валентин успел зарекомендовать себя с самой лучшей стороны, завоевать настоящую, искреннюю любовь ленинградцев. И признание специалистов. В самом деле, уже 3 октября 1937 года в газете «Спартак» в списке кандидатов в сборную города мы видим рядом двух Шелагиных – Евгения и Валентина. А еще через несколько дней в статье, посвященной итогам идущего к концу футбольного сезона, заслуженный мастер спорта Петр Ежов писал: «Еще не так давно на зеленых полях бодро, энергично действовал Борис Шелагин, с которым мне довелось играть и рядом, плечо к плечу, и друг против друга. Потом к нему присоединился Евгений – мастер замечательный, очень хорошо успевший проявить себя и обещающий вырасти в большого мастера советского футбола. Теперь мы увидели, что в жарких турнирных боях за первенство вырос еще один большой футболист – Валентин Шелагин.

Что ж, Ленинград может только сказать спасибо этой футбольной семье»...

Чудесные слова! Ленинград и в самом деле еще при жизни этих прекрасных мастеров кожаного мяча, искренних спортсменов говорил им свое большое спасибо, отмечал их несомненное искусство, их высокую боевитость, их преданность городу и футболу.

В начале 1939 года Валентин был приглашен в команду «Зенит», отыграл в ее основном составе два сезона, в играх на первенство забил семнадцать мячей в ворота соперников. Вместе с «Зенитом» в памятном тысяча девятьсот сороковом дошел до финала Кубка страны. После поражения в финале «Зенит» возвращался в Ленинград. Валентин ходил по вагону от купе к купе и утешал ребят:

– Ничего, парни, мы еще выиграем Кубок. Обязательно выиграем!

«Зенит» выиграл Кубок. Но Валентин уже этого не увидел. Когда навалилась на нашу землю великой бедой война, Шелагины проявили себя как настоящие герои-патриоты. Они трое, презрев «бронь», пошли записываться добровольно на фронт. Бориса не взяли – он остался в Ленинграде, наотрез отказавшись эвакуироваться, и погиб у станка, как погибали тогда многие в блокадном городе. Шла зима 1942 года. А в декабре 1941-го под Волховом во время одной из атак пал, сраженный вражеской пулей, Валентин. Евгений продолжал сражаться, громил фашистов на многих фронтах. Под Сталинградом в его танк попал вражеский снаряд. Вспыхнул пожар. Шелагин выбрался из боевой машины с тяжелыми ожогами и умер в полевом госпитале.

Так трагически сложилась судьба этой футбольной семьи. Мы никогда не забудем ее. Не забудем, что в мирные дни в спортивных сражениях они всегда были впереди, всегда – в атаке. И в минуту суровых испытаний для Родины они также оказались в линии нападения, в атаке. Вечная им память. И вечная слава!

Легенда восьмая и последняя, в которой автор познакомит вас с двумя поэтами русского футбола из еще одной знаменитой семьи

«Дорогой Федор! Что еще тебе написать? О себе – нечего. Но хочу поделиться большой радостью с тобой. Правда, она еще основана на предчувствии, но оно меня на этот раз не обманет. У нас в команде в конце сезона появился паренёк, о котором не могу говорить и думать без восхищения. Похож он – не внешне, а по виртуозности – на тебя. Быть ему знаменитым. Пишу и боюсь: а вдруг сглажу? Но нет, кажется, Ленинграду на этот раз повезло. Да, фамилия этого паренька – Дементьев. Скоро, очень скоро будут ее знать!»

Это письмо, написанное ленинградцем Петром Григорьевым своему московскому другу Федору Селину, датировано 12 ноября 1929 года. Оно попало ко мне в мае шестьдесят второго года, его принес сам адресат, похвастался прозорливостью товарища, разрешил снять фотокопию.

– Письмо не отдам, – сказал он мне. – Храню. Когда-нибудь Пеке перешлю. Пусть знает, кто его открыл.

– Не знаю, удалось ли Федору Селину – одному из мастеров советского футбола – выполнить свое желание. Внезапно налетевшая тяжелая, страшная болезнь приковала его к постели.

Был тысяча девятьсот тридцатый год. На стадионе имени В. И. Ленина сборная команда профсоюзов Ленинграда встречалась с приехавшей из Германии рабочей командой – сильнейшей в своей стране. Шла пятидесятая минута матча, начавшегося неудачно для хозяев поля. Они проигрывали 0:1. А тут еще как назло получил тяжелую травму один из сильнейших игроков-ленинградцев – правый полусредний Андрей Мурашов.

Вот тогда Павел Григорьев, тренер сборной, решил выставить из запаса самого молодого, но самого своего любимого ученика – Петю (или, как его называли все любовно, Пеку) Дементьева.

На ходу натягивая футболку сборной, новичок выбежал на зеленый ковер стадиона, сделал рывок, «предлагая» себя идущим в атаку партнерам, умело открылся, но его не заметили. Он повторил свой маневр снова, потом переместился в центр, но мяч, как живой, шарахался от него: в линии нападения сборной действовали годами налаженные

связи, и ветераны «обходили вниманием» юношу не потому, что желали этого специально. Просто не привыкли еще к нему.

Наконец, новичок, оттянувшись на свою половину поля, завладел мячом и, наращивая скорость, пошел с ним вперед. Наперерез ему бросился один из полузащитников, но футболист, с высоты трибун казавшийся мальчишкой, легко, едва заметным движением корпуса, обошел соперника, почти сейчас же на его пути вырос другой, но, протолкнув мяч и обогнув соперника, паренек преодолел это препятствие так же легко, ему наперерез бросился рослый защитник, но мяч порхнул над ним, словно обрел крылья; вот уже неистовый ленинградец ворвался в штрафную площадь.

– Бей!

– Молодец, бей! – кричат ему зрители, уже давно повскакавшие со своих мест, явно зачарованные этой невиданной смелостью и дерзостью.

Но молодой «чудотворец», видно, твердо решил окончательно изумить всех, кто присутствовал в тот день на стадионе. В непосредственной близости от ворот, в зоне немецкой защиты, он стал продираться сквозь частокол чужих ног с такой непринужденностью, с таким изяществом, будто на пути его были не живые гиганты, а расставленные для тренировки манекены. Последним бросился ему наперерез вратарь – он обвел вратаря и тихо, нарочито тихо вкатил мяч в сетку. А потом побежал к центру, задрал голову к ослепительно голубому небу.

Не боясь употребить слишком сильный эпитет, я скажу, что трибуны взревели в тот миг: даже все, казалось, видевшие ленинградцы никогда не видели ничего подобного. Ни такой техники. Ни такого поистине олимпийского спокойствия. Ни такого полного «неуважения» признанных авторитетов. Казалось, такое возможно однажды, казалось, только счастливый случай помог этому безвестному пареньку.

– Пусть еще раз попробует... – говорили «со значением» знатоки друг другу на трибунах.

И новичок попробовал. Снова почти от центра совершил он поразжающий рейд в неприятельский тыл, и снова, теперь уже посланный с силой, мяч затрепетал в воротах немецкой сборной.

Стадион замолчал. Несколько секунд на трибунах царила тишина изумления. А потом они взорвались аплодисментами, криками радости, возгласами:

– Вот это да!...

– Кто такой?

– Откуда этот парнишка?

Никто не знал ни его фамилии, ни его имени, ни откуда он взялся. Но все сразу единодушно полюбили этого русоголового нападающего, показавшего им маленькое футбольное чудо. А на следующий день в газете впервые промелькнула его фамилия: «Вчера против рабочей сборной Германии тренер нашей профсоюзной команды во втором тайме выпустил на поле семнадцатилетнего Петра Дементьева. Этот молодой футболист не только спас свою команду, проведя два гола в ворота немецких спортсменов, но и удивил всех своей весьма своеобразной игрой».

Эта заметка познакомила многочисленных любителей футбола с героем только что отшумевшего матча, но ничего им не объяснила. И снова ленинградцы, встречаясь друг с другом, названивая друг другу по телефону, спрашивали:

– Слушай, откуда этот Дементьев?

– Где нашли такого?

– Откуда он взялся?

Действительно, всегда интересно узнать биографию интересного человека, путь, который проделал большой мастер. Вот почему я предлагаю познакомиться с семьей Дементьевых, войти в их дом.

Тимофей Дементьевич Дементьев – родоначальник знаменитого футбольного рода – работал слесарем на текстильной фабрике, которая уже в советское время стала известна ленинградцам под именем Коминтерна, а сейчас преобразилась в текстильный комбинат имени С. М. Кирова. Здесь же работала шпульщицей его жена – Фекла Федоровна. Труд был тяжелым, жизнь нелегкой, полуголодной: фабриканты не очень-то жаловали рабочего человека. До революции родилось у Дементьевых двенадцать детей, а выжило всего шестеро – четверо сыновей и две дочери.

Безрадостное существование влачили на фабрике, по существу, подневольные люди. Многие топили горе в вине, алкоголь добивал их разрушенное фабрикой здоровье, и люди гибли в молодом возрасте, так и не увидев ничего хорошего, ничего радостного.

– А ты почему не пьешь водку? – спросил как-то у Тимофея Дементьева мастер англичанин.

– Не хочу, как все, – ответил мастеровой. – Скучно и противно.

– Ого, ты какой. А спортом заниматься не хочешь?

– Что это еще за штука?

– Даже не знаешь? Приходи-ка в субботу вечерком на стадион. Попробую тебя научить играть в футбол.

– А пустят меня?

– Я скажу – пустят.

Верно, пустили. Посмотрел Тимофей игру – понравилась. Решил сам попробовать, стал тренироваться. А через год уже не было на фабрике игрока лучше, стремительнее, энергичней.

Играл он на левом крае нападения, быстро бегал и отличался метким, мощным ударом. Его поставили за первую команду, где до этого «царствовали» одни англичане. И долго – почти десять лет – футбол был его любимым отдыхом, его увлечением, его страстью.

– Полезно, интересно, – говорил он каждому из своих друзей, спрашивавших, что нашел рабочий парень в «английской забаве». Так незаметно для самого себя стал Тимофей Дементьев пропагандистом физической культуры среди рабочего люда.

Всеми силами старался он передать свою любовь к футболу сыновьям – Александру, Ивану, Петру и Николаю. Брал их на игры с малых лет, часами говорил о лучших игроках, о том, как надо действовать на поле. Даже дома не оставлял он своих бесед. Бывало, усядется семья за стол, он обязательно скажет:

– Слушайте, мальчишки. Хочу я, чтобы вы стали хорошими футболистами. А для этого самый первый наказ: никогда не пейте. Ни водки, ни пива. И не курите ни в коем случае. Запомните эту заповедь.

Старший, Александр, не запомнил. Играл он – тоже на левом крае нападения – очень хорошо, выступал за сборную фабрики, а в середине двадцатых годов пригласили его в только что организованную команду ленинградского «Динамо». Только недолго поиграл – стал нарушать режим, а уж тут не до выступлений. Снова вернулся в фабричную команду, играл «для души». С первых дней войны ушел в армию, служил в войсках противовоздушной обороны, охранял небо над Горьким. Потом вместе со своей боевой частью отправился на фронт и уже незадолго до победы на территории Германии пал смертью храбрых.

Геройски сражался с врагом и второй по старшинству брат – Иван, слесарь с фабрики Халтурина, отчаянный любитель футбола.

– Играл он не очень складно, но всегда азартно, горячо, отдавал команде всего себя, – говорят об этом человеке люди, которым довелось вместе с ним выступать на зеленом поле.

Много матчей провел Иван за сборную фабрики, защищая ее честь на первенстве Ленинграда. Одним из первых на фабрике Халтурина сдал нормы на значок ГТО II ступени. Об этом рассказала в 1932 году газета «Спартак». Она же поместила на своих страницах обязательство молодого рабочего – «подготовить десять отличных физкультурников,

значкистов ГТО, чтобы каждый из нас в нужную минуту с честью мог выполнить свой долг перед Родиной».

Настало время, он доказал, что не бросал слов на ветер. Ушел на фронт, стал танкистом, совершал героические рейды по тылам врага, в одном из жестоких боев попал под авиационную бомбежку, горел в машине, но, к счастью, успел выбраться... Сейчас он снова, как и в дни молодости, трудится на комбинате имени С. М. Кирова, выполняет почетные обязанности физорга цеха, учит мальчишек любить футбол.

Петр – третий из братьев – родился в 1913 году в Ленинграде. Дела и развлечения семьи стали и его делами, его развлечениями. Уже в шесть лет он на вопросы взрослых о своем будущем отвечал непреклонно:

– Буду работать на фабрике и гонять футбол!

Футбол! Он оглушительно врывался в его жизнь. По воскресеньям ходил смотреть, как играют братья, переживал за них, подавал мячи и вскоре стал на фабричном стадионе своим человеком.

Ну, а будни – игры с мальчишками. Жили Дементьевы в ту пору на Малой Балетной улице (теперь она носит имя Красных Текстильщиков), в школу бегал на Знаменскую – недалеко от Московского вокзала. Во дворах двух этих городских районов и начиналась Петина футбольная биография. Его сразу приняла и признала питерская ребятня, – Петь, иди к нам...

– Нет, пусть играет у нас.

– У вас и так сильная команда. Пусть у нас, – кричали наперебой мальчишки, многие из которых были куда постарше его. Впрочем, при чем тут возраст. А талант в этом бесенке угадывался сразу: он как-то особенно по-дружески обходился с мячом, по нескольку минут не отпускал его на тесном пяточке, в невероятной толчее обходя одного соперника за другим.

В тринадцать лет его приняли в пятую взрослую команду фабрики, выступавшую по первой группе в чемпионате Ленинграда (Александр играл тогда за первую, Иван – за третью). Никогда раньше таких

мальчишек в команды не принимали, но здесь было сделано исключение. В заявке, поданной от фабрики в Ленинградский городской комитет физкультуры, говорилось, что «Петр Дементьев, 1913 г. рождения, учащийся, включается в команду в силу исключительной талантливости».

Новичка поставили в линию нападения, и вскоре он стал удивлять всех своим мастерством, своей поражающей, не похожей ни на чью другую техникой. Через год Пеку брали играть уже и за вторую, и за первую – стоило кому-нибудь из игроков не прийти, как капитаны кричали:

– Дементьев Пека, становись за нас!

И он становился с радостью. Случались дни – причем все чаще и чаще, – когда он проводил на поле по двести семьдесят минут, выступая за одних, других и третьих. Случалось, в первой команде он выступал на месте полусреднего, во второй выполнял «обязанности» крайнего нападающего, в третьей – центрального форварда. И почти никогда не уходил с поля без «своего» гола. Одним словом, признали его быстро, быстро полюбили. В 1929 году Ленинград впервые создал свою молодежную сборную, и Петр Дементьев был включен туда одним из первых, вместе со своим товарищем по фабрике Шорецом, ставшим впоследствии одним из сильнейших вратарей страны, Евгением Шелагиным и другими талантливыми парнями. Играли у себя, совершили увлекательное турне по волжским городам. Саратов, Куйбышев, Горький выставили против них свои сборные, и всюду юноши с берегов Невы одерживали победы. Тепло написала о них газета «Спартак»: «Приятно сознавать, – констатировала она, – что растет у нас хорошая, достойная смена. Что скоро рядом с Михаилом Бутусовым, Николаем Соколовым, Петром Ежовым станут новые имена».

– Я, когда прочитал эту заметку, даже испугался, – вспоминает Петр Тимофеевич. – Даже в мыслях представить не мог, что удостоюсь счастья играть рядом с Бутусовым. Он был моим кумиром. Я смотрел на него как на человека из другого мира. Его удары, его поразительная футбольная интуиция, его точный пас и вообще игровая мудрость всегда восхищали меня...

И вот наступил тот день, о котором уже говорилось выше: Петр Дементьев сыграл против немцев за профсоюзную команду, был признан футбольным Ленинградом и стал неотъемлемой его частью. Через несколько дней он уже был официально введен в сборную города, а чуть позже приглашен в команду мастеров ленинградского «Динамо», где отыграл без малого четверть века.

Итак, поистине стремительный, ошеломляющий взлет. Кроме отца и братьев, увлекавших Петю своим примером, был еще один человек, которому молодой футболист обязан своим восхождением. Я уже называл его имя и фамилию – Петр Григорьев.

В двадцатых – да, пожалуй, еще и в тридцатых – годах он считался одним из лучших крайних нападающих страны. Невысокого роста, плотный, хорошо сбитый, Петр Григорьев обладал очень быстрым бегом, точным пасом, сокрушительным ударом, позволявшим ему забивать в ворота соперников много блестящих мячей, много незабываемых голов.

По профессии Петр Григорьев – рабочий, всю свою жизнь он простоял у станка и погиб на трудовом посту в осажденном Ленинграде. В довоенные годы он в свободное от работы и выступлений на зеленых полях время выполнял роль общественного тренера, ходил по стадионам фабрик и заводов, выискивал талантливую молодежь. Он-то и открыл впервые талант Петра Дементьева, много занимался с ним, ввел в состав сборной профсоюзов и тем самым ускорил его появление в мире большого спорта.

Пожалуй, ни один из советских футболистов – какое бы поколение представителей этой игры мы ни взяли – не добивался за предельно короткий срок такого творческого успеха, как Петр Дементьев. На матч с немцами в 1930 году он вышел никому не известным новичком, зеленым юнцом, а в 1932 году он уже выступает за основной состав сборной СССР. Проходит еще год. Футбольный Ленинград, подводя итог очередному, только что закончившемуся сезону, называл на страницах газеты «Спартак» своих гвардейцев.

«Очередь за Дементьевым, – читаем мы сейчас пожелтевшие листы подшивки. – Имя его стало популярным во всех футбольных уголках

необъятного Советского Союза. Это не просто игрок сборной Ленинграда, сборной СССР – это действительно необычный по классу игрок, сочетавший в себе все качества: изумительную подвижность, безукоризненную, доходящую до виртуозности, технику».

Поистине не было у нас за всю историю отечественного спорта мастера более своеобразного, более интересного, более примечательного. В конце пятидесятых годов, после шведского чемпионата мира, планета заговорила о чудотворце футбола – бразильском футболисте Пеле. Сколько места в мировой, в том числе и в нашей, советской, прессе было отведено утверждению непревзойденности техники этого игрока. Читая эти восторженные репортажи, я всегда вспоминал нашего простого, чудесного русоголового Пеку. Ах, как жаль, что в его время мы не играли на стадионах Англии, не летали за океан, не совершали длительных вояжей по футбольной Европе. Случись такое, сейчас – я уверен в этом – газеты мира называли бы Пеле бразильским Дементьевым. Да, мы тогда мало встречались с командами других стран и народов. Но все иностранные специалисты, все выдающиеся мастера, которым довелось видеть Дементьева на поле, отмечали единодушно:

– Это истинная жемчужина мирового футбола!

Получив признание в родном городе, Петр в тот же год был приглашен в «Динамо», где судьба свела рабочего паренька с его кумиром – Михаилом Павловичем Бутусовым. На долгие годы этот творческий дуэт стал лучшим не только в Ленинграде, но и, пожалуй, во всем советском футболе. Два мастера, обладавших виртуозной техникой и безукоризненным видением игры, блестяще понимали друг друга, проявили редкое сходство творческих характеров, выразившееся на поле в постоянной безошибочности действий, в точности ходов, в расчетливости, которые часто приводили в изумление даже самых тонких знатоков и самых близких друзей.

Обладая незаурядной техникой, совершенно непревзойденным искусством финта, высоким чувством паса, Петр Дементьев добровольно взял на себя роль подыгрывающего, роль «организатора возможностей» в этом творческом микроколлективе. Долгие минуты носился он по полю, обводя с веселой легкостью одного соперника за другим, притягивая на

себя силы неприятельской обороны и потом, улучив момент, точным, молниеносным посылом передавал пас следовавшему с ним на одной линии или «дрейфовавшему» чуть сзади Михаилу Бутусову. Следовал рывок, удар, и мяч, как правило, оказывался в сетке.

Великий центрфорвард высоко ценил эту черту характера Петра Дементьева, часто высказывал ему свою признательность. Еще в тысяча девятьсот сороковом году, когда одна из ленинградских газет напечатала очерк о Дементьеве и привела цифру забитых им голов, Михаил Павлович прислал в редакцию письмо, в котором писал: «Прибавьте ему еще половину моих, забитых в чужие ворота начиная с тысяча девятьсот тридцать второго года. Они по праву принадлежат ему».

Незадолго до своей безвременной кончины Михаил Павлович закончил одну из глав книги воспоминаний, над которой работал долгие годы. Воздавая в этих воспоминаниях должное всем друзьям, всем партнерам, всем футбольным единомышленникам, он во всеуслышание провозгласил: «Конечно, с особой теплотой я вспоминаю своего коллегу и напарника П. Дементьева – самого техничного и самого виртуозного футболиста моего времени. Да и сейчас таких футболистов не хватает в наших ведущих командах. Дементьев, как никто другой, умел вывести меня на прорыв. Ему обязан я очень многими забитыми мною голами».

Дементьева часто, очень часто называли артистом в футболе. Он действительно с первых минут появления в большом спорте покориł всех своей истинной артистичностью, неподражаемой легкостью и красотой действий. Одной из самых характерных, самых сильных и ярких черт этого спортсмена была исключительная выразительность и естественность движений. Каждый его финт, каждый ложный выпад, каждый обманный ход воспринимался защитниками как окончательное решение. Следовал контрприем. Заставив соперника сдвинуться с места, вступить в борьбу, потерять устойчивость, он резко менял решение и оставлял противоборствующего где-нибудь в стороне или сзади – растерянного, еще не успевшего, по существу, понять, что и каким образом произошло.

Можно без преувеличения сказать, что не было у нас в футболе другого мастера, который доставлял бы столько «обид» и неприятностей

защитникам. Позволю себе привести один случай, увы, далеко не спортивный, но в то же время весьма характерный.

Это произошло осенью тысяча девятьсот тридцать пятого года во время турне сборной Советского Союза по Турции. Шел очередной матч против команды Стамбула. Совершенно феноменальную игру показывал Дементьев – он несколько раз проходил с мячом от своей штрафной площадки до чужой, обводил подряд шесть-семь человек, вызывая бурю восторга и удивления на трибунах.

Особенно привлек внимание публики, заполнившей стадион, его поединок с рослым, широкоплечим, казалось, неприступным защитником турок – Арефом. Маленький Пека делал с ним все, что хотел: легко обходил слева и справа, дважды буквально пронырнул между ногами, пускал мяч в одну сторону и, обежав защитника с другой, вновь овладевал им, неся вперед, подбрасывая мяч на голове, заставляя своего сторожа растерянно созерцать эту картину, вынуждал его бросаться в ноги и, оттянув в последнюю минуту мяч на себя, спокойно оставлял за собой распластавшегося на земле турка... Смех и аплодисменты неизменно сопровождали эту дуэль.

Наконец, случилось неожиданное и ужасное: оказавшись вновь – в какой уж раз – одураченным Пекой, турецкий защитник догнал его и свалил наземь... ударом кулака. И, закрыв лицо руками, рыдая, бросился с поля. На следующий день в одной из стамбульских газет было опубликовано письмо Арефа «К русскому футболисту Петру Дементьеву». В нем он, в частности, заявлял: «Я знаю, что совершил недостойный поступок и прошу извинить меня.

Позорный шаг был сделан не по злему умыслу. Ваше непревзойденное мастерство сделало меня впервые в жизни совершенно беспомощным, и сознание невозможности равным счетом ничего противопоставить вам, привело в исступление»...

Попутно уж скажу, что удар, нанесенный Дементьеву, оказался сильным – была рассечена бровь, и на следующую игру в Измире он, по разрешению тренера, не вышел на поле. Когда зрители узнали, что этот игрок не будет участвовать в состязании, на трибунах начало твориться

что-то невообразимое. Несколько тысяч человек, взявшись за руки, непрерывно скандировали, произнося с акцентом простую русскую фамилию полюбившегося им паренька.

– Дементьев!

– Дементьев! Давай на поле, – раздавалось тут и там. Эти крики были такими сильными, требование таким настоятельным, что администрация стадиона вынуждена была отодвинуть время начала состязания. Только когда Петр Дементьев вышел на поле с перебинтованной головой, толпа немного успокоилась.

Многие советские футболисты – современники Дементьева – в различной форме выражали свое искреннее восхищение его ошеломляющим искусством. Интересно высказывание о Дементьеве другого нашего мастера футбола, другого виртуоза – заслуженного мастера спорта Федора Селина.

«Ни одному футболисту, – писал Селин, – ни нашему, ни зарубежному – никогда не удавалось обманывать меня так легко, так постоянно и красиво, как Дементьеву. Происходило это потому, что в арсенале ленинградца было всегда бесчисленное множество приемов, которые он выполнял с подлинным блеском. Мы встречались на зеленом поле сравнительно часто, и можно было предполагать, что хорошо знаем друг друга. Собственно говоря, в отношении других и в самом деле было так: даже несомненно великого Бутусова я «видел» заранее, мог готовиться к борьбе с ним, знал, как это делать. Дементьев же всегда был загадкой, всегда, оставаясь самим собой, в то же время удивлял новизной, ошарашивал неожиданными действиями. В этом заключалась огромная сила ленинградца, в этом состояла постоянная трудность борьбы с ним».

Рисуя образ этого человека, нельзя не отметить, что Петр Дементьев отнюдь не сразу стал совершенным бойцом, подлинным гроссмейстером футбола. В начале тридцатых годов люди часто видели на поле безудержного мальчишку, для которого конечный результат состязания, в конце концов, не имел никакого значения, а важна была сама игра, счастье борьбы, возможность проявить свое собственное «я». Пожалуй,

самую красивую игру он показывал именно тогда, хотя красота эта была ради красоты – не больше. Бывало, в ту пору он творил чудеса: возьмет мяч, проскользнет с ним сквозь все оборонительные заслоны, дойдет почти до вратарской площадки соперников и... начинает двигаться в обратную сторону. Разъяренные игроки соперничающей команды бросаются ему наперерез, задавшись целью отобрать все-таки мяч у этого чародея, свои партнеры останавливаются, фактически выключенные из игры, на трибунах – сплошной гул, аплодисменты, смех, крики, а Пека знай себе играет – именно играет – с мячом, и никто не может помешать его забаве.

Много тогда было написано о Дементьеве статей, где с восхищением соседствовали слова острой критики, призывавшей молодого футболиста отказаться от индивидуализма и подчинить свое выдающееся мастерство интересам команды, интересам коллектива. Но ни в одной из них, к счастью, не было посягательств на его индивидуальность, на его оригинальность и самобытность.

«Среди нынешнего поколения питерских футболистов, – писал в 1932 году Василий Павлович Бутусов, – пожалуй, самой колоритной фигурой является Петр Дементьев. Мы все чрезвычайно заинтересованы, чтобы он, безусловно сохраняя свой игровой почерк, отдал большую дань духу коллективизма, научился взаимодействовать не только со своим центральным нападающим, но и со всей линией нападения. Это сделает его еще более яркой личностью на зеленом поле и придаст новую силу командам, за которые он выступает».

Эти советы не проходили для Дементьева даром. Несмотря на свой сравнительно юный возраст (в тридцать втором ему исполнилось девятнадцать лет), он проявил чувство высокой ответственности, большой творческой серьезности и правильного отношения к критике. С каждым матчем его игра становится все более глубокой по мысли, все более содержательной и целеустремленной.

Постараемся восстановить хотя бы некоторые матчи, героем которых был Петр Дементьев.

Ну возьмем любой день. Например, памятный июньский день 1935 года. В городе на Неве встречаются сборные команды Ленинграда и Тифлиса. Грузинские футболисты в ту пору уже успели заявить о себе во весь голос, их выступление ожидалось с большим, вполне понятным интересом. Многие обозреватели предсказывали победу гостям.

И вот борьба началась. Южане со свойственным им темпераментом бурно атакуют, рвутся вперед, стремительно, красиво маневрируют. Удар в штангу. Угловой. Бросок вратаря. Еще удар в штангу. На трибунах сплошной гул. Кажется, вот-вот хозяева поля будут смяты, раздавлены.

Но постепенно игра выравнивается, теперь уже и ленинградцы все чаще идут вперед, но их волнообразные атаки разбиваются обороной гостей. Защитники южан действуют смело, быстро, они явно опережают нападающих северян. Никак не удается обмануть их бдительность, невозможно вызвать их на неверный шаг.

Пошла двенадцатая минута. Мяч у Петра Дементьева. Он медленно смещается влево, набирает скорость, обходит одного защитника, другого, врывается в штрафную площадку, изготавливается к удару. Один из игроков сборной Тифлиса падает ему в ноги, но... мяч уже отброшен вправо – туда, где оказался свободный Кусков. Удар – и мячу просто некуда деваться, он трепещет в сетке ворот. 1:0.

Прорыв гостей не сломлен, игра продолжает быть острой, интересной, увлекательной. Темп взвинчен до «бешеного», как писала после состязания одна из газет. Не успел начаться второй тайм – прошло всего тридцать секунд, – и гости уравнивают счет прекрасным ударом полузащитника Аникина, произведенным с тридцатиметровой дистанции. Борьба приняла еще более острый характер, яркие моменты, возникающие то у одних, то у других ворот, держат публику в огромном напряжении. Но защита обеих сторон очень внимательная. Кажется, что результат так и не изменится.

И вдруг следует очередной тактический ход Дементьева, он играет «в стенку» с Бутусовым, делает вид, что вновь хочет сделать ему передачу, но неожиданно, удивительно тонким, кажется, рассчитанным

до миллиграмма пасом за спину защитника выводит на удар Ярцева. Ленинград ведет 2:1. А когда прозвучал свисток судьи, счет был уже 5:1.

«Вчера, – читаем мы отчет об этом состязании, – нападение нашей сборной показало на редкость слаженную и красивую игру, чего мы уже давно не видели. Мяч легко, молниеносно и точно переходил от одного ленинградца к другому, словно мыслящее существо. Этой организованностью и мудростью команда обязана Петру Дементьеву, который, бесспорно, был лучшим игроком матча. Из пяти проведенных в ворота тифлисцев мячей ни один не «сделан» без его прямого участия».

Отойдем еще на год назад – в тысяча девятьсот тридцать четвертый год. В столице шел матч трех городов – одно из популярнейших состязаний того времени. Встречались сборные команды Москвы, Харькова и Ленинграда. Победили москвичи (с Ленинградом 2:1, с Харьковом 5:2), но специально учрежденный Высшим Советом физической культуры приз – именные часы – • получил Петр Дементьев. На их крышке было выписано три слова: «За виртуозную технику». Как бы разъясняя их, газета «Красный спорт» пишет: «В лице ленинградца П. Дементьева мы сегодня имеем безусловно игрока международного класса. Его дирижерские способности, его тактическая мудрость, его умение создавать для своих партнеров идеальные условия делают его непревзойденным инсайдом советского футбола».

Для понимания творческого облика нашего героя важно остановиться на одном моменте. Даже в то время, когда Петр Дементьев выступал, многообразный глас любителей представлял его в глазах общественного мнения как идеального разыгрывающего, первоклассного дирижера, идеального партнера Бутусова, человека, с чьих подач другие забивают мячи. В сущности, все так и было. Высочайшее индивидуальное мастерство, быстрота и глубина футбольного мышления, техническая виртуозность сами по себе предопределили эту роль для Дементьева.

Но в корне неправильна мысль, которую иногда приходилось слышать, что, дескать, сам он забивать голы не любил и не умел. Нет ничего обиднее такого суждения по отношению к Пеке. Он был первоклассным бомбардиром, мастером меткого и точного удара,

футболистом, умевшим не только великолепно завязывать комбинации, но и блестяще завершать их.

Достаточно, вероятно, было бы привести для примера всего лишь один матч, состоявшийся летом тысяча девятьсот тридцать четвертого года. Шло первенство города. Динамовцы принимали команду Ленинградского Дома Красной Армии. Достаточно сказать, что в двух названных мной коллективах играли тогда четыре игрока сборной страны и семь человек, удостоенных впоследствии звания заслуженного мастера спорта СССР.

Победили в тот раз динамовцы с астрономическим счетом 9:0! Шесть мячей в ворота армейцев провел Петр Дементьев. Статистика, учитывающая все официальные соревнования в нашей стране, считает этот блестящий результат абсолютным рекордом матчей (а рекорд в играх чемпионатов страны остается по-прежнему за Евгением Шелагиным). Если добавить к этому, что все шесть мячей были забиты Пекой с дальних дистанций, что все они выдались редкими по красоте, станет ясно: он не был «безобидным» для вратарей. Недаром после уже вышеназванного матча одна ленинградская газета писала: «Вчерашнее состязание стало настоящим и полным триумфом Петра Дементьева, показавшего всем – кто этого еще не видел, – что он футболист, обладающий огромным по силе и редким по точности завершающим ударом. Только отсутствие должного спортивного тщеславия приводит к тому, что этим своим качеством он, к сожалению, пользуется не всегда так часто, как хотелось бы».

И в этой цитате, очень правильной по существу, удивляет неточность наблюдения и знания Дементьева. Ведь только в тот год и только в играх чемпионата города он забил более двух десятков мячей. Кроме Бутусова, я не знаю человека, который мог бы сравняться с Пекой.

Игры... Игры... Игры... Они проносятся перед взором, они возвращают нам прожитое и неопровержимо доказывают справедливость наших утверждений.

Москва. Август 1934 года. На стадионе «Динамо», переполненном до отказа, играют сборные команды СССР и Турции. Матч складывается

очень трудно для советских футболистов, хотя играют они на редкость слаженно, красиво: гости, проигравшие до этого 0:3 сборной Москвы, обороняются с редким упорством. Первый тайм 0:0. А после перерыва на девятой минуте комбинация Фикрет – Музафар заканчивается голом в наши ворота.

Хозяева поля начинают с центра. Бутусов подталкивает мяч Дементьеву и вдруг... Пека делает стремительный рывок, обходит одного соперника, другого, движется вперед по избранной им траектории, то сдвигаясь влево, то вновь выходя на главное направление, врывается в штрафную, бьет, и мяч, ударившись о штангу, влетает в сетку ворот. Всего двадцать пять секунд были гости впереди, и теперь уже им нужно начинать с центра.

Конечно, напряжение поединка повысилось. Каждая из сторон прилагала немало усилий, чтобы изменить счет. И вот на двадцать третьей минуте именно Петр Дементьев сильным и точным ударом метров с двадцати выигрывает матч: счет 2: 1 в пользу сборной СССР остался до конца.

На моей памяти матч на Кубок Советского Союза, сыгранный в Ленинграде местным «Динамо» против московской команды «Серп и молот» в августе 1936 года. Хозяева поля выиграли его в редкой по красоте борьбе со счетом 3:2, причем два решающих мяча в ворота москвичей провел Петр Дементьев. После состязания корреспондент «Красного спорта» обратился к тренеру москвичей, ныне заслуженному тренеру СССР, Борису Андреевичу Аркадьеву с просьбой поделиться своими впечатлениями о матче.

– Самое сильное впечатление – игра Дементьева, – последовал ответ. Его невозможно ни разгадать, ни удержать.

Словно вторя этому утверждению, автор отчета о кубковой встрече, помещенного в газете «Спартак», писал: «Справедливым будет отметить, что ведущим игроком в команде в этот день был Дементьев. Он играл весьма продуктивно, много отходил назад... был полезным игроком и опасным форвардом, чьи удары решили судьбу борьбы за Кубок на данном этапе».

Мне бы очень хотелось передать моим самым любимым друзьям – молодым читателям – еще один очень важный, очень существенный штрих биографии нашего героя: он не только играл на редкость красиво, но и на редкость красиво забивал голы. Многие из них вошли в футбольные предания, которые вот уже на протяжении нескольких десятков лет передаются из уст в уста.

Недавно мне довелось быть в Одессе, и, конечно, я не отказал себе в удовольствии пойти на местный стадион. Перед началом состязания у турнирной таблицы сгрудились несколько десятков любителей футбола. Внимательно, напряженно, без обычного шума, свойственного этим собраниям, стояли люди. Стояли и слушали какого-то старика. Я подошел. Речь шла...о Петре Дементьеве.

– Это было, дай бог память, кажется, в тридцать пятом, – говорил рассказчик. – Тогда сборная СССР возвращалась из Турции и решила дать бой Одессе. О, тогда футбольная Одесса была великой силой.

Игра была красивой, – продолжал старик, – я мог бы рассказывать о ней целый час... И два... Но все затмил гол, забитый Пекой. Такого я не увижу уже никогда. Это было чудо. Истинное чудо.

– Быстрей, – попросил кто-то.

– Кто торопится, я не задерживаю. Хотя спешить, по-моему, некуда. Что смотреть? Ну да оставим критику. Вернемся к той игре. Счет был нулевым. Борьба острой. Одесситы, конечно, не хотели ударить в грязь лицом. И мы все болели за своих. И вдруг... Пека поймал мяч на голову и, подбрасывая его на ходу, помчался вперед, промчался между двумя защитниками. Навстречу бросился вратарь, знаменитый Николай Трусевич. Казалось, он спасет положение. Но едва уловимым движением ленинградец перебросил через него мяч, обежал вокруг падающего на землю голкипера, снова поймал на голову мяч и так, жонглируя им, внес в ворота. Боже, что тогда поднялось на трибунах! Да, впрочем, что там зрители. Все игроки Одессы, во главе со знаменитым Злотом, бросились к Пеке, стали его от души поздравлять, жали руки. Да, вот это был гол.

– Выдумываете вы все это, дедушка...

– Не может быть такого, – вырвалось у кого-то из ребят.

Тут я не выдержал и вмешался:

– Может! Был такой гол, парни, был на самом деле. Я читал о нем в газетах. Я слышал о нем рассказы от очевидцев. Мне говорил о нем совсем недавно сам Петр Тимофеевич Дементьев.

Я никогда не забуду матч чемпионата страны 1938 года между ленинградским «Динамо» и московским «Торпедо». Петр Дементьев приехал на стадион вместе с командой, но не раздевался – год назад он во время состязания получил две тяжелейшие травмы (перелом руки и ноги), еще не окончательно оправился от них и не хотел особенно рисковать.

Игра, однако, сложилась для его клуба весьма драматично: москвичи выиграли первый тайм со счетом 3:0. Казалось – все. В раздевалку ленинградцев, где царил печальная тишина, ворвался начальник областного управления:

– Ну чего приуныли, ребята! – закричал он. – Раздевайте Пеку.

– Я уже разделся, – услышали все голос в углу.

– Не верю, что из этого что-нибудь выйдет, но попробовать надо было, – сказал начальник тренеру, когда команды ушли на поле.

– И я не верю, – подтвердил тренер.

Действительно, трудно было поверить, что один человек, к тому же год провалявшийся на больничной койке, может что-либо изменить. Но чудо свершилось: ленинградское «Динамо» победило со счетом 5:3, и четыре мяча из пяти влетели в ворота торпедовцев от ноги Пеки. Я не могу вам описать, как ликовал тогда стадион, как, прорвавшись на поле, зрители подхватили своего кумира на руки и понесли в раздевалку. Для многих футболистов, сыграв они один такой матч, хватило бы славы на годы.

Футбольная жизнь Дементьева действительно такая большая и яркая, что многое из нее придется сообщить читателям хроникально.

Дважды – в 1937 и 1957 годах – Советское правительство отметило заслуги этого выдающегося спортсмена орденами «Знак Почета», в сорок пятом году ему присвоили звание «Заслуженный мастер спорта СССР».

Долго и верно служил Пека ленинградскому «Динамо». Перед самой войной он перешел в «Зенит», стал, по существу, одним из организаторов этого коллектива. «Зенит» дебютировал успешно: победил московский «Спартак», выиграл у «Торпедо». 22 июня 1941 года предстояла встреча с московским «Динамо», но ее отменили: началась война.

В июле он эвакуировался под Казань, работал слесарем-механиком, выполнял заказы фронта. Так пролетели два самых трудных года. В сорок третьем, после победы под Сталинградом, стала оживать спортивная жизнь страны. Пришел Петру Дементьеву вызов из Москвы – он стал играть за столичную команду «Крылья Советов». Команда занимала в первенстве Москвы одно из последних мест. Пека пришел к началу второго круга, и весь круг «Крылышки» прошли без поражений. В сорок седьмом заболела жена, и врачи потребовали срочно сменить климат. Так он оказался в киевском «Динамо». Отыграл здесь всего один сезон: неодолимо тянуло в родной Ленинград, к берегам Невы, к друзьям и традициям. И вот он в 1948 году возвращается домой и снова выступает в линии атаки своего «Динамо» (до 1953 года) и, лишь когда перевалило за сорок, ушел из большого спорта. Это прекрасное долголетие объяснялось просто: идеальным режимом (он никогда не курил и не пил), продуманной системой тренировок и великой любовью к спорту.

К сожалению, в период творческого расцвета Петра Дементьева международные связи нашего футбола были, увы, слишком ограничены, по существу, минимальны. И, даже несмотря на это, в нашем распоряжении имеются оценки крупнейших зарубежных специалистов. В 1935 году тренер сборной Турции в интервью с корреспондентом «Красного спорта» заявил, что в сборной СССР он прежде всего выделяет Петра Дементьева, как игрока бесспорно международного класса. В том же году вратарь сборной Праги – знаменитый Тихий – уверяет, что Бутусов и Дементьев являются лучшей парой нападения, которую ему когда-либо доводилось видеть. В

тридцать седьмом году игрок и капитан сборной Басконии Луис Регейро заявил: «На меня произвел огромное впечатление ваш Дементьев, который блестяще, если не сказать виртуозно, владеет мячом».

Наконец, в тридцать восьмом в Ленинград приехал Председатель Всечехословацкого спортивного комитета и футбольной ассоциации, член ФИФА господин Рудольф Пеликан. Вот его заявление: «Я присутствовал в Москве на футбольном матче «Динамо» (Ленинград) – «Спартак» (Москва). Ленинградское «Динамо», бесспорно, команда высокого международного класса, а в ней Петр Дементьев – настоящая жемчужина. У нас в Чехословакии за него бы дрались самые лучшие клубы».

Сейчас Петр Тимофеевич – глава большой и дружной семьи, в которой спорт всегда занимал и занимает ведущее место. Супруга его Муза Николаевна в прошлом игрок сборной Ленинграда по хоккею (кстати, и сам Пека выдающийся мастер этой игры), тренер по спортиграм, одна из первых женщин, судивших футбол. Сын Рудольф – инженер-конструктор, перворазрядник-футболист, выступал за сборную Балтийского завода. Дочь Ольга тоже инженер-конструктор, гимнастка первого разряда, вторая дочь – Муза – окончила филологический факультет Ленинградского университета, она кандидат в мастера по теннису.

Семья Дементьевых дала еще одного выдающегося мастера советского футбола – Николая Тимофеевича. Я не буду особенно много рассказывать о нем, потому что все, что сказано в этой книге о старшем брате, полностью относится и к Николаю (он родился в 1915 году). Два этих брата были удивительно похожи и внешне и манерой игры, пользовались одинаковой популярностью и любовью у зрителей.

Свой путь в большом футболе Николай начал в 1938 году в составе ленинградского «Динамо», рядом со старшим братом на месте левого полусреднего (с которого он никогда не уходил). Два сезона провел он здесь, выступая с большим успехом. Кстати, играть он начал вместе со своим другом Сергеем Соловьевым.

Игра новичков понравилась специалистам, и на следующий сезон обоих пригласили в московское «Динамо».

В сороковом, вместе со своим клубом, Николай Дементьев стал чемпионом страны. Газеты очень высоко оценили его мастерство, предсказывали быстрый взлет. Но... грянула война.

После победы Николай Дементьев вновь демонстрирует непроходящее мастерство и второй раз вместе с московским «Динамо» поднимается на высшую ступеньку пьедестала почета. Он участвует в знаменитой поездке динамовцев в Англию и заслуживает очень высокую оценку шотландских газет.

В дальнейшем творческая судьба Николая Тимофеевича неразрывно была связана с московским «Спартаком», в составе которого он провел десять поистине незабываемых лет. Это была пора, когда в советском футболе доминировали две «недосягаемые» тогда команды – столичные ЦДСА и «Динамо». Но и «Спартак» достойно отстаивал свои традиции, свое доброе имя. Трижды вместе со своим клубом завоевывает Николай Дементьев третьи места в чемпионатах страны, трижды завоевывает один из самых почетнейших трофеев советского футбола – Кубок Советского Союза. В 1950-м, когда в финальном матче «Спартак» – «Динамо» (М), окончившемся со счетом 3:0, он пушечным ударом забил последний гол, поставил победную точку, одна из газет написала о нем: «Трудно, право, переоценить мастерство этого подлинного виртуоза, этого выдающегося гроссмейстера футбола».

Действительно трудно. Николай Дементьев, так же как и его старший брат, вошел в историю советского футбола как непревзойденный мастер дриблинга и бомбардир (силу его удара – неожиданного, коварного, неизменно направленного в самые уязвимые места ворот – испытали на себе многие вратари), как умный организатор атак, тактик футбольного поля. Он поистине заслуженный мастер спорта, заслуги его высоки и делают честь этому замечательному человеку. Сейчас, когда пишутся эти строки, Николай Дементьев вместе со своим другом и партнером Игорем Нетто тренирует ярославский «Шинник» – команду второй группы класса «А».

Пройдут годы, десятилетия, вырастет и неудержимо расцветет наш футбол, новые, необычайно яркие «звезды» вспыхнут на его небосклоне, но все равно вечно будет гореть на нем славная футбольная фамилия Дементьевых, вечно люди будут помнить двух выдающихся поэтов зеленого поля и видеть в их игре пример к подражанию, утверждение высоких эстетических принципов футбола, его неумирающей красоты и мудрости!

